

ГОУВПО «ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ВУЗОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМУНИКАЦИЙ

LINGUA MOBILIS

Научный журнал

№ 5 (31) 2011

Выходит 6 раз в год

Издается с 2006 г.

Челябинск

Главный редактор

Селютин Андрей Анатольевич – кандидат филологических наук, заведующий лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

Зам. главного редактора, редактор перевода

Селютин Александр Анатольевич – кандидат филологических наук, зав. кафедрой языков и литературы Челябинского государственного института путей сообщений.

НАУЧНО- РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шкатова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Демидов Олег Витальевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.

Квашнина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Селютина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 162-в, к. 107

Группа журнала “Lingua Mobilis” на сайте vkontakte.ru

<http://vkontakte.ru/club7687624>

сайт www.linguamobilis.ucoz.ru

ISSN 1998-1546

© ГОУВПО «Челябинский
государственный университет»
© Лаборатория
межкультурных коммуникаций
© ООО «Энциклопедия»

Подписано в печать 21.07.11
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага ВХИ 80 гр.
Объем: 10,5 усл.п.л.
Тираж 500 экз. Заказ 702

Отпечатано в типографии
“Два комсомольца”.
454084, г.Челябинск,
Комсомольский проспект, 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Кожанова Е. В.** Ирония и самоирония в романе Х. Фил-динг
«Дневник Бриджит Джонс»7
- Ли Эр Юн.** Символика содержания и формы вокально-поэтического произведения (на примере песни Ван Ди на стихи Лу Ю «Ветер древности»)19
- Соломина В. В.** Смысловая дихотомия свой–чужой и ее смысловая репрезентация (на материале русскоязычных художественных текстов)27

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Иванова А. М.** Гипотаксис глагольных словосочетаний в чувашском языке38
- Константинова А. А.** К вопросу о когнитивно-дискурсивных аспектах паремий: функция структурной организации дискурса44
- Короткова О. А.** Лингвокультурные особенности названий английских пабов50
- Leonard Danglli.** Aspects of meaning as part of synonymy58
- Нуруллина А. Г.** Концепты «Бог», «Дьявол», «Небо», «Душа» в религиозной картине мира64
- Шумило Т. В.** Нечленимые высказывания как средство выражения эмоциональности и эмотивности73

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

- Валько О. В., Тимофеева А. И.** Актуализация фрейма «work» в дискурсе американского президента84

ЯЗЫК СМИ

- Штыкова Н. В.** Прагматика оценки в газетном диалогическом тексте (на материале общегородской газеты «Речь» г. Череповца)91

ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ

- Шейко А. М.** Пропозитивно-семантическая реализация ценностных характеристик феномена «время» в английской лингвокультуре98

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

Абрамова Е. В. К вопросу о составе заднеязычных фонем нидерландского языка и их сравнении с заднеязычными согласными русского языка	109
Дьякова Т. В. Калькирование как способ перевода политкорректных слов и выражений	114
Лебедева О. Г. Способы перевода неологизмов	118
Potseluyeva N. V., Fedulenkova T. N. Contrastive analysis of zoomorphic phraseology in English, Russian and Kazakh	123

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

Капинова Е. С. Включение невербальных средств общения в систему обучения русскому языку студентов колледжей по туризму	132
Молчанова О. Е. Метод драматизации как средство формирования творческой профессионально-методической компетентности будущего учителя иностранного языка в начальной школе	139
Петрова А. С. Диалог культур на уроках русского языка как иностранного	144
Сачкова Е. В. Статус словообразовательного элемента –net– в современном английском языке	154

АННОТАЦИИ	158
------------------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	164
----------------------------------	-----

CONTENTS

LANGUAGE OF FICTION LITERATURE

- Kozhanova V. E.** Irony and Self-Irony in the Novel “Brodget Jones’ Diary” by H.Fielding7
- Lee Er Yun.** Symbols of Content and Form of Vocal-Poetic Work (by the Example of the Song “Wind of Ancientry” by Van Dee, Lyrics by Lu Yu)19
- Solomina V. V.** Notional Dichotomy own-alien and Its Notional Representation (on the Material of Russian Fiction Texts)27

LANGUAGE STUDIES

- Ivanova A. M.** Hypotaxis of the Verbal Constructions in the Chuvash Language38
- Konstantinova A. A.** Towards the Cognitive-Discursive Aspects of Paremiias: the Function of Discourse Structure Organization44
- Korotkova O. A.** Linguocultural Peculiarities of English Pubs’ Names ...50
- Leonard Danglli.** Aspects of meaning as part of synonymy58
- Nurullina A. G.** Concepts ‘God’, ‘Devil’, ‘Heaven’, ‘Soul’ in the Religious World View64
- Shumilo T. V.** Non-articulated Utterances as a Means of Emotional and Emotive Expression73

LANGUAGE OF POLYTICS

- Valko O. V., Timofeeva A. I.** Actualization of Frame ‘work’ in American President’s iscourse84

LANGUAGE OF MASS MEDIA

- Shtykova N. V.** Pragmatics of Evaluation in the Newspaper Dialogic Text (on Materials of Cherepovets City Newspaper “Rech”)91

LANGUAGE OF CULTURE

- Sheiko A. M.** Propositional Semantic ealization of Value Characteristics of Phenomenon ‘time’ in English Linguoculture98

LINGUISTICS AND TRANSLATION

- Abramova E. V.** To the Question about the Content of Back Phonemes in the Dutch Language109

<i>Dyakova T. V.</i> Tracing as a Means of Translation of Politically Correct Words and Expressions	114
<i>Lebedeva O. G.</i> Ways of Neologisms Translation	118
<i>Potseluyeva N. V., Fedulenkova T. N.</i> Contrastive analysis of zoomorphic phraseology in English, Russian and Kazakh	123
<i>METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING</i>	
<i>Kapinova E. S.</i> Inclusion of Non-verbal Communicative Means in the System of Russian Language Teaching to the Students of Colleges of Tourism	132
<i>Molchanova O. E.</i> Method of Dramatization as a Means of Formation of Creative Professional Methodic Competence of Would-be Foreign Language Teacher in Primary School	139
<i>Petrova A. S.</i> Dialogue of Cultures at the Lessons of Russian as a Foreign Language	144
<i>Sachkova E. V.</i> Status of Word-Building Element –Net– in Modern English Language	154
<i>ABSTRACTS</i>	158
<i>INFORMATION ABOUT AUTHORS</i>	164

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИРОНИЯ И САМОИРОНИЯ В РОМАНЕ Х.ФИЛДИНГ «ДНЕВНИК БРИДЖИТ ДЖОНС»

В. Е. Кожанова

Статья посвящена изучению основных видов реализации иронии и самоиронии на всех языковых уровнях. Также были рассмотрены особенности использования иронического приема в произведении Х. Филдинг «Дневник Бриджит Джонс».

Ключевые слова: ирония, самоирония, языковые уровни.

Ирония по праву может быть названа одним из самых загадочных и удивительных литературных явлений. Она поражает нас своей яркостью и дерзостью; она похожа на эффектную великолепную женщину, которой многие оборачиваются вслед. Ирония может заставить нас не только хохотать до слез, но и плакать с грустной усмешкой. Поэтому не стоит видеть в ней лишь возможность для смеха; художественная ирония заставляет людей задуматься, и порой задуматься над вечными и непоколебимыми истинами, на которых покоится мир.

Целью нашей работы было изучение иронии на основе определенного художественного произведения. Ирония и самоирония являются неотъемлемой частью произведения английской писательницы Хэлен Филдинг «Дневник Бриджит Джонс», а, как мы знаем, англичане известны своим ироничным отношением к себе. Эта книга стала бестселлером во всем мире, о чем говорят отзывы авторитетных печатных изданий, например, Daily Telegraph: “I cannot recommend a book more joyfully... Hilariously funny, miraculously observed, endlessly touching”.

Автору удалось укорить нас в наших слабостях и недостатках самым сильным оружием – смехом, а у читателей остается приятное «послевкусие» от прочтения книги, и в этом главная сила и загадка иронии.

Человек, специально не изучавший иронию, понимает ее как утверждение, противоположное подразумеваемому с целью на-

смешки. Но при дальнейшем исследовании мы понимаем, что ирония далеко выходит за рамки антифразиса.

Ирония это: 1) тонкая насмешка, выраженная в скрытой форме [3. С. 225]; 2) троп, состоящий в употреблении слова или выражения в смысле обратном буквальному с целью насмешки [6. С. 155]; 3) один из способов авторской оценки изображаемого, в которой выражается насмешка автора над тем, о чем он пишет [1. С. 346].

Исходя из последнего значения, мы начинаем рассматривать иронию уже на фоне текста. Ирония, представленная без контекста, перестает быть таковой. Рассмотрение контекста является основным условием декодирования иронического смысла.

На сегодняшний день такое интересное литературное явление, как самоирония, исследовано недостаточно. Так как это форма иронии, то общие правила иронии будут приемлемы и для нее, однако она имеет свои уникальные особенности, которые представляют большой интерес для исследования.

Таким образом, мы будем рассматривать иронию и самоиронию на лексическом, синтаксическом и текстовом уровнях языка, чтобы их описание было достаточно точным.

Механизмы реализации иронии на **фонетическом уровне** немногочисленны, в основном сводятся к каламбуру:

“*The thing is, Suki and I... 'Suki? Pukey, more like...'*” [10. С. 185].

На **лексическом уровне** ирония реализуется либо с помощью словосочетания, либо отдельным словом. Самый распространенным и простым способом реализации иронии является употребление слов в обратном смысле с целью насмешки:

“*Mark had **thoughtfully** put me between Geoffrey Alconbury and the gay vicar*” [10. С. 231].

Слово *thoughtfully* несет в себе положительную семантику, синонимами могут быть *considerately, kindly*. Однако в нашем контексте она приобретает противоположный смысл, учитывая, что Бриджит находилась в отчаянном поиске своей второй половинки, и на празднике ее сажают между своим дядей (“...*perverts with the word 'Uncle' before their name*”) и священником с нетрадиционной ориентацией.

Иронический смысл может также выражаться свободным словосочетанием. В этом случае, мы должны учитывать «качество» лексикой, а именно экспрессивность ее единиц, стиль, к которому она принадлежит, сочетаемость с другими лексическими единицами.

“Mum, with dazzling bravado, has planned schmaltzy family Christmas...” [10. С. 235].

В данном примере на иронию нам указывает специфика выбранных писательницей языковых средств, чтобы рассказать о попытках Пэм, матери Бриджит, собрать семью на Рождество, словно до этого и не было ее романа с Джулио. Писательница выставляет в ироничном свете стремление Пэм создать истинное счастье в семье за короткий срок после таких событий.

Обыгрывание разных значений одного слова – еще один из способов реализации иронии на лексическом уровне. Чем сложнее план выражения полисемантического слова или словосочетания, тем сложнее выражаемые ими понятия – «переносное значение далеко не всегда является отрицанием прямого, отношения между ними гораздо сложнее и не сводятся к антифразису» [5. С. 11].

Помимо того, что Пэм оставила семью на целый год ради Джулио, она заняла у своих знакомых крупные суммы денег и скрылась с ними в Португалии. Ее разыскивает полиция, и в это время вся надежда возлагается на брошенного мужа:

“‘Is that too milky for you, Colin?’ said Una, passing Dad a mug of tea decorated with apricot floral frieze. ‘I don’t know... I don’t know why... I don’t know what to think,’ Dad said worriedly. ‘Look, there’s absolutely no need to worry,’ said Una, with an unusual air of calmness and control, which suddenly made me see her as the mummy I’d never really had. ‘It’s because I’ve put a bit too much milk in. I’ll just tip a bit out and top it up with hot water’ [10. С. 282].

В данном примере обыгрывается два значения слова *milky*: 1) containing milk; 2) spiritless, spineless. Иронический эффект усиливается из-за «столкновения» таких высоких чувств, как любви и признательности с глупостью, невнимательностью. Поэтому не случайно иронию иногда определяют как обманутое ожидание. Как отмечает К. М. Шилихина, «все исследователи сходятся в том, что ирония возникает в результате несоответствия ожидаемого и реального положения дел» [9. С. 229].

Ирония может быть также представлена авторскими новообразованиями, выражающими отношение говорящего к собеседнику или явлению:

“- ‘...How are the ear-hair clippers? – Oh, marvelously – you know – clippy’” [10. С. 12].

Данная ситуация комична сама по себе – Бриджит Джонс дарит своему отцу на Рождество машинку для стрижки волос в ушах. Слово “*marvelously*” означает высшую похвалу чего-либо, тогда как слова “*clippy*” в словаре нет, однако оно может пониматься непосредственно как сама функция этой машинки, которая никак не может быть настолько прекрасной. С. И. Походня считает, что «экспрессивность подобных индивидуальных новообразований способствует выведению иронии на поверхность, превращению ее из скрытой в явную...» [5. С. 28].

Однако выражение иронии с помощью одних лексических средств является недостаточным, поэтому следующим уровнем реализации иронического смысла является синтаксический. По мнению С. И. Походни, наиболее эффективными для создания иронии являются модели, относящиеся к эмоциональному синтаксису [5. С. 33].

Ирония может выражаться с помощью восклицательных предложений. Сюда относятся и те предложения, «которые графически не выделены восклицательным знаком, но на их восклицательность указывает либо местоимения, либо интонация» [5. С. 34].

“She was wearing a crocheted mini-dress with a floppy straw hat and an orange Bri-nylon saddle-stitched blouse on the top. As if the things I used to wear in my teens were a hilarious joke” [10. С. 214].

Бриджит поражается неуместностью вызывающего и безвкусного наряда коллеги в офисе. Самоирония, реализованная восклицательным предложением, выражает осуждение и недовольство Мисс Джонс.

Другой пример:

Бриджит застаёт в кафе Джереми, мужа своей подруги Магды, с незнакомой девушкой. Ирония самым лучшим способом передает всю игру действий и выражений, к которым прибегают Бриджит и неверный муж, чтобы выйти из столь щекотливой ситуации:

“I altered my path to pass his table, at which he immersed himself deep in conversation with the trollop, glancing up as I walked past and giving me a firm, confident smile as if to say ‘business meeting’. I gave him a look which said, ‘Don’t you business meeting me,’ and strutted on” [10. С. 95].

Ирония представлена предложением восклицательным по форме, угрожающе утвердительным по содержанию. Такой тип, как отмечает С. И. Походня, часто сопровождается авторскими окказионализмами, образованными путем конверсии [5. С. 34].

Ирония может выражаться и с помощью авторского комментария в скобках. Совместный смысл основного и вводного предложений помогает понять подлинное изображение ситуации и авторского к ней отношения.

“Mum, with dazzling bravado, has planned schmaltzy family Christmas with her and Dad pretending the whole of last year never happened ‘for the sake of the children’ (i.e. me and Jamie, who is thirty-seven) [10. С. 295].

В данном предложении цитирование чужой речи позволяет автору отстраниться от позиции говорящего, сделать акцент на абсурдности высказывания. Последнее относится уже непосредственно к текстовой иронии, речь о которой пойдет дальше. Такое совмещение нескольких способов реализации иронии в небольшом контексте является одной из особенностей авторского стиля писательницы. Возможно, именно в этом кроется секрет популярности книги.

Ирония может выражаться с помощью сравнительных конструкций:

“She was so tall and thin she hadn’t felt the need to put the heels on, so could walk easily across the lawn without sinking, as if designed for it, like a camel in the desert” [10. С. 172].

В данном случае столь комичное и необычное сравнение (грациозность нельзя сравнить с верблюдом) говорит читателям о чувстве зависти Бриджит к великолепной Наташе, у которой модельная внешность, отличное образование и хорошее состояние. Читатель ожидает, что за сравнением кроется комплимент, однако по сути это не так. Поэтому нам необходимо критично относиться к описываемым событиям, ведь ирония не всегда лежит на поверхности.

Ирония может быть представлена с помощью синтаксических конвергенций. При семантической неоднородности синтаксически однородных членов, активно приращивается субъективно-оценочная информация [2. С. 52].

Ведется расследование по исчезновению Пэм:

“ ‘Where is your mother now?’ ‘I don’t know. Portugal? Rio de Janeiro? Having her hair done?’ [10. С. 274].

В данном случае ирония представлена с помощью хаотичного перечисления. Иронический прием подкрепляет образ матери Бриджит как женщины, от которой можно ожидать все, которая абсолютно нелогична в своем поведении.

Текстовый уровень реализации иронии заслуживает особого внимания. Интенция автора может быть выражена в пределах пред-

ложения, абзаца или всего текста. Популярная в лингвистике идея об определенной взаимосвязи между всеми текстами, гласит, что речь несет в себе отпечаток следов предыдущего ее употребления, и наши фоновые знания помогают обнаружить эту взаимосвязь. Одна из основных теорий иронии, разработанная Д. Уилсоном и Д. Шпербером, раскрывает иронию «как эхо-упоминание того, что было сказано ранее. Иными словами, ирония – это всегда повторение чужих слов, только в новом контексте»[8. С. 155].

На текстовом уровне различают ситуативную и ассоциативную иронию. Ситуативную иронию мы можем наблюдать в пределах предложения или абзаца, она отличается экспрессивностью и яркостью:

Разговор происходит между Бриджит и ее мамой:

'Does that mean if I talked to you really persuasively you'd leave Dad and start an affair with Auntie Audrey?' 'Now you're just being silly, darling,' she said. 'Exactly,' Dad joined in. 'Auntie Audrey looks like a kettle' [10. С. 38].

Иронический эффект достигается в результате согласия говорящего с предыдущим высказыванием, однако его причины прямо противоположны позиции другого собеседника.

Ассоциативная ирония менее заметна, чем ситуативная, однако она обладает большим воздействием на читателя. Она пронизывает все произведение и затрагивает основные его проблемы.

Бриджит Джонс восемнадцать лет худела, чтобы влезть в модные джинсы, и у нее это, наконец, получилось; более того, она смогла бросить курить и отказаться от алкоголя. Когда Бриджит пришла на вечеринку “feeling v. full (very full. пояснение наше. – В. К.) of myself”, вопреки ожидаемому, она слышит от своих друзей: “*Maybe you've lost it a bit quickly off your...face*”, “*Just a bit...drawn*”, “*You just seemed, well, flat tonight*”, “*I think you looked better before, hon*” [10. С. 106–107].

Иронический эффект усиливается, когда Бриджит описывает все свое разочарование и лишения, с помощью анафоры “*Eighteen years – wasted. Eighteen years of calorie and fat-unit-based arithmetic. Eighteen years of buying long shirts and jumpers and leaving the room backwards in intimate situations to hide my bottom. ... Eighteen years of struggle, sacrifice and endeavour – for what? Eighteen years and the result is 'tired and flat'*” [Там же. С. 107].

Рассмотрев этот случай текстовой иронии, закономерным становится вопрос, действительно ли ирония всегда вид комического.

Хотя в основном этой точки зрения придерживались исследователи на начальном этапе изучения иронии, подобная характеристика встречается в некоторых словарях и сейчас. Однако те проблемы, которые открывают нам автор или сам говорящий, далеко не всегда заслуживают усмешки, они требуют вдумчивого и рассудительного читателя. Чаще всего трагичным является несоответствие ожидаемого и реального, как мы видим в данном примере; в этом случае она уже будет называться иронией судьбы. Трагизм заключается еще и в непонимании героем произведения окружающей обстановки. «Текстообразующая ирония <...> наиболее близка к трагической <...> Трагическая ирония основывается на заблуждении персонажа относительно самого себя. <...> Происходит лишь подведение к этому узнаванию...» [4. С. 10].

Следующий способ реализации иронии на уровне текста осуществляется с помощью лексических и структурных повторов, благодаря которым лексические единицы приобретают дополнительное общее значение, общий оттенок, создающий иронический смысл, поэтому чаще всего такой тип иронии будет относиться к ассоциативному и декодироваться по всему контексту.

По ходу развития романа Бриджит Джонс не раз находит себе образец для подражания. Однако и здесь Хэлен Филдинг не упускает возможности подшутить над своей героиней, и вот что получается: *“Wish to be like Kathleen Tynan (though not, obviously, dead) [10. С. 89]. “Wish to be like Tina Brown, though not, obviously, quite so hard-working” [10. С. 96].*

Особое место на текстовом уровне занимает смещение стилей речи:

Бриджит Джонс сильно озадачена, она не знает в каком виде ей написать отказ на приглашение на рубиновую свадьбу родителей Марка, который ей очень нравится, но которого считает слишком высокомерным. Одни из ее вариантов:

“Miss Bridget Jones is distraught, that she will be unable...”; “Devastated does not do justice to the feelings of Miss Bridget Jones...”; “It is with great regret that we must announce that so great was Miss Jones’s distress at not being able to accept the kind invitation of Mr Mark Darcy that she has topped herself and will therefore, more certainly than ever, now, be unable to accept Mr Mark Darcy’s kind...” [10. С. 219].

На официальный стиль письма указывает наличие сложных грамматических оборотов, литературный стиль лексики. Писательница

иронизирует над его абсолютно неуместным употреблением, из-за которого получается полная путаница в высказывании.

Ирония также может быть выражена с помощью пародий:

"Have just been interviewed in my flat by police officers. Started behaving like people who are interviewed on the television after plane crashes in their front gardens, talking in formulaic phrases borrowed from news broadcasts, courtroom dramas or similar. Found myself describing my mother as being 'Caucasian' and 'of medium build' [10. С. 277].

Однако пародия в основном употребляется в сатирическом произведении. Поэтому необходимо четко проводить разграничение функций иронии и сатиры. В сатире высмеиваются различные пороки общества, это «агрессивный юмор» [2. С. 33], тогда как ирония выражает авторскую насмешку над описываемым явлением, она, как отмечает С. И. Походня, «менее агрессивна, более интеллектуальна, аналогична по своему характеру, но чаще всего она ничуть не менее критична, чем сатира. Она в состоянии выразить гораздо более широкую гамму чувств, эмоций, она менее прямолинейна, более гибка, чем сатира. Несомненным достоинством иронии нам представляется ее многоплановость, многомерность, сочетающаяся с внешней емкостью, лаконичностью формы» [5. С. 4].

Проанализировав произведение «Дневник Бриджит Джонс», можем отметить, что Х.Филдинг в основном прибегает к текстовой иронии, при этом писательница выбирает достаточно серьезные проблемы в жизни любой женщины, например, одиночество, внешний вид. Во время чтения ощущается, что она описывает совершенно реальные ситуации, поэтому основной «мишенью» иронии становимся мы, читатели. Ирония выражает в основном авторское (а не говорящего) отношение к происходящему. Причем преимущественно в произведении ирония предстает как форма трагического, потому что горькая усмешка возникает лишь у автора и у самого читателя, но не у героини, у которой не всегда получается разрешить внутренние противоречия между тем, как лучше поступить в той или иной ситуацией и с теми или иными чувствами и эмоциями, которые ее захватывают. Таким образом, выделение функции противоречия в образовании иронического смысла создается благодаря той части трагического, что в ней есть.

Одна из основных проблем, поднятая в романе, это проблема одиночества, и в ее раскрытии автор прибегает именно к ироническому приему.

“Incensed by patronizing article in the paper by Smug Married journalist. It was headed, with subtle-as-a-Frankie-Howerd-sexual-innuendo-style irony: ‘The Joy of Single Life.’ ‘They’re young, ambitious and rich but hide an aching loneliness...When they leave work a gaping emotional hole opens up before them...Lonely style-obsessed individuals seek consolation in packeted comfort food of the kind their mother might have made.’ Huh. Bloody nerve. How does Mrs Smug married-at twenty-two think she knows, thank you very much?” [10. С. 244].

Мы снова можем наблюдать сочетание нескольких способов реализации иронии, что, как уже отмечалось выше, является одной из особенностей данного произведения: ирония, созданная с помощью антифразиса (the joy of single life); ирония над семейным статусом автора, который усиливается достаточно (а по европейским меркам очень) ранним возрастом, когда она вышла замуж; ирония, усиленная литературным стилем лексики (seek consolation, an aching loneliness, a gaping emotional hole) и экспрессивным вопросом.

Самоирония помогает героине относиться ко всем сложным моментам ее жизни с юмором. Так, например, Бриджит Джонс приходит на маскарадную вечеринку. Однако тему вечеринки отменяют, не предупредив ее об этом, и Бриджит появляется в специфичном наряде зайчонка среди прилично одетых гостей. Героиня, иронизируя над собой, показывает самую положительную реакцию в данной ситуации: *“ ‘At this rate I’m going to end up as a call girl,’ I muttered, trying to unpin the bunny tail from my bottom”* [10. С. 169].

Гораздо неприятнее ей было увидеть нравившегося ей Марка Дарси с его эффектной девушкой: *“The smug witch smirked at Mark and blatantly looked me up and down in a most impolite manner. ‘Have you come from another party?’ she breathed. ‘Actually, I’m just on my way to work,’ I said, at which Mark Darcy half smiled and looked away”* [10. С. 169–170].

Так мы видим, что самоирония помогает «сохранить» говорящему лицу в неловком положении. Ситуация достигает апогея своей комичности, когда девушки снова встречаются на рубиновой свадьбе родителей Марка:

“Just then Natasha appeared in the doorway, ‘Oh, hi,’ she said, seeing me. ‘Not in your bunny girl outfit today, then,’ and then gave a little laugh to disguise her bitchy comment as an amusing joke. ‘Actually we bunnies wear these in the winter for warmth,’ I said” [10. С. 232].

Еще во времена Сократа «мастер иронии умел отстаивать истину «от обратного». В диалоге «Пир» Платон описывает, как Сократ притворился единомышленником своего оппонента и, поддакивая ему, развил его взгляды до абсурда»[7]. Х. Филдинг использовала подобный способ создания иронического смысла в своем произведении:

“Valentine’s Day purely commercial, cynical enterprise, anyway. Matter of supreme indifference to me”. “Wonder if the post has come yet. Maybe there will be a card from Daniel. Or a secret admirer... Quite excited, actually” [10. С. 49].

Подводя итоги, в исследовании мы постарались рассмотреть иронию с разных позиций. Постепенно уходя от мнения, что ирония это не только утверждение с противоположным буквальному смыслу, мы рассматривали ее проявления на лексическом, синтаксическом и текстовых уровнях. Каждый следующий уровень реализации иронии состоит из механизмов ее выражения на предыдущем.

Создание иронического смысла начинается непосредственно с замысла автора и выбором языковых средств для его реализации. Ирония помогает выразить особое отношение говорящего к окружающей его действительности, к собеседнику, к содержанию высказывания и т.д.

Для декодирования иронии читателю необходимо:

1) ознакомление с текстом и его понимание, поскольку не вся ирония «лежит на поверхности», т. е. читателю необходимо уметь подмечать недосказанное;

2) наличие фоновых знаний, т.к. объектом иронии может быть выбрана общая, переходящая за рамки конкретного произведения, тема или ситуации;

3) понимание разницы между добром и злом. Такое на первый взгляд абстрактное требование является чуть ли не ведущим для адекватного восприятия иронии. Без отнесения высмеиваемого явления к отрицательному, исчезает сама ирония.

Во время исследования мы убедились, что иронию можно рассматривать не только как комическое, но и как трагическое начало: представление иронии как заблуждения, противоречия, крушение надежд, как саму иронию судьбы.

Бриджит Джонс прекрасно осознает свои недостатки и слабости, однако ее отношение к этому сугубо созерцательное, это лишь становится предметом для самоиронии. Также, на наш взгляд, самоиро-

ния помогает снять напряжение внутреннего противоречия, неловких социальных ситуаций.

Конечно, в статье не были рассмотрены все виды иронии в их многообразии, но мы не ставили перед собой такой цели. Ведь каждый человек найдет в разном предмете для насмешки, и полной картины мы не сможем получить никогда. В этом основная особенность иронии – она сугубо личная, зависит от национальной принадлежности, социального статуса, уровня образованности, жизненного опыта и т.д. Однако была подтверждена главная особенность данного литературного явления – ирония представлена на всех языковых уровнях, что говорит о ее существенном влиянии на произведение в целом, его лексическом и синтаксическом строении, на способы построения сюжетной линии. В связи с этим открывается широкий горизонт для дальнейшего исследования иронии и самоиронии.

Список литературы

1. Большая литературная энциклопедия для школьников и студентов [Текст]. – М. : Слово : Олма-Пресс, 2004. – 844 с.
2. Мартин, Р. Психология юмора [Текст] / Р. Мартин. – СПб. : Питер, 2009. – 478 с.
3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1984. – 815 с.
4. Орлов, М. Ю. Текстобразующая ирония в русской и английской прозе: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / М. Ю. Орлов. – Саратов, 2005. – 17 с.
5. Походня, С. И. Языковые виды и средства реализации иронии [Текст] / С. И. Походня. – Киев : Наукова думка, 1989. – 126 с.
6. Розенталь, Д. Э. Справочник по русскому языку [Текст] / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.

List of Literature

1. Bol'shaja literaturnaja jenciklopedija dlja shkol'nikov i studentov [Tekst]. – M. : Slovo : Olma-Press, 2004. – 844 s.
2. Martin, R. Psihologija jumora [Tekst] / R. Martin. – SPb. : Piter, 2009. – 478 s.
3. Ozhegov, S. I. Slovar' russkogo jazyka [Tekst] / S. I. Ozhegov. – M. : Russkij jazyk, 1984. – 815 s.
4. Orlov, M. Ju. Tekstoobrazujuwaja ironija v russkoj i anglijskoj proze: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Tekst] / M. Ju. Orlov. – Saratov, 2005. – 17 c.
5. Pohodnja, S. I. Jazykovye vidy i sredstva realizacii ironii [Tekst] / S. I. Pohodnja. – Kiev : Naukova dumka, 1989. – 126 s.
6. Rozental', D. Je. Spravochnik po russkomu jazyku [Tekst] / D. Je. Rozental', M. A. Telenkova. – M. :

- : ОНИКС 21 век : Мир и образование, 2003. – 623 с.
7. Третьякова, Е. Ю. Ирония в структуре художественного текста / Е. Ю. Третьякова // reLga: научно-культурологический журнал. – 2001. – №19 [Электронный ресурс]. – <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=443&level1=main&level2=articles>
8. Шилихина, К. М. Интертекст как средство создания иронии [Текст] / К. М. Шилихина // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – №3. – С. 152–157.
9. Шилихина, К. М. Современные теории иронии [Текст] / К. М. Шилихина // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – №1. – С. 228–230.
10. Fielding, H. Bridget Jones's Diary [Текст] / H. Fielding. – London : Picador, 2001. – 310 p.
- ONIKS 21 vek : Mir i obrazovanie, 2003. – 623 s.
7. Tret'jakova, E. Ju. Ironija v strukture hudozhestvennogo teksta / E. Ju. Tret'jakova // reLga: nauchno-kul'turologicheskij zhurnal. – 2001. – №19 [Jelektronnyj resurs]. – <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=443&level1=main&level2=articles>
8. Shilihina, K. M. Intertekst kak sredstvo sozdanija ironii [Tekst] / K. M. Shilihina // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. – 2008. – №3. – S. 152–157.
9. Shilihina, K. M. Sovremennye teorii ironii [Tekst] / K. M. Shilihina // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. – 2010. – №1. – S. 228–230.
10. Fielding, H. Bridget Jones's Diary [Tekst] / H. Fielding. – London : Picador, 2001. – 310 p.

**СИМВОЛИКА СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ
ВОКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ПЕСНИ ВАН ДИ НА СТИХИ ЛУ Ю
«ВЕТЕР ДРЕВНОСТИ»)**

Ли Эр Юн

Статья посвящена анализу песни Ван Ди на стихи Лу Ю «Ветер древности». Стихотворение «Головная шпилька» отличается четкой нормированностью длины стиха, основой из коротких фраз, сжатостью ритма, ровной формой. Это вокально-поэтическое произведение имеет настолько глубокое концептуальное содержание, передаваемое при исполнении, что его содержание и форма являются символами древнекитайской культуры. В таких произведениях скрыта не только многовековая история китайской цивилизации, но и стимул к дальнейшему постижению мира литературы и музыки.

Ключевые слова: символ, содержание, форма, вокально-поэтическое произведение, песня, Ван Ди, Лу Ю, древнекитайская культура.

Музыка неразрывно связана с литературой. В процессе своей эволюции оба вида искусства, с одной стороны, образовали множество форм корреляции, с другой стороны, взаимно обогатились творческими методами и способами ментального отражения мира. Что касается общих тенденций, то взаимодействие музыки и литературы усилило выразительность обоих видов искусства, пополнило их внутреннее содержание, стимулировало их развитие и художественную ценность.

Литература – это искусство слова. В процессе творчества писатели и поэты испытывают муки поиска лексической единицы, нужных структур предложения, красоты в выражении идеи, всеми силами стремясь создать нечто оригинальное. Наслаждаясь литературным произведением, читатель невольно увлекается стилем авторского письма; от внешних форм выражения он проникает в глубины идей и смыслов, переданных писателем, поэтом или драматургом. Язык является древнейшим изобретением человечества, отличает-

ся особыми знаковыми характеристиками, законами и эстетикой. Можно сказать, что язык художественной литературы – это особый язык, обладающий значительными изобразительными и выразительными возможностями. Исследователи мировой литературы из КНР и других стран повсеместно признают музыкальность языка художественной литературы, особенно в поэзии. Именно поэтому вокально-лирическим произведениям свойственна глубина содержания и филигранность формы. Например, эстетика вокальных номеров, проявляющаяся в гармонии языка, интонаций, в структуре фраз и т.д., усиливает эмоциональную составляющую лирического произведения. При этом создаются более яркие образы, все произведение приобретает большую выразительность, особое очарование.

Авторы рассматриваемого в данной работе произведения – Ван Ди и Лу Ю. Ван Ди (1923–2005) – известный китайский композитор, автор мелодий для цитры, исследователь народной музыки. В детстве он обучался игре на китайской цитре у известного мэтра Гуань Пинху, глубоко освоил древние традиции исполнения, позже изучал музыкальную композицию в Центральной консерватории КНР. В 1953 г., окончив данное учебное заведение, Ван Ди начал работать в Исследовательском институте искусств (отделение музыки), посвятив более 15 лет изучению древнекитайской цитры и став заместителем председателя Пекинского союза исполнителей на цитре.

Лу Ю (1125–1210) – древнекитайский поэт эпохи Южная Сун, уроженец Юйчжоу (Шаньинь) – территории современного города Шаосин (провинция Чжэцзян). Начал писать стихи с 12 лет, обладал немалыми литературными талантами, среди которых на первом месте оказалась способность к сочинению стихов, написал более 9300 лирических произведений. Во многих стихотворениях он выражает любовь к Родине, а также свои личные чувства; его стиль отличается порывистостью, опечаленностью. В области смыслов и их воплощения в искусстве он добился немалого успеха, став не только главной фигурой среди поэтов Южной Сун, но и заняв достойное место в китайской литературе как великий поэт-патриот [1. С. 82].

Приведем перевод текста произведения с китайского языка на русский, выполненный М. Басмановым: «Нежно-румяные руки // В чаши вино наливали. / Было весной это. Ивы // Стены дворца затеняли. // Ивы в саду и в округе // Вызвали думы о друге. // Ветер с востока – жестокий, // Чувство – непрочно и зыбко. // Скорбь на душе беспредельна – // Я столько лет одинокий... // Ошибка! Ошиб-

ка! Ошибка! // Снова весна, как и прежде, // А человек угасает!.. //
Льются из глаз моих слезы, // След от румян на одежде. // Слезы
ручьями стекают // И сквозь шелка проникают. // Персика цвет пал
на листья // В пруд за беседкой пустою... // Весточку, может, отпра-
вить // Той, с кем на верность клялись мы? // Не стоит! Не стоит! Не
стоит!» [2. С. 189–190].

Это – шедевр лирики Лу Ю, стихотворение «Головная шпилька» (на его основе Ван Ди и была написана песня «Ветер древности»). В нем раскрывается внутренняя трагедия любви самого поэта. Первой женой Лу Ю была его двоюродная сестра Тан Ван, которую он безумно любил. Однако мать поэта презрительно относилась к невестке и заставила его расстаться с любимой. После разрыва Тан Ван вышла замуж за другого, и бывшие возлюбленные долгое время не писали друг другу. Однажды весной, спустя много лет, в родных местах, в загородном парке близ Шаосиня Лу Ю встретил Тан Ван с ее новым мужем. Чтобы утешить Лу Ю, бывшая возлюбленная организовала праздничный ужин, а Лу Ю погрузился в горестные раздумья и, охмелев, продекламировал это стихотворение, записав его на стене сада. Смысл первой половины произведения таков: «Твои мягкие, нежные, тонкие руки подносят вино в чаше, город прекрасен в своем весеннем оживлении, у дворца раскачиваются зеленеющие ивы. Как же жесток весенний ветер! Он развеял радость, принес с собой печаль. Многолетняя жизнь в разлуке так пуста. Оглядываясь назад, я вижу все свои ошибки». Во второй части стихотворения говорится о следующем: «Весна по-прежнему прекрасна, но люди угасают напрасно, смытая слезами краска насквозь промочила платок в руке. Персиковые деревья в саду роняют листву, наполняя пруд за укромной беседкой. Хотя мы клялись друг другу в вечной любви, ты уже не вскроешь мое письмо с надеждой в сердце. Я думаю об этом и понимаю: не стоит даже и писать его».

В первой части автор, вспоминая о своей прежней жизни, полной любви и счастья, говорит о страданиях в разлуке – так складываются два смысловых пласта стихотворения. Первый – это три начальные фразы, в которых поэт грустит о прошедших днях, проведенных вместе с Тан Ван в этом же саду. Он традиционно и в высшей степени выразительно передает свои чувства с помощью мельчайшей детали: «нежно-румяные руки». Здесь отражена грациозность жестов Тан Ван, подносившей чашу любимому, и одновременно ее внешняя женская красота и ее тонкая душа. Более того, здесь детально и

образно переданы счастье и радость супружеской пары [3. С. 395]. Музыкальная фраза рисует совместный праздник в саду, который когда-то провели вместе супруги, то, что они очарованы весенним пейзажем. Деталью здесь служат руки Тан Ван, чаша, наполненная вином, ярко-зеленые ветви ив. Все это придает картине обаяние и гармонию. Хотя автор не употребляет ни единого слова, напрямую связанного с красотой, он мастерски рисует атмосферу восхищения прекрасным. Все это создает значительное идейное и образное пространство для декламатора, композитора или певца.

Второй слой – это то, что связано с «жестоким ветром с востока». Здесь выражены тоска и горе после расставания с Тан Ван. Пейзаж уже не так прекрасен, как ранее, горькие чувства потоком вырываются из сердца поэта. Слова «Ветер с востока – жестокий...» [2. С. 189] заключают в себе всю идейную суть стихотворения, одновременно передавая трагедию любви героев. Традиционно восточный ветер связан с возрождением, с жизненными силами всех существ мира, но здесь его дуновение разрушает ощущение весны. Далее – «Персика цвет пал на листья // В пруд за беседкой пусто...» [2. С. 190] под воздействием восточного ветра. Поэтому ветер «жестокый». Однако все это лишь образ, на который перенесена жестокая сила, доминирующая в трагедийных чувствах поэта [3. С. 396]. «Жестокая сила» здесь – это не только воля и несогласие матери, но и древняя китайская традиция выбора родителями суженых для своих детей. Мы можем догадаться об этом лишь по косвенным намекам автора. Далее он вновь пишет о «жестокости» ветра: разорваны узы брака, расстались любимые супруги, это мучит их и терзает, годы разлуки наполнены печалью. Об этом говорят листья, осыпавшиеся с деревьев при дуновении ветра. И в конце – «Ошибка! Ошибка! Ошибка!» [2. С. 189]. В троекратном повторении сконцентрирована сильнейшая горечь. Ранее сдерживаемые эмоции прорываются наружу, звучат на одном дыхании, все – от фразы о ветре вплоть до восклицания об ошибке – наполнено невыразимым отчаянием.

Во второй части стихотворения автор возвращается ко дню встречи, вновь говорит о печальном расставании супругов. Здесь также можно выделить два идейных пласта. В трех первых фразах описывается появление Тан Ван в саду: «Снова весна, как и прежде...» [2. С. 189]. Это фон их встречи, упоминание о том, что этот день, как когда-то, также весенний. Природа неизменна, но люди изменились: раньше руки у Тан Ван были «нежно-румяные», она искрилась жиз-

ненной силой, теперь же она угасает, чахнет под «весенним ветром» [3. С. 397]. Хотя в словах «человек угасает» выражены лишь зримые перемены, произошедшие с Тан Ван, здесь упоминаются и горести «одинокства». Словом «угасает» поэт объективировал глубокие душевные перемены, произошедшие в нем самом и его любимой. «Угасать» и «пустой» – в этих словах отражены сожаление, безутешность и боль. «Ручьи слез» указывают на внутренние переживания Тан Ван при встрече. Вновь автор не пишет прямо о слезах, указывая лишь на «след от румян на одежде» [2. С. 189], деликатно и образно выражая сокровенные чувства. Слова «сквозь шелка» говорят не только об обилии слез, но и о масштабах печали. Ранее поэт описывал грациозность и очарование Тан Ван, здесь же подчеркнуты видимые, ощущаемые перемены, достигается эстетический результат «одновременности двух различных переживаний». Очевидно, что поэт не только глубоко чувствует ситуацию, но и проникновенно ее передает.

В последних фразах стихотворения звучит печаль поэта после встречи с Тан Ван. Фраза «Персика цвет пал на листья...» [2. С. 190] перекликается с фразой «Ветер с востока – жестокий...» [2. С. 189], в ней очерчен фон и – одновременно – эксплицирована грусть обоих героев. Опадающие листья, пустеющий, холодный сад – все это перемены в природе. Изменения же в человеческом сердце еще более значительны: когда-то подобная цветущему саду Тан Ван чахнет под «восточным ветром», угасает в печали; сам поэт одинок, как «пруд за беседкой пустою». Это искусный и распространенный прием сочетания смыслов в одном и том же отрезке произведения. И далее: «Весточку, может, отправить // Той, с кем на верность клялись мы?» [2. С. 190]. В оригинале стихотворения, в восьми словах на китайском языке, ясно выражены душевные терзания героя. Чувства, как камень, неизменны, они пронизаны паутиной прежней любви. В момент переживания любовь, ненависть, боль, сожаление, жалость к изменившейся Тан Ван, стремление ее утешить – все это разрывает сердце болью, которую сложно выразить словами, и из груди вдруг вырывается: «Не стоит! Не стоит! Не стоит!» [3. С. 397]. Ничего уже не изменить, не отнять и не добавить. Желание сделать что-нибудь, высказаться останавливается осознанием того, что это не нужно. Хотя слов можно найти так много, но все они уже не исправят того, что есть. Этим глубоким вздохом и завершается стихотворение, в котором мы можем почувствовать всю силу и все очарование древнекитайского поэтического искусства.

В Древнем Китае поэзия подчинялась строгим законам звучания и ритма, рифмованности фраз, требованиям мягкости звука, ровного характера произведения. Ритм должен быть приятным, в этом и заключается красота стиха. Во время декламации красивая, эстетичная мелодия стихотворения должна была быть созвучной внутреннему содержанию. Такие стихи писались изначально для чтения вслух, что подчеркивало их мелодичность. Стихотворение «Головная шпилька» отличается четкой нормированностью длины стиха, основой из коротких фраз, сжатостью ритма, ровной формой, соответствующей выражению переживаний героя. Во время исполнения рассматриваемой песни певец должен смягчать ритм и мотив каждого слова в повторяющихся концовках, подчеркивая невыразимую печаль героя. В отличие от многих других языков мира, китайский язык является вокальным, что позволяет сохранить очарование изначальных интонаций оригинала. Это музыкально-поэтическое произведение имеет настолько глубокое концептуальное содержание, передаваемое при исполнении, что его содержание и форма являются символами древнекитайской культуры.

Звучание, образность и замысел песни составляют единое целое. На основе смыслов и эмоций оригинального стихотворения песня позволяет добиться выражения задуманного древним автором эффекта. Вообще все выдающиеся произведения пронизаны «выкристаллизованной» красотой. Она – суть самого искусства, красивые формы придают любому творению жизненную силу. Когда мысли в стихотворении меняются вслед за словами, то реакция читателя – это понимание логики произведения, развития смыслов. Поэтому читатель также чувствует свое соучастие в создании образов путем пауз при чтении, определения ритмов; даже размер и наклон иероглифов при чтении влияют на визуальное восприятие сочинения. Музыкальный фон, визуальный фон произведения (живописные полотна) и т.п. – все это широко известно и нередко применяется при создании цельного образа, дополняет стихотворение, подчеркивает его основную тему, усиливает его выразительность [4. С. 28–31].

Читая древние стихотворения, можно яснее понять духовную жизнь предков, повысить собственную культуру и свое понимание древних стихов. Многие из исполняемых сегодня песен на древние тексты написаны под влиянием классических произведений для цитры; для них характерно проникновение в глубинные смыслы стихотворения и применение старинных техник пения под акком-

панемент цитры. В древности приобрела популярность декламация под звуки цитры, без каких-либо дополнительных аудиовизуальных эффектов, что сегодня является большой редкостью. Почувствовать обаяние подобного исполнения мы можем лишь по воспоминаниям, мемуарам, по анализу произведений нашими предшественниками или же слушая исполнение древних стихов под аккомпанемент цитры представителями старого поколения вокалистов и музыкантов, например, Ча Фуси, Цзян Цзяцяном, Ван Суфэнем и др.

Следует отметить, что в Китае существуют различные стили вокального исполнения под звуки цитры: так, в поясе провинций Цзянсу – Чжэцзян произведения на местных диалектах звучат особенно мелодично; в провинции Шэньси аккомпанемент отражает влияние местного традиционного театра; в Пекине, Шанхае и других крупных городах исполнение сохраняет элементы пекинской оперы.

В последнее время возобновился интерес китайских композиторов к древним лирическим текстам, к игре на цитре, к народному вокалу и прочим элементам многогранного национального искусства. Многие стремятся выразить суть древних стихов, подбирая к ним музыку, создавая на них новые песенные произведения. Конечно, главное требование к исполнителям в этом случае – глубокое понимание смысла, идеи древнего стихотворения; исследование исторического контекста, выражаемых чувств; знание законов китайского языка. Все это развивает исполнителя, позволяя ему ярче выразить чувства и переживания своих предков. Постепенно осваивая разнообразные приемы – чистый и смешанный вокал, артикуляцию, дыхание, ритмику, соблюдение стихотворного размера и др. – певец формирует свой собственный стиль исполнения.

Поэт выражает свои чувства в произведении, вызывая симпатию и переживания других людей, оставляя свои идеи потомкам. Все это определяет жизненную силу литературного произведения, эстетическое единство образов и смыслов, поражающих читателя и слушателя, заставляющих его проникнуться стихотворением (или песней) до глубины души. В таких произведениях скрыта не только многовековая история китайской цивилизации, но и стимул к дальнейшему постижению мира литературы и музыки. Это – новое явление соединения древних стихотворений и вокального искусства. Е.В. Михайлова указывает: «Любой язык имеет связь с культурой, отражает универсальные, национальные и индивидуально-авторские концепты, мировоззрение и миропонимание народа. Анализ лек-

сической и грамматической сторон языка на материале различных текстов дает возможность увидеть отличия национальных культур и те их особенности, которые вносят вклад в мировую культуру» [5. С. 167]. Можно сказать, что национальные искусство является основой для искусства интернационального. Вне всякого сомнения, развитое национальное искусство, обновление традиций способны в полной мере обогатить сокровищницу мирового искусства, мировой культуры.

Список литературы

1. Чжан, Сяонун Китайское древнее вокальное искусство [Текст] / Сяонун Чжан. – Пекин : Издательство «Китайское книжное бюро», 2003. – 215 с. (на китайском яз.).
2. Китайская классическая поэзия [Текст] / Пер. М. Басманова. – М. : Эксмо, 2005. – 352 с.
3. Хэтан, Иньш 300 Танских стихов, Сунских цы, Юаньских цюй [Текст] / Иньш Хэтан. – Яньань : Китайское Яньбианское народное издательство, 2007. – 510 с. (на китайском яз.).
4. Ло, Сяо Пин Музыка и литература [Текст] / Сяо Пин Ло. – Пекин : Народное музыкальное издательство, 1995. – 103 с. (на китайском яз.).
5. Михайлова, Е. В. Концепт «музыка» в поэтических текстах – представителях разных языков и культур [Текст] / Е. В. Михайлова. – Минск : Тесей, 2009. – 188 с.

List of Literature

1. Chzhan, Sjaonun Kitajskoe drevnee vokal'noe iskusstvo [Tekst] / Sjaonun Chzhan. – Pekin : Izdatel'stvo «Kitajskoe knizhnoe bjuro», 2003. – 215 s. (na kitajskom jaz.).
2. Kitajskaja klassicheskaja poezija [Tekst] / Per. M. Basmanova. – M. : Jeksmo, 2005. – 352 s.
3. Hjetan, In'sh 300 Tanskih stihov, Sunskih cy, Juan'skih cjuj [Tekst] / In'sh Hjetan. – Jan'an' : Kitajskoe Jan'bianskoe narodnoe izdatel'stvo, 2007. – 510 s. (na kitajskom jaz.).
4. Lo, Sjao Pin Muzyka i literatura [Tekst] / Sjao Pin Lo. – Pekin : Narodnoe muzykal'noe izdatel'stvo, 1995. – 103 s. (na kitajskom jaz.).
5. Mihajlova, E. V. Koncept «muzyka» v pojeticheskikh tekstah – predstavitel'jah raznyh jazykov i kul'tur [Tekst] / E. V. Mihajlova. – Minsk : Tesej, 2009. – 188 s.

**СМЫСЛОВАЯ ДИХОТОМИЯ СВОЙ - ЧУЖОЙ
И ЕЕ СМЫСЛОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ)**

В. В. Соломина

Статья раскрывает содержание концептуальных понятий «свой - чужой» в контексте эмигрантской прозы. В работе акцентируется, что смысловая дихотомия «свой :: чужой» представляет собой сложное, многомерное ментальное образование, которое отражает способы интерпретации действительности, основываясь на двойной актуализации амбивалентного компонента «свой» в его противопоставлении амбивалентным понятием «чужой». Выводятся две стратегии поведения эмигранта и составляющие компоненты его языковой картины мира.

Ключевые слова: смысловая дихотомия свой, чужой, понятие эмиграции, картина мира, категоризация своего, чужого.

Бинарная оппозиция «свой – чужой» является универсальной категорией, присущей человеческому обществу на каждом этапе его исторического развития, одна из острейших общечеловеческих проблем, имеющая специфические причины и формы своего существования. В современном обществе отчуждение становится почти всеобъемлющим. Оно пронизывает отношение человека к его труду, к предметам, которыми он пользуется, распространяется на государство, на окружающих людей, на него самого [2. С. 3].

Одним из ярких примеров, иллюстрирующих проявление данной оппозиции, является процесс эмиграции. Исследователи эмиграции как явления мировой культуры, в частности Эдвард Сайд, понимают эмиграцию, с одной стороны, как действительное актуализированное состояние изгнания, ссылки; с другой стороны, в более широком смысле, как метафорическое состояние жизни вне привилегий, соблазнов и влияния определенной культуры [6. С. 373]. В какой-то степени это добровольная смерть для воскрешения в новом качестве с непредсказуемыми последствиями – вполне возможно, что тот заново родившийся человек будет иметь совершенно другую

иерархию ценностей, и при этом ценности, которые вынудили его на такую страшную операцию над собой, не будут иметь прежнего значения [10].

Однако существуют и другие точки зрения, так, к примеру, согласно Бугаевой, эмиграция не означает тотального отчуждения от прошлого, от прежнего места обитания, от прежней культуры, в том числе и от привилегий прежней культуры. Быть изгнанным, исключенным не означает «to be outside», но означает «to be alone in the hole, imprisoned under the open sky: precluded» [7. С. 122]. Эмиграция, в результате, становится промежуточным существованием, в котором in-betweenness пронизывает все сферы бытия эмигранта [8]. Иначе говоря, происходит выделенная нами раннее реализация принципа «чужой среди чужих» [4. С. 195], т.е. отчуждение от родины и в то же время неприятие новой средой.

В своем диссертационном исследовании О. А. Косова выделяет следующие типы коммуникативных стратегий отчуждения: коммуникативная стратегия власти и подчинения; коммуникативная стратегия аргументирования; аксиологическая коммуникативная стратегия. Данный подход к исследованию позволяет максимально полно описать языковую картину мира эмигранта с позиции «свой – чужой».

С точки зрения речевого воздействия коммуникативная стратегия реализуется только с помощью коммуникативных тактик, представляющих собой приемы или способы достижения какой-либо цели, линию поведения коммуникантов.

Фактический материал исследования показал, что коммуникативная стратегия власти и подчинения реализуется посредством двух коммуникативных тактик: тактики дистанцирования и тактики оскорбления.

Данное утверждение подтверждается представленным ниже примером, в котором беседа происходит между делопроизводительницей ведомства по работе с эмигрантами и советским эмигрантом, желающим сдать необходимые для получения вида на жительство документы уже не в первый раз:

Г₁ – А где же у вас форма FUR- 1980-Х – 551?

Г₂ – Форма FUR – 1980- Х -551 мною утрачена, но для получения соответствующей информации можно обратиться к компьютеру.

Г₁ – Вы что, учить меня собираетесь моему делу?

Вся моя пачка бумаг была переброшена мне назад с рекомендацией (сквозь зубы) для уточнения отправиться в другой отдел, то есть все начинать сначала.

Не успев еще даже спросить самого себя, почему я вызываю такие негативные чувства, но, все еще пытаясь спасти положение, я бормотал что-то еще о компьютере и о том, что раньше эту форму от меня не требовали.

Делопроизводительница тут взорвалась, как вулкан Кракатау:

Г₁ – Что это вы тут разговорились, мистер?! У вас тут нет никаких прав, чтобы так разговаривать! Вы просто беженец, понятно?! Правительство США вовсе не настаивает на том, чтобы вы жили в этой стране!

Такого, надо признаться, я еще в Америке не встречал, да и не ожидал встретить.

Впрочем, может быть и хорошо, что нас с этой чиновницей разделяли кое-какие языковые экраны, иначе мы бы сказали друг другу гораздо больше: у нее, без сомнения, многое еще было в запасе.

Г₂ – Что с вами? Вы не слушаете меня, леди... Мне кажется, не принято в порядочном обществе...

Г₁ – Если вы считаете, что с нами трудно иметь дело, можете убираться из нашей страны! [2. С. 102].

В анализируемом примере демонстрируется реализация двух коммуникативных тактик. Тактика дистанцирования проявляется одновременно на нескольких уровнях и, прежде всего, на уровне организации структуры высказывания. Маркерами рассматриваемого уровня выступают: количественное соотношение и протяженность реплик коммуникантов. Количественная и качественная диспропорциональность структуры высказываний коммуникантов свидетельствует о том, что первый говорящий (Г₁), пытаясь указать второму говорящему (Г₂) на его положение просителя – человека, судьба которого находится в руках делопроизводительницы и зависит от «формуляра», преднамеренно не дает Г₂ ни малейшего шанса опомниться и отстоять свою позицию, то есть с самого начала разговора Г₁ выстраивает коммуникацию по типу «начальник – проситель» [Косова 2пользует личные местоимения [2. С. 16].

Учитывая данную интерпретацию, мы видим, что и на уровне языка с самого начала коммуникации Г₁ очерчивает свое пространство и всячески пытается не впустить в него Г₂, в своих репликах делопроизводительница использует личные местоимения мой (бу-

дете меня моему делу учить?); наш (можете убираться из нашей страны). Более того она с нескрываемым пренебрежением относится к эмигранту, указывает на его социальную позицию (у вас тут нет никаких прав, вы просто беженец), что вызывает у него негативную реакцию и помещает его в ситуацию отчуждения.

Коммуникативная стратегия аргументирования прослеживается в размышлениях героя Алферова в романе «Машенька». Этот роман принадлежит к литературе русской эмиграции первой волны, которая в течение многих лет в нашей стране находилась под запретом ввиду политических причин. Эмигрировали же писатели тоже в основном из-за политических разногласий и гонений. Этим и объясняются размышления писателей-эмигрантов о противостоянии политических систем и идеологий, и соответственно, политически ориентированы мысли их героев.

Довольно негативно по отношению к политической власти и родине в целом относится русский эмигрант, проживающий в пансионе для русских в Германии, Алферов.

«Полно вам большевика ломать. Вам это кажется очень интересным, но поверьте: это грешно с вашей стороны. Пора нам всем открыто заявить, что России капут, что «богоносец» оказался как, впрочем, можно было ожидать, серой сволочью, что наша родина, стало быть, навсегда погибла». Данный отрывок подчеркивает желание Алферова показать, что его «бывшая» родина находится в упадоческом состоянии и даже использует для этого иностранное слово *капут* и не нормативное существительное *сволочь*. Возможно, он делает это для того, чтобы в какой-то мере оправдать себя, выместить свое зло, и поставить себя выше; он скорее доказывает себе, что, несмотря на обиду, не принятие его новой властью и разочарование, он смог выжить и приспособиться вне родины, а она погибла. Другими словами, Алферов прибегает к стратегии вписывания в пространство эмиграции в противовес состоянию безместности.

«Напрасно хааете, Антон Сергеевич. Культурнейшая страна. Не чета нашей сторонуйке... Я советую вам здесь остаться. Чем тут плохо? Это так сказать, прямая линия. Франция скорее зигзаг, а Россия наша, та – просто загогулина. Мне очень нравится здесь: и работать можно, и по улицам ходить приятно». В этом эпизоде мы видим, как герой сравнивает Родину то с Францией, то с Германией, в которой он на данный момент проживает. При сравнении использует превосходную степень сравнения, чем подчерки-

ваает факт полного противопоставления России и Германии, в пользу последней. Однако называет Россию уменьшительно ласкательным *наша сторонюшка*, но делает это скорее в шутку, одновременно она *загогулина*, т.е. непонятна и отвратительна даже для своих жителей, не то, чтобы для иностранцев.

Еще один пример из романа иллюстрирует отчуждение от Родины, от прошлой жизни «*Очень все правильно, - закивал Алферов, - так и должно быть в порядочной стране. Тут вам не российский кавардак*». Используя противопоставление «порядочная страна» – «российский кавардак», герой снова указывает на запутанность и неясность, несправедливость, приводящую в полное отчаяние и разочарование и как следствие нелюбовь и желание покинуть свою страну, Россию навсегда.

«- *Чем вы тогда были, Алексей Иванович?*

- *Не помню. Разве можно помнить, чем был в прошлой жизни, - быть может устрицей или, скажем, птицей; а может быть, учителем математики. Прежняя жизнь в России так и кажется мне чем-то довременным, метафизическим, или как это... другое слово, - да, - метампсихозой...*» Описывая свою «предыдущую» жизнь на родине, Алферов употребляет прилагательное *довременный* с префиксом –до-, обозначающим незаконченность действия, ожидание, т.е. для него его прошлая жизнь, профессия там являются абсолютно не значительной, промежуточной фазой к прекрасному будущему.

«*А главное, - все тараторил Алферов, - ведь с Россией – конечно. Смыли ее, как вот знаете, если мокрой губкой мазнуть по черной доске, по нарисованной рожке...*». В данном примере мы наблюдаем проявление феномена отчуждения в смысловом отношении. Эмоциональность, и грубое разговорное слово *рожа*, показывают не только нелюбовь к стране, а даже крайнюю ненависть по отношению к ней. Более того, Алферов не просто говорил, а *тараторил*, т.е. часто повторял, твердил, что говорит о сильном эмоциональном напряжении героя, о его желании доказать свою точку зрения перед окружающими, подчеркнуть слабость и недееспособность страны, из которой ему пришлось уехать.

Маслоу выделяет три высшие потребности: потребность принадлежности и любви, присоединения и принятия; потребности самоуважения, значимости, компетентности; потребности самоактуализации и реализации потенциала [1. С. 95]. В случае с Алферовым невозможность удовлетворения данных потребностей из-за жестко-

го политического режима в стране и стали основными мотивами в принятии решения об эмиграции.

Лоре из романа «Иностранка» также удалось найти удовлетворение своих потребностей за рубежом, вследствие чего у нее сформировалось позитивное отношение к иностранцам и презрение к соотечественникам. *«Русских мы практически не обслуживаем. Для этого у нас слишком высокие цены».*

«По-моему, он дурак! Лора возмутилась: Просто Джи Кей - типичный американец со здоровыми нервами. Если русские вечно страдают и жалуются, то американцы устроены по-другому. Большинство из них - принципиальные оптимисты...». Использованная частица *слишком* создает барьер между уже ставшими для Лоры своими американцами и чужими неудачниками русскими, подчеркивает не равную позицию и практическую не досягаемость услуг из салона для русских людей.

Хотя стоит отметить, что не все герои бывают столь однозначны в своих суждениях, у некоторых из них эмигрантская жизнь протекает по иному пути, т.е. они не смогли вписаться в новые условия жизни, им дискомфортно в них, они «чужие среди чужих». У них нет ярко выраженного негативного отношения к родине, напротив они стараются бережно сохранить те положительные моменты их прошлой жизни в памяти, которые помогают им в трудные минуты.

«Казалось, что эта прошлая, доведенная до совершенства жизнь проходит ровным узором через берлинские будни. Что бы Ганин не делал в эти дни, та жизнь согревала его неотступно». Ганин, никак не может найти гармонию в его «новой» жизни, и воспоминания являются единственным утешением для него, антитеза *доведенная до совершенства жизнь - берлинские будни* четко подчеркивает контраст и неудовлетворенность своей эмигрантской судьбой.

Или пример из романа «Иностранка» *«За минуту до посадки он решительно направился к газону. Хотел увезти на чужбину горсточку русской земли. Милиционеры прогнали его с газона. Тогда Зарецкий воскликнул: - Я уношу Россию на подошвах сапог!..»* [9] Данный эпизод показывает нежелание героя отказываться от родины и всеми способами он пытался сохранить хоть какую-нибудь память о ней.

Другой пример, высказывание молодой девушки Клары («Машенька»), вынужденной скитаться на чужбине. *«Мне уже двадцать шесть лет, - сказала Клара, - я целое утро стучу на машинке, и пять раз в неделю работаю до шести. Я очень устаю. Я совершен-*

но одна в Берлине» [3. С. 42]. У нее нет ничего другого, кроме серых будней и необходимости много работать. Она одинока, и понимая, насколько важно находиться в социальной группе и идентифицировать себя с каким-либо определенным коллективом, у нее наступает разочарование и легкая депрессия. Можно заключить, что осознание коммуникантами своего статуса и роли как психосоциальной личности, предопределяет порождение и развитие коммуникативной ситуации отчуждения.

Сегодняшние писатели-эмигранты размышляют все больше не о политике, а о противостоянии национальных менталитетов и созданных этими менталитетами миров.

Это противостояние эмигрант ощущает буквально во всем. Чуть ли не каждая черта нового для него быта обдает холодом разрыва с собой прежним. Разумеется, живя в России, они многое знали о себе или, по крайней мере, догадывались. Но так отчетливо, так полно и почти сокрушительно познается это только в условиях эмиграции. [10]. Присутствует ежедневная борьба и прежде всего это борьба с самим собой, в результате чего развивается внутриличностный конфликт эмигранта, ситуации, в которых на субъекта одновременно воздействуют противоположно направленные силы примерно одинаковой величины. Появляется острая необходимость идентифицировать себя с группой подобных. Во многом эти факты объясняют создание многочисленных сообществ и братств за рубежом, как один из способов построения своего пространства. *«Нас мало. Мы разобщены и одиноки. Мы должны объединиться на почве русской культуры, нас объединяет многое! Язык, культура, образ мыслей, историческое прошлое...»* [9].

Но это осознание проблемы приходит, лишь, когда человек является эмигрантом, а когда он живет на родине и его жизнь кажется ему скучной и монотонной он, наоборот стремится вырваться и стать чужаком. Как случай в романе «Иностранка». *«Уезжали писатели, художники, артисты, музыканты. Причем уезжали не только евреи. Уезжали русские, грузины, молдаване, латыши, доказавшие наличие в себе еврейской крови. Короче, проблема эмиграции широко обсуждалась в творческих кругах. И Маруся все чаще об этом задумывалась. В эмиграции было что-то нереальное. Что-то, напоминающее идею загробной жизни. То есть можно было попытаться начать все сначала. Избавиться от бремени прошлого».*

Хотя ее мечты быстро рассеялись, незнакомый город для нее был ежедневной порцией страха. «Нью-Йорк был дня Маруси проществом, концертом, зрелищем. Городом он стал лишь месяц или два спустя. Постепенно из хаоса начали выступать фигуры, краски, звуки. Шумный торговый перекресток вдруг распался на овощную лавку, кафетерий, страховое агентство и деликатесный магазин. Чердака автомобилей на бульваре превратилась в стоянку такси. Запах горячего хлеба стал неотделим от пестрой вывески «Бекери». Образовалась связь между толпой ребятишек и кирпичной двухэтажной школой...».

На смену страху пришла зависть: «Маруся завидовала детям, нищим, полисменам - всем, кто ощущал себя частью этого города. Она завидовала даже пану Глинскому, который спал в метро и не боялся черных хулиганов...». А затем и полное разочарование, эмиграция не стала тем спасением от скучной жизни дома, ей так и не удалось стать его частью. «Я не знаю. Я только знаю, что хочу домой. Хочу, чтоб обо мне заботились. Хочу туда, где папа с мамой... А здесь? Испанец, попугай, какая-то дурацкая свобода... Я, может быть, хочу дворнягу, а не попугая...».

«Я Америку не хаю. Мне здесь нравится. Великая страна! Да мы-то здесь чужие, независимо от убеждений».

Ради возвращения героиня готова пойти на все «Жила я хорошо, материально и вообще. Уехала по глупости. Хочу, как говорится, искупить свою вину. Вплоть до лишения свободы...».

Таким образом, в результате нашего исследования, мы пришли к выводу о том, что эмигрант реализует свое поведение согласно двум стратегиям. Во-первых, наиболее распространенный случай, человек уезжает, но его потребности и желания остаются неудовлетворенными, его не принимает новая среда и это вполне естественно, так как каждая культура имеет свою «иерархию защиты», и члены каждого конкретного общества эксплуатируют по преимуществу определенные защитные свойства своей психики [1. С. 92]. Однако острая необходимость идентифицировать себя с группой только усиливается, чем и объясняет создание многочисленных сообществ и братств как один из способов построения *своего* пространства. Картина мира эмигранта в данном случае состоит из следующих составляющих: желание вернуться, ностальгические настроения, страх, зависть, отчуждение, данная стратегия может быть представлена в виде схемы I (см. Приложение).

Второй путь – это следование стратегии вписывания себя в пространство эмиграции как способа защиты, которое вырастает из общего ощущения бездомности, которое дает свободу в выборе пространства вписывания и раздвигает его границы [5. С. 15]. Картина мира характеризуется интересом, неизвестностью, скукой/однообразием прошлой жизни, запутанностью, гибелью себя прошлого, разочарованием и отречением от прошлой жизни. Данная стратегия проиллюстрирована в схеме II(см. Приложение).

Приложение I.

Схема I. Первая стратегия иллюстрирует неприятие новой средой, однако острая необходимость идентифицировать себя с группой объясняет создание многочисленных сообществ и братств как один из способов построения *своего* пространства. Картина мира эмигранта в данном случае состоит из следующих составляющих: желание вернуться, ностальгические настроения, страх, зависть, отчуждение

Схема II. Вторая стратегия вписывания себя в пространство эмиграции как способа защиты, которое вырастает из общего ощущения бездомности, которое дает свободу в выборе пространства вписывания и раздвигает его границы. Картина мира характеризуется интересом, неизвестностью, скукой/однообразием прошлой жизни, запутанностью, гибелью себя прошлого, разочарованием и отречением от прошлой жизни.

Список литературы

1. Гуревич, А. М. Мотивация эмиграции [Текст] / А. М. Гуревич. – СПб. : Речь, 2005.
2. Косова, О. А. Коммуникативная ситуация отчуждения : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / О. А. Косова. – Иркутск, 2010.
3. Набоков, В. В. Сборник романов [Текст] / В. В. Набоков. – В., 1990.
4. Соломина, В. В. Языковая объективация смыслового поля «свой :: чужой» лексическими средствами английского и русского языков [Текст] / В. В. Соломина // Вестник студенческого научного общества №26. – Волгоград Перемена, 2010. – С. 195–198.
5. Bock, Martin. Crossing the Shadow-Line: the Literature of Estrangement [Текст] / Martin Bock. – Columbus : Ohio State University Press, 1989.
6. Said, Edward. Intellectual Exile: Expatriates and Marginals [Текст] / Edward Said // The Edward Said Reader / Ed. by Moustafa Bayomi and Andrew Rubin. – New York, 2000.
7. Фромм, Э. Бегство от свободы [Электронный ресурс] / Э. Фромм. – http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Fromm/_Beg.php
8. Бугаева, Л. Д. Мифология эмиграции: геополитика и поэтика [Электронный ресурс] / Л. Д. Бугаева. – <http://ec-dejavu.ru/e/Emigration.html>

List of Literature

1. Gurevich, A. M. Motivacija jemigraciji [Tekst] / A. M. Gurevich. – SPb. : Rech', 2005.
2. Kosova, O. A. Kommunikativnaja situacija otchuzhdenija : avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Tekst] / O. A. Kosova. – Irkutsk, 2010.
3. Nabokov, V. V. Sbornik romanov [Tekst] / V. V. Nabokov. – V., 1990.
4. Solomina, V. V. Jazykovaja ob#ektivacija smyslovogo polja «svoj :: chuzhoj» leksichesкими sredstvami anglijskogo i russkogo jazykov [Tekst] / V. V. Solomina // Vestnik studencheskogo nauchnogo obwestva №26. – Volgograd Peremena, 2010. – S. 195–198.
5. Bock, Martin. Crossing the Shadow-Line: the Literature of Estrangement [Tekst] / Martin Bock. – Columbus : Ohio State University Press, 1989.
6. Said, Edward. Intellectual Exile: Expatriates and Marginals [Tekst] / Edward Said // The Edward Said Reader / Ed. by Moustafa Bayomi and Andrew Rubin. – New York, 2000.
7. Fromm, Je. Begstvo ot svobody [Jelektronnyj resurs] / Je. Fromm. – http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Fromm/_Beg.php
8. Bugaeva, L. D. Mifologija jemigraciji: geopolitika i pojetika [Jelektronnyj resurs] / L. D. Bugaeva. – <http://ec-dejavu.ru/e/Emigration.html>

9. Довлатов, С. Д. Иностранка [Электронный ресурс] / С. Д. Довлатов. – <http://lib.ru/DOWLATOW/inostranka.txt>
10. Костырко, С. П. О феномене «новой эмигрантской литературы», о роле Виталия и Михаила Федотова; от интернетовских литературных журналов [Электронный ресурс] / С. П. Костырко. URL:http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/6/netlib.html
9. Dovlatov, S. D. Inostranka [Jelektronnyj resurs] / S. D. Dovlatov. – <http://lib.ru/DOWLATOW/inostranka.txt>
10. Kostyrko, S. P. O fenomene «novoj jemigrantskoj literatury», o roze Vitalija i Mihaila Fedotova; ot internetovskih literaturnyh zhurnalah [Jelektronnyj resurs] / S. P. Kostyrko. URL:http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/6/netlib.html

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ГИПОТАКСИС ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

А. М. Иванова

Статья продолжает изучение проблем морфосинтаксиса в чувашском языке. В ней рассмотрены глагольные словосочетания и их гипотаксис, исследованы структура, грамматическая форма составляющих компонентов.

Ключевые слова: словосочетание, глагол, глагольная конструкция, гипотаксис, чувашский язык.

До недавнего времени под термином *гипотаксис* понимали подчинение предикативных частей сложного предложения посредством союзов, союзных слов (в русистике), падежных аффиксов, словорасположения и послелогов (в тюркологии), т.е., гипотаксис реализуется в сложноподчиненных предложениях между главной и придаточной частями [7. С. 126].

В современной русистике термин *гипотаксис* (субординация, подчинение) широко применяется также по отношению к совокупности словосочетательных связей управления, согласования и примыкания [10. С. 381].

Гипотаксис (подчинение, субординация) представляет собой связь грамматически неравноценных компонентов в словосочетании: подчиняющее слово в словосочетании грамматически независим, тогда как подчиненное слово в словосочетании имеет грамматически зависимый характер [5. С. 213].

По мнению О. С. Ахмановой, подчинение (гипотаксис) – отношение синтаксического неравенства, выражаемое в том, что показатель отношения имеется только в одном из соотносящихся членов, и указывающее на синтаксическую зависимость одного из соотносящихся членов от другого; неравенство соотносящихся единиц (величин), преобладание одной из них над другой, вытекающее из необратимости отношения. Основными разновидностями подчинения (гипотаксиса) являются управление, согласование и примыкание [1. С. 331].

В чувашском языке М. Ф. Чернов указывает на наличие четырех типов гипотаксиса словосочетаний: *сум сыхӑнӑвӗ* «примыкание», *тытӑм сыхӑнӑвӗ* «управление», *килӗшӗ сыхӑнӑвӗ* «согласование» и *камӑнлӑх сыхӑнӑвӗ* «изафет» [9. С. 147].

Но в чувашском языке имеются аналитические конструкции, состоящие из основного и вспомогательного глагола, в которых широко представлены другие типы гипотаксиса, что не было объектом пристального внимания со стороны чувашских и тюркских лингвистов. Одни лингвисты склонны отнести такие сочетания к сложным или сложно-составным глаголам [3. С. 176], другие – к перифрастическим выражениям или оборотам [8. С. 128].

В аналитических конструкциях основной и вспомогательный глаголы, сливаясь друг с другом, приобретают новое значение, например: *сывӑрса кайрӗ* «заснул» < *сывӑр* «спать» + аффикс *-са* + *кайрӗ* «ушел»; *кайшӑрса ячӗ* «закричал» < *кайшӑр* «кричать» + аффикс *-са* + *ячӗ* «пустил» и т.д.

В результате анализа большого фактического материала по аналитическим конструкциям, в чувашском языке можно выделить следующие типы гипотаксиса:

Гипотаксис I (сочетание 'глагол + глагол'):

Килчӗ ырӑ суркунне, килчӗ ячӗ айӑтса «Наступила благодатная весна, наступила и быстро отогрела землю».

В данной глагольной конструкции *килчӗ ячӗ* «быстро наступила» – оба компонента выражены формой прошедшего категорического времени (букв. «пришла и пустила»);

Сикрӗ тухрӗ сырмаран, пӗкке хуsrӗ сурмаран «Вдруг выскочил (леший) из оврага и сломал дугу пополам».

В данном предложении составные элементы глагольного сочетания *сикрӗ тухрӗ* также приняли форму прошедшего времени (букв. «прыгнул и вышел»).

Таких примеров в чувашском языке наблюдается достаточно; нужно подчеркнуть, что и первый, и второй глаголы в этих сочетаниях имеют одинаковую структуру и грамматическую форму.

Компоненты данных глагольных словосочетаний могут принимать следующие формы:

1) причастия прошедшего времени: *тухнӑ тарнӑ* «вдруг убежал» (букв. «вышел и убежал»);

2) причастия будущего времени: *курас-тӑвас (тулсан)* «если вдруг увидишь» (букв. «видеть и делать»);

3) субстантивированные формы причастия настоящего времени: *иртен-сӳрен* «прохожий» (букв. «проходящий и ходячий»); *ӱсен тӑран* (*ӱсен-тӑран*) «растение» (букв. «растущий и стоящий»);

4) деепричастия с аффиксом *-са*: *курса тӑрса* «будучи очевидцем» (букв. «видеть и стоять»);

5) деепричастия с аффиксом *-а*: *пӑха тӑра* «видя того» (букв. «смотря и стоя»);

6) деепричастия с аффиксом *-сан*: *курсан-тусан* «когда (вдруг) увидишь» (букв. «когда смотришь и делаешь»).

Достоверно, что конструкции этого типа в основном выражают неожиданность, внезапность, быстроту действия. По своему значению вспомогательные глаголы в чувашском языке приблизительно соответствуют совершенному виду русских глаголов (отметим, что в чувашском языке в системе глагола отсутствует категория вида).

Гипотаксис II (сочетание 'деепричастие на *-а (-е)*, *-са (-се)* + вспомогательный глагол'): *касса яр* «срубить», *шӑла-шӑла ил* «гладить (по голове)», *каласса кайрӑмӑр* «разговорились», *вуласа пар* «прочитай», *манса юлнӑ* «забыт».

В разряд вспомогательных глаголов включают следующие: *ан* «спуститься», *вырт* «лежать», *ил* «братъ», *кай* «уходить», *кӑр* «заходить», *кил* «приходить», *кур* «видеть», *лар* «сидеть», *ларт* «посадить», *пӑх* «смотреть», *пӑт* «закончиться», *пул* «быть», *пыр* «идти», *сит* «прийти», *сӳре* «ходить», *тат* «рвать», *тӑр* «стоять», *тух* «выйти», *ӱк* «падать», *хур* «класть, положить», *чар* «остановить», *юл* «остаться», *яр* «пустить» [4. С. 220].

Основной и вспомогательный компоненты очень часто могут меняться местами с изменением смысла полностью, ср.: *парса яр* «отдать» – *ярса пар* «наливать», *ларса кай* «отъезжать» – *кайса лар* «занять место», *кайса кил* «сходить» – *килсе кай* «приходить», *тухса вӑс* «быстро удалиться» – *вӑссе тух* «вылететь».

В поэзии также наблюдается инверсия компонентов, но в данном случае при перестановке элементов местами смысл выражения не меняется:

Хӑвел пӑхрӑ айӑтса «Греет солнышко тепло» (ср.: *айӑтса пӑх* «тепло греть»);

Юр ирӑлчӑ васкаса «Начал быстро таять снег» (ср.: *васкаса ирӑл* «быстро таять»);

Сырма юхатъ кӑрлесе «Шумно бежит речка» (ср.: *кӑрлесе юх* «шумно бежать»).

Гипотаксис III (сочетание ‘деепричастие с аффиксом *-са (-се)* + деепричастие с аффиксом *-сан(-сен)*’): *кайса килсен* «съездив, сходя»; *канса илсен* «отдохнув»; *вуласа тухсан* «прочитав»; *ёҫлесе пёттерсен* «закончив работать»; *йсласа илсен* «поразмыслив».

Гипотаксис IV (сочетание ‘имя + вспомогательный глагол *ту* «делать»’): *тупа ту* «клясться», *тав ту* «благодарить», *чўк ту* «приносить жертву»; *хапал ту* «добро пожаловать», *хисеп ту* «уважать» и др.

Гипотаксис V: а) сочетание ‘причастная форма настоящего времени с аффиксом *-акан (-екен)* + вспомогательный глагол *пул* «быть»’: *утакан пул*, *сўрекен пул* «становиться ходячим», *кулакан пул* «становиться улыбающимся». Вспомогательный глагол в таких примерах может принимать атрибуты (аффиксы) спрягаемых глаголов: времени, наклонений, лица, числа, или атрибуты неспрягаемых глаголов – причастий, с прибавлением аффикса *-чё (-ччё)*: *утакан пулнӑ* «стал ходячим», *утакан пуласчё* «стать бы ходячим», *утакан пулмалла* «необходимо стать ходячим», *утакан пулнӑччё* «был ходячим», *утакан пулмаллаччё* «необходимо бы стать ходячим», а к основному компоненту может присоединиться аффикс усиления *-х (-ах, -ех)*: *утаканах пултӑн-и?* «неужели ты стал ходячим?», *утаканах пулчӑ-и?* «неужели стал ходячим?»;

б) сочетание ‘причастие будущего времени + вспомогательный глагол *кил* «прийти»’: *сиес килет* «хочется есть», *сиессём килет* «мне хочется есть», *пулас килет* «хочется быть», *пулассӑм килет* «мне хочется быть». Как видно из примеров, в подобных примерах причастие может принимать аффиксы лица: *сиессём килет* «я хочу есть; мне хочется есть»; *сиессу килет* «ты хочешь есть; тебе хочется есть»; *сиесси килет* «он хочет есть; ему хочется есть»; *сиесси пулмарӑ* «(ему) не удалось поесть»; *сиессёр килет* «вам хочется есть»; *вёсен сиесси пулмарӑ* «им не удалось поесть»;

Хӑв та купӑс сўллӑш анчах, вёренессу пулать-и санран? «Сам-то ты ростом с гармошки (скрипки), сможешь ли научиться играть?».

Эту особенность форм причастий будущего времени впервые В. И. Сергеев (вопреки мнениям других языковедов) предложил называть категорией лица этого причастия [6. С. 273-274].

в) сочетание ‘причастие прошедшего времени + вспомогательный глагол *пул* «быть»’: *кайнӑ пулатӑн*, *кайнӑ пулӑн*, *кайнӑ пулчӑ*, *кайнӑ пултӑтӑм*, *кайнӑ пулӑпин* и др.

Н. И. Ашмарин в таких случаях уверенно говорит о сложных временных аналитических конструкциях в чувашском языке, т.е., эти

формы выражают временные значения: «конструкция, состоящая из причастия прошедшего времени и формы настоящего времени глагола *пул* «быть», обозначает такое действие, которое во время другого действия, совершающегося в настоящем времени, уже оказывается прошедшим: *Эпӗ сан патна пымассерен, эсӗ таҫта тухса кайнӑ пулатӑн* «Я прихожу к тебе, а ты (всё) бываешь в отлучке» [2. С. 236].

Значит, в чувашском языке, кроме традиционно выделяемых трех (настоящее, прошедшее, будущее) времен, в конструкциях с глаголом *пул* «быть» можно наблюдать наличие *прошедшего* времени в *настоящем*.

Автор приводит интересную мысль, что эта же форма может употребляться в смысле будущего времени: *Мана хисеплесессӗн, эсир манӑн ачасене те хисепленӗ пулатӑр* «Если вы меня уважаете, то тем самым будете уважать и моих детей».

В фундаментальном научном произведении Н. И. Ашмарина «Опыт исследования чувашского синтаксиса» говорится также «об употреблении времени *будущее 2-е* (или *будущее сложное*. – А. И.), которое составляется из причастия прошедшего времени и глагола *пул* в будущем времени. Первая форма ставится для обозначения действия, которое уже успевает совершиться прежде другого действия, вторая – если хотят указать на последствие, необходимо вытекающее из другого действия: *Турра панӑ пулӗҫ, Турӑ умӗнче парне кунӗ пулӗҫ. Эсир килӗр те, эпӗ вилнӗ пулатӑн*» [2. С. 184].

Глагольная конструкция ‘причастие прошедшего времени + вспомогательный глагол *пул* «быть» в прошедшем времени’ обозначает *прошедшее* время в *прошедшем*: *кайнӑ пултӑм, кайман пултӑм, кайнӑ пултӑн, кайман пултӑн, кайнӑ пулчӗ, кайман пулчӗ, кайнӑ пулаттӑм, кайман пулаттӑм, кайнӑ пулаттӑн, кайман пулаттӑн, кайнӑ пулатчӗ, кайман пулатчӗ*.

Таким образом, мы обозначили различные типы гипотаксиса в глагольных словосочетаниях в чувашском языке. Вспомогательные глаголы в таких сочетаниях в некоторой степени соответствуют совершенному виду русских глаголов. Кроме того, глагольные конструкции в чувашском языке обогащают традиционно сложившиеся временные формы глагола.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] /

List of Literature

1. Ahmanova, O. S. Slovar' lingvističeskikh terminov [Tekst] / O. S.

- О. С. Ахманова. – М. : Сов. энциклопедия, 1969. – 607 с.
2. Ашмарин, Н. И. Опыт исследования чувашского синтаксиса [Текст] / Н. И. Ашмарин. – Симбирск, 1923. – Ч.2. – 276 с.
3. Егоров, В. Г. Глагол [Текст] / В. Г. Егоров // Материалы по грамматике современного чувашского языка. – Чебоксары, 1957. – Ч. I : Морфология. – 345 с.
4. Павлов, И. П. Современный чувашский язык. Морфология [Текст] / И. П. Павлов. – Чебоксары, 1965. – 343 с.
5. Русский язык : Энциклопедия [Текст]. – М. : Сов. энциклопедия, 1979. 431 с.
6. Сергеев, В. И. Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке [Текст] / В. И. Сергеев.–Чебоксары, 2002.–299с.
7. Стариченок, В. Д. Большой лингвистический словарь [Текст] / В. Д. Стариченок. – Ростов н/Д. : Феникс, 2008. – 810 с.
8. Татарская грамматика. Т. III. Синтаксис [Текст]. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1992. – 397 с.
9. Чернов, М. Ф. Современный чувашский литературный язык. Синтаксис словосочетания [Текст] / М. Ф. Чернов. – Чебоксары, 2005. – 282 с.
10. Языкознание : большой энциклопедический словарь [Текст]. – М., 2000. – 688 с.
- Ahmanova. – M. : Sov. jenciklopedija, 1969. – 607 s.
2. Ashmarin, N. I. Opyt issledovaniya chuvashskogo sintaksisa [Tekst] / N. I. Ashmarin. – Simbirsk, 1923. – Ch.2. – 276 s.
3. Egorov, V. G. Glagol [Tekst] / V. G. Egorov // Materialy po grammatike sovremennogo chuvashskogo jazyka. – Cheboksary, 1957. – Ch. I : Morfologija. – 345 s.
4. Pavlov, I. P. Sovremennyy chuvashskij jazyk. Morfologija [Tekst] / I. P. Pavlov. – Cheboksary, 1965. – 343 s.
5. Russkij jazyk : Jenciklopedija [Tekst]. – M. : Sov. jenciklopedija, 1979. 431 s.
6. Sergeev, V. I. Morfologicheskie kategorial'nye i nekategorial'nye formy v sovremennom chuvashskom jazyke [Tekst] / V. I. Sergeev. – Cheboksary, 2002. – 299 s.
7. Starichenok, V. D. Bol'shoj lingvisticheskiy slovar' [Tekst] / V. D. Starichenok. – Rostov n/D. : Feniks, 2008. – 810 s.
8. Tatarskaja grammatika. T. III. Sintaksis [Tekst]. – Kazan' : Tatarskoe kn. izd-vo, 1992. – 397 s.
9. Chernov, M. F. Sovremennyy chuvashskij literaturnyj jazyk. Sintaksis slovosochetaniya [Tekst] / M. F. Chernov. – Cheboksary, 2005. – 282 s.
10. Jazykoznanie : bol'shoj jenciklopedicheskiy slovar' [Tekst]. – M., 2000. – 688 s.

**К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫХ АСПЕКТАХ
ПАРЕМИЙ: ФУНКЦИЯ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ДИСКУРСА**

А. А. Константинова

Одной из актуальных задач современной паремиологии является изучение когнитивно-дискурсивных аспектов функционирования пословиц и поговорок. В настоящей статье рассматривается функция структурной организации дискурса, выполняемая англо-американскими паремиями в медиадискурсе и дискурсе публичных выступлений.

Ключевые слова: англо-американские паремии, когнитивно-дискурсивная функция, дискурс, медицинский телесериал, актовая речь.

Многими учеными в работах по когнитивной психологии и дискурсивных исследованиях обосновывается значительная роль когнитивной базы в процессе восприятия и обработки информации в процессе дискурсивной деятельности [1; 2 и др.]. Под термином «когнитивная база» мы подразумеваем совокупность знаний и представлений, общих для членов того или иного лингво-культурного сообщества. Логично, с нашей точки зрения, также утверждать, что когнитивная база человека во многом детерминирует как лингвистическое наполнение дискурса, так и его построение. Таким образом, использование в дискурсе пословиц и поговорок, являющихся прецедентными высказываниями¹ и элементами когнитивной базы, когнитивно обусловлено, т. е. определяется актуальным знанием, опытом, важными для человека. Наши наблюдения за процессом функционирования англо-американских паремий в медиадискурсе

¹ Паремии наделены основными характеристиками прецедентных текстов:

- 1) являются актуальными для той или иной личности в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане: они схематично представляют различные жизненные ситуации и вызывают к эмоциям;
- 2) имеют сверхличностный характер, т. к. хорошо известны представителям некоторой лингво-культурной группы;
- 3) обращение к ним постоянно возобновляется в речи (дискурсе) представителей данного языкового сообщества [3. С. 170].

и дискурсе публичных выступлений показали, что паремии, в свою очередь, выполняют когнитивные функции в дискурсе: с одной стороны, они являются его организующими элементами, с другой, помогают его интерпретации. Настоящую статью посвятим рассмотрению когнитивной функции структурной организации дискурса.

В ходе осуществленного исследования была установлена значимость положения паремии в дискурсе. Анализ показал, что паремии выстраивают схемы для организации, запоминания и осмысления информации в дискурсе и, тем самым, выступают элементами его структурной организации, концептуальными связками, структурирующими имеющуюся информацию и интегрирующими новую, поступающую, информацию.

В качестве примера разберем роль паремий в одном из эпизодов американской медицинской драмы «Анатомия Грей» «If Tomorrow Never Comes». В данной серии пословицы появляются в значимых структурных элементах дискурса: названии эпизода, открывающем и закрывающем повествовании «голоса за кадром». Шестой эпизод первого сезона «If Tomorrow Never Comes» является рекордным по количеству фигурирующих в одной серии паремий (всего 6). Распространенная пословица *Tomorrow never comes* (Ср. У завтра нет конца, Отложил на осень, а там и вовсе бросил), использованная в названии серии, уже позволяет обозначить тематику эпизода. Не зная его содержания, можно предположить, что он будет посвящен проблеме человеческой привычки откладывать дела, проблеме людской нерешительности, мешающей принятию решения или совершения поступков вовремя. Более того, пословица в условном предложении заставляет зрителя задуматься о том, стоит ли откладывать дела на завтра, ведь оно может не наступить. Итак, открывая серию, голос главной героини сериала, доктора Мередит Грей, делится со зрителем любопытным взглядом на обозначенную уже в названии проблему:

A couple hundred years ago Benjamin Franklin shared with the world the secret of his success. **Never leave that 'til tomorrow, which you can do today.** This is the man who discovered electricity; you'd think we'd pay more attention to what he had to say. I don't know why we put things off, but if I had to guess it has a lot to do with fear. Fear of failure, fear of pain, fear of rejection. Sometimes the fear of just making a decision. Because... What if you're wrong? What if you make a mistake you can't undo? Whatever it is we're afraid of, one thing holds true: That by the time the pain of not doing the thing gets worse than the fear of doing it,

it can feel like we're carrying around a giant tumor (*sees a patient with a 50-pound tumour*). And you thought I was speaking metaphorically...

Так, в открывающем повествовании мы обнаруживаем узуальную половицу *Never leave that 'til tomorrow, which you can do today* (Ср. Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня), синонимичную паремии в названии. Мередит Грей связывает человеческую нерешительность со страхом поступить неверно, совершить ошибку.

В анализируемом эпизоде в центре внимания оказывается уникальный медицинский случай. В клинику Сиэтл Грейс поступает пациентка, долгое время боявшаяся обратиться за помощью к докторам. В результате у нее образовалась опухоль гигантских размеров, и ее шансы выжить малы. Что касается развивающейся на протяжении всех сезонов сюжетной линии взаимоотношений двух главных героев сериала Мередит Грей и Дерека Шеперда, то в данной серии их карьера оказывается под угрозой, когда об их связи узнает доктор Бейли, резидент Сиэтл Грейс. Миранда Бейли, к кому Мередит прикреплена в качестве интерна, присматривает за парой, так как выступает против проявлений благосклонности на работе врача-ординатора к начинающему интерну. Мередит сомневается, стоит ли отвечать на ухаживания Дерека. В том же эпизоде другим героям медицинского шоу – молодым интернам – приходится сталкиваться с ситуациями, требующими безотлагательного решения и оперативности действий. Уроки, которые должны быть вынесены из этих ситуаций и всей серии в целом, находим в закрывающем повествовании «голоса за кадром», где выстраивается целая цепь из распространенных поговорок и, таким образом, создается фразеологически насыщенный контекст:

'The early bird catches the worm.' **'A stitch in time saves nine.'** **'He who hesitates is lost.'** We can't pretend we haven't been told. We've all heard the proverbs, heard the philosophers, heard our grandparents warning us about **wasted time**; heard the damn poets urging us to **seize the day**. Still, sometimes we have to see for ourselves. We have to make our own mistakes. We have to learn our own lessons. We have **to sweep today's possibility under tomorrow's rug** until we can't anymore. Until we finally understand for ourselves what Benjamin Franklin meant. That knowing is better than wondering. That waking is better than sleeping. And that even the biggest failure, even the worst most intractable mistake, beats the hell out of not trying.

Так паремия *The early bird catches the worm* (Ср. Кто рано встает, тому Бог подает) отсылает нас к ситуации, сложившейся с интерном Алексом Каревом, который изо всех сил спешит доставить дополнительную кровь для пациентки с опухолью, но не успевает. К сожалению, для нее завтра уже не наступит – она умирает на операционном столе. Пословицы *'A stitch in time saves nine'* (Ср. Штопай дыру пока невелика), *'He who hesitates is lost'* (Ср. Промедление смерти подобно) резюмируют события, произошедшие в серии с Иззи Стивенс. Иззи оказывается одна с послеоперационным пациентом, которому внезапно становится плохо и ей, неопытному интерну, приходится безотлагательно проделать сложнейшую манипуляцию на открытом сердце. Так, ее решительность и своевременная помощь спасают больному жизнь. Вычлененное из узуальной паремии *Time wasted is time lost* (Ср. Деньги пропали – еще наживешь, время пропало – его не вернешь) словосочетание «wasted time» и пословица латинского происхождения *Seize the day* (Лови момент) завершают эту паремическую цепочку. Созданию фразеологически насыщенного контекста служит также модифицированная идиома «to sweep today's possibility under tomorrow's rug» (Ср. «to sweep something under rug»), также подчеркивающая человеческую привычку откладывать дела на завтра. Такое обилие синонимичных паремий, на наш взгляд, не случайно. Они приводятся как всем известные, авторитетные источники благоразумного поведения. Как представляется, во всех перечисленных выражениях делается акцент на времени: если мешкать, то можно не успеть; завтра может быть уже слишком поздно. В закрывающем серию повествовании голоса за кадром предлагается иная интерпретация «пословичной мудрости», акцент смещается на личный опыт человека. Понимание того, что не стоит бояться действовать, так как это дает знание, опыт и, следовательно, уверенность, подталкивает Мередит Грей продолжить отношения с Дерексом Шепердом, несмотря на сложившиеся неблагоприятные для этого условия. Таким образом, появляясь в сильных позициях – названии, начале и конце повествования – синонимичные пословицы помогают интерпретации содержания и выведения морали эпизода и организуют его в структурном плане.

В некоторых случаях мы наблюдаем конвергенцию когнитивно-дискурсивных функций, как, к примеру, в актовом выступлении Рассела Бейкера перед выпускниками колледжа Коннектикута (ныне

университет). Используя элемент распространенной современной поговорки *There is no /such thing as a/ free lunch* (Ср. За ничто ничего не купишь, Бесплатный сыр – в мышеловке) в самом начале своего обращения, известный писатель создает непринужденную обстановку для коммуникации, тем самым налаживает связь с аудиторией выпускников. Так, паремия выполняет функцию менеджмента дискурса:

The authorities of Connecticut College have suggested that for me to speak longer than 20 minutes would be regarded as cruel and inhuman punishment and that if I go as long as 30 minutes several strong men will mount this platform and forcibly remove me. But if I can finish in 15 minutes - 15 minutes! - they will let me stay for lunch. They know their man, ladies and gentleman. **When I smell a free lunch, I go for it.**

Длина актовой речи – одна из животрепещущих проблем в этот знаменательный день, поэтому многие ораторы обещают молодым людям быть краткими. Известный своими фельетонами и юмористическими колонками, Р. Бейкер шутовски обыгрывает данный вопрос с помощью элемента паремического образа «a free lunch» («бесплатный обед») – «When I smell a free lunch, I go for it». По его словам, только такая редкая удача, как бесплатная трапеза, может заставить его уложиться в четверть часа. Так, в начале выступления первая часть узуальной поговорки «*There is no such thing as...*» как бы утаивается от слушателей. Оратор, однако, возвращается к обсуждаемой паремии в самом финале выступления. Р. Бейкер оказывается действительно кратким, во многом благодаря организации основной части речи, которую он выстраивает как набор четко сформулированных советов-уроков. Таких уроков он предлагает десять, хотя в свойственной ему юмористической манере добавляет урок № 9,5. Еще один, по нашему мнению, значимый урок он оставляет пронумерованным:

Now it seems I have run past the 15-minute limit and will have to buy my own lunch. **That's life** Class of 1995. **No free lunch.**

“My sermon is done” [Russell Baker “Ten Ways to Avoid Mucking Up the World Any Worse Than It Already Is”, Connecticut College, May, 1995].

Заканчивая свое обращение к выпускникам, Р. Бейкер возвращается к поднятой в начале теме «бесплатного обеда». Несмотря на

то, что усеченная поговорка «No free lunch» вновь преподносится в шуточной форме, она акцентирует внимание на одной из главных социальных закономерностей – за все надо платить, такова жизнь. Таким образом, будучи использованной в начале и конце актовой речи, поговорка не только выполняет функцию структурной организации дискурса, так как создает композиционную завершенность выступления, но функцию семантического выделения важной информации и функцию менеджмента дискурса.

Итак, наше исследование показало, что поговорки могут выступать организующими элементами дискурса. Выполняя функцию структурной организации дискурса, поговорки и поговорки создают его логическую завершенность, выстраивают схемы для организации информации и, таким образом, способствуют его внутренней экспликации.

Список литературы

1. Neisser, U. *Cognitive Psychology* [Текст] / U. Neisser. – Appleton Century Crofts: New York, 1976.
2. van Dijk, Teun A. *Cognitive Psychology and Discourse: Recalling and Summarizing Stories* [Текст] / van Dijk, Teun A., W. Kintsch // *Current Trends in Textlinguistics*. Vol. 2. Walter de Gruyter: Berlin; New York, 1978. P. 61–80.
3. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? [Текст] / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003.

List of Literature

1. Neisser, U. *Cognitive Psychology* [Текст] / U. Neisser. – Appleton Century Crofts: New York, 1976.
2. van Dijk, Teun A. *Cognitive Psychology and Discourse: Recalling and Summarizing Stories* [Текст] / van Dijk, Teun A., W. Kintsch // *Current Trends in Textlinguistics*. Vol. 2. Walter de Gruyter: Berlin; New York, 1978. P. 61–80.
3. Krasnyh, V. V. «Svoj» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? [Tekst] / V. V. Krasnyh. – M. : Gnozis, 2003.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗВАНИЙ АНГЛИЙСКИХ ПАБОВ

О. А. Короткова

В статье анализируется группа английских ойкодомонимов (собственные имена зданий), представленных названиями пабов Великобритании. Выявляются основные лексико-семантические группы, которые легли в основу номинации пабов. Определяется культурная информация, которая содержится в этих названиях.

Ключевые слова: урбанонимы, ойкодомонимы, паб.

Исходя из того, что становление и развитие собственных имен во многом определяется культурой народа, создавшего или заимствовавшего эти имена, в районах с близкими культурными традициями складываются сходные типы имен. Наблюдается определенная типология в отражении реалий в основах собственных имен, включение в их состав обозначений профессий, предметов материальной и духовной культуры, чисел, названий растений и животных.

Следует отметить точку зрения В. А. Никонова, который пишет: «Историзм – основа всех названий. Они историчны не в узком смысле, сообщая о каком-то событии или имени, а всегда. Только история побуждает в одном случае обращаться к природным признакам, в другом – к личным именам. Самые невинные названия образовались не свойствами природы, а уровнем социально-экономического развития» [1. С. 81].

Для нас представляет интерес специфическая группа английских урбанонимов – названий английских пабов. В Великобритании около 70 000 пабов, и названия их варьируются. Практически всякое название произвольно и не связано ни с именем владельца, ни с идеей выпивки, общения или хорошего времяпрепровождения. Среди пабов много странных названий: the Frog and Nightgown, the Bull and Spectacles, the Flying Monk, the Crab and Gumboil. Названия английских пабов являются урбанонимами, так как паб – типично внутригородской объект. Нужно отметить вместе с тем, что разряд урбанонимов объединяет названия самых разных видов внутригородских объектов, таких как улицы, площади, различные здания, и все эти

объекты сильно различаются по своему характеру и назначению [2. С. 92–93].

В лингвострановедческом словаре дано следующее определение паба: «паб, пивная, трактир, таверна (торгует преимущественно пивом, а также другими алкогольными и безалкогольными напитками и закусками; является местом встречи жителей данного района)» [3]. Конечно, это далеко не исчерпывающее определение. Паб – это уникальное английское явление, это такая же традиция английской нации, как бистро – французской или русские чайная и пельменная; английский паб так же уникален, как и английский сленг [2. С. 92].

А. Ф. Артемова и О. А. Леонович выделяют 8 основных лексических групп, которые легли в основу номинации пабов: 1) геральдика, 2) обиходные литературные аллюзии, 3) религия, 4) месторасположение паба, 5) исторические события и личности, 6) мореплавание, 7) развлечения, 8) характеристика самого паба [2. С. 95–97].

Мы считаем возможным расширить классификацию О. А. Леонович: 1) антропонимы; 2) исторические личности и события; 3) экономические и политические события; 4) мореплавание; 5) транспорт; 6) занятия и профессии; 7) развлечения и спорт; 8) охота; 9) геральдика; 10) религия, церковь; 11) литература, фольклор; 12) топография; 13) близлежащие объекты; 14) характеристика самого паба; 15) богатство растительного мира; 16) цвет.

1. Основами названий пабов могут становиться различные виды антропонимов: фамилии, личные имена, прозвища и т.д.: *The Astor*, *The Addington*, *The Baldwin*, *The Churchill* и др.

К более ранним урбанонимам этой группы относятся принадлежностные названия, в которых в первую очередь фиксируются имена владельцев пабов: *The Annie Bailey's*, *The Crocker's Folly*, *The Zach Willsher*. Наименования отражают имена известных государственных деятелей, полководцев, писателей: *The Augustus John*, *The Churchill*, *The Charles Darwin*, *The Dick Whittington*.

2. Во вторую группу входят имена исторических личностей и названия исторических событий. *Ye Olde Trip to Jerusalem* считается одним из старейших в Англии, так как первые упоминания о нем восходят к 1070 году и связаны они с походами Ричарда Львиное Сердце. Названия пабов, которые произошли от имен и фамилий людей, возглавлявших военные сражения, а также от названий мест, где происходили битвы включают: *The Allenby Arms* (General Allenby), *The Balaclava*, *The Battledown*, *The Battle of Britain*, *The Bosworth* (от

Bosworth Field - место сражения, где Ричард III потерпел поражение, что положило конец войне Алой и Белой розы), *The Bounty*, *The Camperdown*, *The Chartist*.

3. Названия, связанные с экономическими, политическими событиями в истории Англии, открытиями, изобретениями: *The Amalgamation* (прежнее название паба *The London, Chatham and Dover Railway Tavern* - в честь железной дороги, объединявшей Лондон, Чатем, Дувр и Юго-Восточную железнодорожную ветвь), *The Atmospheric Railway* (железнодорожная система, которая должна была впервые работать за счет сжатого воздуха), *The Air Balloon* (21 ноября 1783 г. был совершен первый полет на воздушном шаре), *The Blue Chip* (акции, выпускаемые крупными предприятиями страны).

4. Названия этой группы напоминают о том, какую большую роль сыграло мореплавание в истории Англии, считавшейся долгое время «владычицей морей»: *The Anchor*, *The Captain Flint*, *The Barking Smack*. Напоминают они и о великих победах Англии на море, например, *The Trafalgar*, паб, который не раз посещал адмирал Нельсон со своей командой. Часто встречаются названия пабов, произошедшие от названий кораблей: *The Argo Frigate*, *The Chieftain*, *The Discovery*.

5. В этой группе представлены названия, связанные с воздушным, наземным и водным транспортом. Паб в графстве Ноттингем *The Flying Bedstead* (имя летательного аппарата, с которого началось развитие самолётов вертикального взлёта и посадки); *The Red Arrow* (получил своё название в честь пилотажной группы Королевских ВВС Великобритании). Ливерпульский паб *The Rocket* носит имя одного из первых паровозов, построенных в 1829 году.

В эту группу могут быть включены названия пабов, расположенных вблизи мест остановки и отдыха: *The Coach and Horses*, *The Waggon and Horses*, *The Wait for the Waggon*, *The Traveller's Rest*, *The Horse and Groom*.

6. Данная группа включает в себя названия как современных, так уже и не существующих названий профессий и занятий: *The Baker and Basket*, *The Hay Cutter*, *The Blacksmiths*, *The Forester's Arms* (паб обязан своим названием древнему Ордену лесничих, имевшему свои ложи в Британии и США), *The Beetle and Wedge* (паб в Беркшире; кувалда и клин были основными орудиями труда плотников 200 лет назад), *the Golden Fleece* (название указывает на местное производство шерсти для привлечения покупателей).

7. В седьмой группе, связанной со спортом и развлечениями, очень часто встречаются названия, относящиеся к скачкам: *The Flying Dutchman*, *The Why Not* (клички лошадей), имена жокеев и названия скачек: *The Champion Jockey*, *The Chase*, *The Chester Cup* (имена жокеев). Характерно название *The Bell*, говорящее об исторической традиции – во времена Карла II серебряный колокольчик был призом на скачках. Часто в пабах посетители смотрят футбол, играют в снукер, или же на игровых автоматах: *The Arsenal Tavern*, *The Archery*, *The Bowyer Arms*, *The Bat and Ball Inn* (крикет), *The Snow and Pigs* (карточная игра), *The Cricket*, *The Cricket Players* (в г. Ноттингем; вариант *The Cricketers*). Пабы могут быть названы в честь спортивного клуба, так лондонский паб *The Hammers* носит разговорное название футбольного клуба Вест Хэм Юнайтед. Названия *The Dog and Bear*, *The Bear*, *The Fighting Cocks*, *Ye Olde Fighting Cocks*, *the Bull* напоминают о когда-то популярном жестоком развлечении – травле животных (особенно медведей).

8. В данной группе объединены названия пабов, связанных с охотой. Большинство таких названий были образованы во времена Генриха VIII, который был большим любителем охоты: *The Greyhound* (любимая порода охотничьих собак Генриха), *The Bird in Hand* (увлечение короля ловчими птицами). *The Fox and Hounds*, *The Hare and Hounds*, *The Tally Ho* (клич в охоте на лис), *The See Ho* (клич в охоте с борзыми и гончими на зайца), *The Bay Horse*.

9. Самую обширную группу составляют названия, связанные с геральдикой. Великобритания на протяжении веков является монархией, и владельцы пабов старались показать свою верность монархам, например, *The Bull's Head* (герб Генриха VIII), *The Golden Cross* (знак крестоносцев), *The White Lion* (герб Эдуарда IV), *The White Swan* (герб Генриха IV), *The Red Rose and the White Rose* (по гербам Ланкастеров и Йорков в войне Алой и Белой розы). *The Crown* – одно из старейших и самых распространенных названий.

Слово *arms* («герб», от *coat of arms*) часто употреблялось как синоним «гостиницы», «паба». Первоначально этот элемент использовался в знак уважения к владельцу земли, на которой располагался паб: *The Buckingham Arms*, *The Anglesea Arms*, *The Percy Arms*, *The Camden Arms*. Позже его стали добавлять к названиям профессий: *The Artillery Arms*, *The Bricklayers' Arms*, *The Farmer Arms*, *The Junction Arms*, *The Welliggers' Arms* и т.п.

10. Первые владельцы пабов были набожными людьми, поэтому можно выделить в отдельную группу названия, включающие в себя религиозную тематику. Так, в средние века широко использовался знак «ангела»: *The Angel Inn, The Angel by the Bridge, The Little Angel*.

Существуют названия, в которых отражены сугубо английские религиозные традиции, например *The St. George and the Dragon, The George, The George and Pilgrims* (Св. Георгий является святым-покровителем Англии со времен крестоносцев). Имена служителей церкви, названия предметов церковного обихода, культовых строений могли быть использованы в названиях пабов: *The Abbot John, The Abby, The Abbot's Mitre, The Bishop Lacy, The Bishop Bridge, The Black Frair*. Названиями пабов могут стать изречения из Библии: *The Dove and Olive Branch, The Pillar of Fire, The Pillar of Salt, The Rainbow and Dove, The World Turned Upside Down*.

The Cross Keys – очень распространенный символ в христианстве, имеющий отношение к Святому Петру, которому Иисус сказал: «Я дарую тебе ключи в рай».

11. Группа, связанная с английской литературой и фольклором, также представляет большой интерес для анализа. Ряд пабов носит имена широко известных литературных героев – *The Artful Dodger, The Oliver Twist, The Sherlock Holmes*, киногоeroев: *The Bogarts, The Charlie Chaplin*, писателей: *The Charles Dickens, The Chaucer/The Geoffrey Chaucer, The Robert Burns*.

Для наименования пабов используются цитаты из произведений, пословицы, слова песен: *The Auld Lang Syne, The Bobby Shafto* (народные песни), *The Bird in Hand* (часть пословицы “A bird in the hand is worth two in the bush”), *The Blue Bell* (от названия песни “The Bluebell of Scotland”). Многие пабы с названием *The Green Man* (Зеленый человек - в кельтской мифологии Бог Природы, Бог весны и лета, Властелин животных), позже были переименованы в *the Robin Hood*. Так, на родине Робина Гуда, в Ноттингемшире, есть несколько пабов, которые носят название *the Robin Hood*.

12. Владельцы часто называют свои пабы, руководствуясь географическим или топографическим критерием. Можно привести примеры названий пабов, которые номинируют населенные пункты: *The Allenhead's Inn, The Bonchurch Inn, The Burrelton Park Inn, The Cittie of York*; названия пабов, произошедшие от наименований улиц: *The Albinger Hatch, The St. Peter's Hall, The Ringleston Inn*.

Среди географических названий можно упомянуть следующие: *The Albion Tavern* (поэтическое название Великобритании - «туманный Альбион»), *The Britannia Inn*, *The Blowing Stone Inn* (название произошло от скалы, изрешеченной отверстиями; согласно легенде, король Альфред созывал здесь свои войска).

13. Любопытны названия, связанные с более уточненным месторасположением пабов, так как они дают нам сведения о том, что находится или когда-то находилось в непосредственной близости от паба. Несколько пабов имеют название *The Gate*, что говорит о том, что по соседству с ними находились ворота какого-либо здания: *The Gate Hangs High*, *The Gateside*, *The Gateway*, *The Gate-Hangs- Well*. Разумеется, названия этой группы говорят также и о ныне существующих объектах: так, в Ливерпуле, в музее *Beatlesland*, находятся два паба с названиями *The With the Beatles* и *The Strawberry Fields* – свидетельство того, что ливерпульская четверка стала национальным достоянием Великобритании.

14. В данной группе объединены названия описательного типа, которые характеризуют сам паб: *The Blue House*, *The Crooked Chimney* (труба этого паба кривая и похожа на букву “L”), *The Flat Top* (название появилось благодаря плоской крыше), *The Foaming Tankard*, *The Frigate* (вход в паб сделан в виде носового украшения корабля), *The Nutshell* (один из самых маленьких пабов в Великобритании), *The Shoulder of Mutton* (от названия блюда, подаваемого в пабе).

15. В этой группе представлена лексика, отображающая богатства растительного и животного мира Великобритании: *The Fox*, *The Hop Pole*, *The Apple Tree Inn*, *The Blooming Rose*, *The Antelope*, *The Badger Hounds* и т.п.

16. Не менее любопытна группа, объединяющая наименования пабов с колоронимами. Так, это может быть цвет предмета, который отличает паб от близлежащих зданий: *The Blue Post* или *The Blue Door*. Либо цвет выступает как символ абстрактного состояния сознания (голубой – символ надежды), который может употребляться в сочетании с другими символами (например, со словом *anchor* (якорь) образуется популярное название *The Blue Anchor*). Паб *The Blue Pig* получил свое название благодаря местным рабочим, производящих передельный чугун (*pig iron*). Другие популярные цвета – красный и черный: *The Red Bull*, *The Red Lion*, *The Black Bear*, *The Black Cap*.

Урбанонимы являются зеркалом национальной культуры, содержат большой объем информации о своеобразии менталитета и

особенностях миропонимания, характерных для того или иного языкового сообщества. Названия английских пабов отражают не только культурные реалии Великобритании, но и состояние английского языка. Некоторые из «новообразований» довольно неожиданны, но источники показывают что *the Dog and Bacon* когда-то был *the Dorking Bacon*, а *the Cat and Fiddle* – *The Catherine la Fidele*; *The Ostrich Inn* в Букингемшире первоначально носил название *Hospice Inn* [4].

Многие названия английских пабов строятся на лексике, отображающей специфику и реалии британской действительности. Можно отметить наличие степени мотивированности у большинства названий, которая обусловлена соотносимостью частей урбанонимов с современными лексемами.

Список литературы

1. Никонов, В. А. Пути топонимического исследования [Текст] / В. А. Никонов // Принципы топонимики. – М., 1964.
2. Леонович, О. А. В мире английских имен [Текст] / О. А. Леонович – М. : АСТ, 2002.
3. Великобритания. Лингвострановедческий словарь [Текст]. – М., 1978.
4. О названии английских пабов [Электронный ресурс]. – <http://multilinguablog.com/2010/09/21/>
5. A History of Britain in Its Pub Signs, Part I [Электронный ресурс]. – <http://www.timetravel-britain.com/articles/history/pubsigns1.shtml>.
6. A History of Britain in its Pub Signs, Part II [Электронный ресурс]. – <http://www.timetravel-britain.com/articles/history/pubsigns2.shtml>.
7. The Historic Pubs of London [Электронный ресурс]. – <http://www>

List of Literature

1. Nikonov, V. A. Puti toponimicheskogo issledovaniya [Tekst] / V. A. Nikonov // Principy toponimiki. – М., 1964.
2. Leonovich, O. A. V mire anglijskih imen [Tekst] / O. A. Leonovich – М. : AST, 2002.
3. Velikobritanija. Lingvostranovedcheskij slovar' [Tekst]. – М., 1978.
4. O nazvanijah anglijskih pabov [Jelektronnyj resurs]. – <http://multilinguablog.com/2010/09/21/>
5. A History of Britain in Its Pub Signs, Part I [Jelektronnyj resurs]. – <http://www.timetravel-britain.com/articles/history/pubsigns1.shtml>.
6. A History of Britain in its Pub Signs, Part II [Jelektronnyj resurs]. – <http://www.timetravel-britain.com/articles/history/pubsigns2.shtml>.
7. The Historic Pubs of London [Jelektronnyj resurs]. – <http://www>

www.timetravel-britain.com/articles/london/pubs.shtml.

8. The Dictionary of Pub Names (Wordsworth Reference) [Электронный ресурс]. – <http://books.google.com/books?id=k-4SrdUPNFoC&pg=PA7&dq=pub+names&q=&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

timetravel-britain.com/articles/london/pubs.shtml.

8. The Dictionary of Pub Names (Wordsworth Reference) [Elektronnyj resurs]. – <http://books.google.com/books?id=k-4SrdUPNFoC&pg=PA7&dq=pub+names&q=&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

ASPECTS OF MEANING AS PART OF SYNONYMY

Leonard Danglli

(Tirana, Albania)

As almost all definitions of synonymy consider meaning as the basis of the synonymy relation, this paper pays special attention to the most important aspects of meaning, which have given rise to various debates among scholars. I will deal with the various approaches to the definition of meaning and its dimensions, as well as endeavor to find the “meaning” of meaning which “is everywhere, in our thoughts, in our words, in our actions, in the world. Wherever we turn, it is there” [Campbell 2002:1]. The paper also focuses on the relation between the various dimensions of meaning, such as reference, function, denotation or connotation, and synonymy. The definition of the latter requires a careful analysis of all the components of meaning.

Keywords: meaning, reference, function, denotation, connotation, synonymy.

Study of meaning

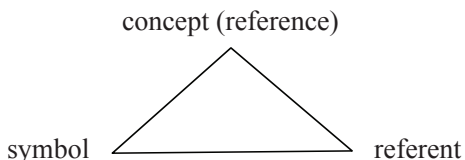
Numerous studies have shown that “meaning is one of the most unclear and controversial topics in the theory of language” [Ullmann 1967:54]. Problems of meaning have actually drawn the attention of scholars from ancient times who have been concerned about the relation between the name and the referent, as well as the role of meaning in this relation. Although several authors have focused for practical reasons only on the word when analyzing meaning, there is now a common agreement on three units of meaning which must be taken into consideration when studying it: “morphemes (which may be less than a word), lexemes (roughly words and idioms), and sentences” [Kreidler 1998:42].

Nevertheless, in spite of the numerous approaches to meaning, it remains one of the most important aspects of language as it performs an essential function, that of communication.

Meaning as reference

The simplest conception of meaning is when we relate different words with “objects, events and descriptions of things” [Ibid: 42] in the world

surrounding us. This relation between the word and its referent has been shown by the “triangle” of Ogden and Richards (1923):

The triangle shows the relation between form, thought and referent, which are considered by Ullman as the “three components of meaning”. The dotted line connecting the symbol with the referent shows that their relation is not direct whereas the one connecting the symbol with the concept is direct. In short, the symbol shows a concept or reference and the latter may refer to an object, quality, phenomenon, action or abstract notion.

Ullman attempts to make a simplification of the relation displayed in the triangle by suggesting the terms: “name” (the phonetic form of the word, its sounds and the other acoustic features, such as accent), “meaning” (information conveyed by the word to the listener) and “thing” (the non-linguistic feature or event we are talking about). He recreates the relation shown by the triangle of Ogden and Richards by formulating meaning as “the reciprocal and reversible relationship between the sound and meaning”. Therefore, if someone hears a word, he/she will think about a word and if someone thinks about something he/she will say a word.

As soon as we “see” the word “sound” referring to the “symbol” of the triangle, we immediately think of rejecting this term because words do not always have to be heard in order to evoke a thought in a person, but the same word can be written and after having been “seen” by the person can convey to him/her the same concept. An example could be that of persons lacking the capacity to hear but not the capacity to create a concept of “things” after having read them. However, it would be naive to claim that he was unaware of the problem of terminology as he himself declared that “the choice of terms is surely of secondary importance as long as analysis is accepted”.

Reimer reconstructs the semiotic triangle by including the following components:

- psychology of speakers**, which creates and interprets language
- referent** of the linguistic expression as projected by the psychology of the language user

-linguistic expression

Other authors have transformed the traditional triangle into a trapeze by adding other components to meaning [Rrokaj 2000:100].

No matter how “stakeholders” of meaning are termed and in spite of being connected both with the referent (thing) and the concept (thought), it is identical with neither of them. Thus, meaning is not identical with the referent as the latter belongs to the extra-linguistic reality while meaning is a linguistic category. The same object can be named with different words, taking different meanings. A “woman” can be named mother, wife, teacher, etc. Moreover, meaning is not identical with the concept as it is a mental, not a linguistic phenomenon. For example, synonyms usually convey the same concept but differ in components of meaning. The concept of taking somebody’s life can be expressed in English by such words as *kill*, *murder*, *assassinate*, *execute*, but they do not have the same components of meaning in spite of conveying different aspects of the same concept.

As a result, reference alone cannot serve as a sufficient means of defining meaning because words of a language are not only concrete objects but they also convey abstract notions whose meaning cannot be analyzed by using the referential approach alone.

Denotation and connotation

Denotation, which is commonly regarded as the literary or primary meaning of a word, is the potential of a word to be used in linguistic expressions. However, meaning is more than simply denotation. People not only speak and write to describe things, events and descriptions but they also express their opinions or attitudes, either negative or positive. Certain words such as *dog*, *cow*, *camel*, etc have a particular denotative meaning and can be used in various lexical expressions:

- (a) She has a dog
- (b) There were no dogs.

What we need to clarify in this case is the feelings, thoughts or attitudes the same words evoke in different people. Does the word “camel” evoke the same feelings in an Arab, who considers it a very useful animal, and in an Albanian or Russian? The same question can be asked about the word “cow” in the case of an Albanian and Indian, or the word “dog” in the case of an Albanian and an inhabitant of Alaska. The answer is that the above-mentioned words would evoke “different attitudes in society or inhabitants” [Kreidler 1998:45], and as a consequence different connotations.

Denotation identifies the central aspect of meaning whereas connotation refers to the personal aspect of meaning, the emotional associations evoked by the word. Connotations can be different in different persons but they can also be similar or identical when two or more people have shared the same experiences. It must also be pointed out that “connotation conveys those aspects of meaning which do not violate reference or denotation of a word but it is concerned with secondary features such as emotional force, level of formality, its character as euphemism, etc” [Reimer 2010:40].

The above distinction between the denotational and connotational meaning has also been termed by other linguists as “the conceptual meaning” and “the associative meaning” [Yule 2006:100].

The distinction between denotation and connotation is very helpful for defining synonymy. We must not be satisfied with the somewhat evasive definition of synonyms as “words with the same or almost the same meaning”. This makes room for numerous interpretations that would confuse readers. A clear example of the role of connotations in a synonymous pair is that of “father” and “daddy”. They both refer to the same person but the level of feeling in each word is different. Therefore, when defining synonyms we must consider both aspects of meaning, denotation and connotation, as they are inseparable from meaning as a whole. Moreover, connotations generally perform one of the main functions of synonyms, that of accurate description and differentiation. Lincke further emphasizes the interrelation of denotation and connotation by stating that a language often has regional, social, and stylistic distinct words which have the same denotation.

Meaning as function

What is known as “the functional approach to meaning” or “the theory of meaning as use” has played an important role in the theory of language, usually regarded as “complementary” with the referential approach. The most widely recognized theories of use are those of Wittgenstein (1953), psychologist Skinner (1957) and Bloomfield (1933).

According to the functional approach “the meaning of the word is its functioning in use”. This is in conformity with the principle that the meaning a linguistic unit must be observed in relation with other linguistic units and not in its relation with the concept or reference. The functional approach is therefore helpful in defining the meanings of words in different contexts. This is in line with the contextual definition of synonyms, which considers context as essential for analyzing synonymy be-

cause polysemantic words do not usually establish synonymous relations with other words in all of their meanings (except for the case of “perfect” synonymy).

What would make the functional approach to meaning debatable is the fact that the number of situations in which linguistic forms can be used are numerous or as Bloomfield states “the number of different situations in which language is used is endless.”

Ullman clearly expresses the “consensual” way of combining both approaches by comparing the relation between them to that between language and discourse: the functional theory deals with meaning in discourse whereas the referential one deals with meaning in language and “neither of them is complete without the other”.

Componential analysis

The relation of synonymy is usually characterized by both similarity and contrast between the members of the synonymic set. One of the ways to recognize the components of meaning, which are essential for synonymy and other lexical relations, is the componential analysis. It defines the meaning of the word as a group of elements of meaning which are mostly theoretical and are used to describe the semantic relations between lexical units of a particular language.

The table of Reimer gives a clear picture of the componential analysis:

	with support	with legs	for one person	to sit	with arms	solid
chair	+	+	+	+	-	+
armchair	+	+	+	+	+	+
stool	-	+	+	+	-	+
sofa	+	+	-	+	+	+

What we get is a description of the semantic field of furniture words based on the presence or absence of a number of features regarded as “conceptual units which make up the meanings of linguistic expressions”

However, it has to be highlighted that componential analysis alone could not serve as a criterion for defining the synonymy relation as it would be difficult to analyze the great number of words in a natural language. Moreover, there are words which share most of their semantic features but they cannot be considered synonyms. For example, the words

armchair and *sofa* in the table above share all semantic components except for one and yet they cannot be considered synonyms.

Conclusions

Meaning remains an important aspect of the theory of language as it is complex in nature and poses numerous problems in terms of definition or analysis. Although various approaches can be applied to define it, we can conclude that a combination of them is the best way to “give meaning to meaning”. Moreover, the study of meaning is vital for providing a complete definition of synonymy. Synonyms may denote or refer to something, they may perform a certain function in a given context and they may also convey various connotations.

Bibliography

1. Campbell, K. Joseph, O'Rourke, Michael, Shier, David, Meaning and Truth, Investigation in Philosophical Semantics, Seven Bridges Press, LLC, 2002.
2. Kreidler, W. Charles, Introducing English Semantics, Routledge, 1998, pg. 42
Semantics, Seven Bridges Press, LLC, 2002.
3. Reimer, Nick, Introducing Semantics, Cambridge University press, 2010, pg. 40
4. Rrokaj, Shezai, Hyrje në Gjuhësinë e Përgjithshme, SHBLU, Tiranë, 2000, pg. 110
5. Ullmann, Stephen, Semantics. An introduction to the Science of Meaning, Basil Blackwell, Oxford, 1967.
6. Yule, George, The Study of Language, Cambridge University Press, 2006.

**КОНЦЕПТЫ «БОГ», «ДЬЯВОЛ», «НЕБО», «ДУША»
В РЕЛИГИОЗНОЙ КАРТИНЕ МИРА**

А. Г. Нуруллина

В статье обзорно представлены результаты анализа концептов «Бог», «Небо», «Дьявол», «Душа», передаваемые посредством фразеологических единиц. Так же рассматривается религиозная картина мира, символические обозначения, которые являются ключевыми пунктами в современной культуре.

Ключевые слова: концепт, лингвокультура, мировоззрение, символ.

Религиозная картина мира (КМ) отражает ценностные ориентации человека, которыми он руководствуется на протяжении всей своей жизни. Религиозная картина мира любой нации отражается в языковом сознании представителей нации, которые имеют свое мировоззрение. Для моделирования религиозной КМ любого этноса надежным источником могут служить фразеологические единицы (ФЕ).

В своем исследовании мы придерживаемся следующего определения религии: религия «(от лат. religio – благочестие, набожность, святость) – мировоззрение, мироощущение, а также сопряженное с ними поведение людей, определяемое верой в существование сверхъестественной сферы, артикулируемой в зрелых формах религии в качестве Бога, божества» [12. С. 857]. Библия и Коран в христианской и мусульманской культурах являются источниками религиозных представлений о Боге, дьяволе, ангелах и других реалиях религиозного сознания. В рамках исследования данные понятия обозначим термином «религиозные концепты». Вслед за Л. Л. Григорьевой выделяем следующие религиозные концепты в английском, русском, татарском языках: концепт «Бог», концепт «Черт/Дьявол», концепт «Рай», концепт «Ад», концепт «Душа», концепт «Небо», концепт «Ангел», концепт «Грех» [1]. Будучи ключевыми символами национальной лингвокультуры, данные концепты отражают важнейшие категории и установки жизненной философии многих народов, в частности английского, русского, и татарского.

Многочисленные исследования в рамках когнитивной лингвистики подтверждают, что концепт, определяемый как единица картины мира, квант знания, является комплексной единицей, которая в процессе мыслительной деятельности актуализирует разные признаки и слои [4. С. 90].

Согласно В. В. Колесову, структура концепта культуры четырехкомпонентная. В. В. Колесов подчеркивает наличие в структуре концепта символического компонента, который радикально отличается и от понятия и от образа [3]. В. В. Колесов не выделяет ценностный компонент как таковой, рассматривая все четыре компонента по отношению к исходному значению слова, однако говорит о «культурном концепте». «Культурный концепт в современном его виде ... создан исторически путем мысленного наведения на резкость понятийного объема (денотат через понятие) и содержания (сигнификат через образ и символ)» [3. С. 36]. Автор также подчеркивает, что символ как «идейная образность», как образ, прошедший через понятие и сосредоточенный на типичных признаках культуры, как знак знака находится в центре внимания современных исследователей [3]. Д. С. Лихачев отмечал, что концепт «возникает непосредственно не из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным народным опытом. Потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека». Отсюда, далеко не каждое слово данного языка будет концептом, а только слово впитавшее в себя «дух народа» [6. С. 281].

Так **концепт «Бог»** в татарском языке «Аллах» является одним из центральных концептов во фразеологии исследуемых языков. «Бог» имеет следующие синонимы: *рус. Творец, Всевышний, Всесильный, Всемогущий, Вседержитель, Господь, Предвечный, Суций, Сын Милосердный, Милостивый; в английском языке: Sovereign Lord (букв. Верховный Господь), the Almighty (букв. Всемогущий), Lord (букв. Господь), Maker (букв. Создатель).*

С точки зрения этимологии Бог – от ст.-слав. *богъ*, родственного санскритскому *bhaga* («одаряющий, наделяющий»), в свою очередь происходящему от древнеиндийского *bhagas* – «достояние», «счастье», «господин», «богатство» [15. С. 247].

God – от протогерм. *ghutan*, который заимствован из протоиндоевропейского *ghut* – «к которому взывают, обращаются с молитвой» [16].

Анализ словаря пословиц и поговорок В. И. Даля позволил выделить следующие компоненты слова «Бог»:

1) «Творец мира, людей, животных»: верховное всемогущее существо, существо сотворившее мир *Творец* и *Промыслитель вселенной*; *Раб Божий*; *on God's earth*.

2) «Лицо»: Бог определяется в словарях как личность, во фразеологизмах репрезентируется как *Отец*, *Господь*, *Судья*;

3) «Стоящий над всеми»: *Всевышний*, *Вседержитель*.

4) «Хранитель, берегущий от несчастий»: *Храни тебя (вас) Бог*, *God bless you* (букв. Бог благословит тебя); *Алла сакласын*.

Тема зла существенна для всякого мировоззрения. Синонимы у **концепта «Дьявол/Черт»**: *Сатана*, *Люцифер*, *Вельзевул*, *черт*, *бес*, *злой дух нечистая /темная,/ черная сила* в русском языке; *devil*, *Satan*, *Prince of darkness*, *fallen angel*, *Minister of hell* в английском языке; *шайтан*, *ибليس*, *жен* в татарском. Появлению широкого синонимического ряда способствовала многовековая история дьявола и многогранность его образа и в ряде случаев могут заменять друг друга: *Как черта /беса/ ни крести, а он все кричит: «пусти»*; *Дьявол /черт/ сатана/ гордился, да с неба свалился*; *Дьявол /черт/ стар, да празднества ему нет*.

Этимологический анализ подтверждает, что общеславянское слово *черт* восходит, вероятно, к праславян. *čьrt* «проклятый», в славянской мифологии злой дух, а *дьявол* – заимствовано из старославянского *диаволь*, *дияволь*, который является переоформлением греч. *diabolos* [8. С. 207]. Также важно отметить, что в языческую эпоху это слово означало всего лишь «клеветник», а значение «сатана», «враг рода человеческого» появилось на заре христианства [15].

В толковых словарях дьявол определяется следующим образом: *the spirit of evil*, *wicked spirit* [18. Р. 239] [дух зла, злобный дух]; *the most powerful evil spirit* [17. Р. 213]. Одной из функций определенного артикля, как отмечается в грамматических справочниках, является функция указания на уникальные предметы или сущности, единственные в своем роде [19. С. 144; 13. С. 185].

Т. Ю. Передриенко указывает, что еще одним средством, показывающим уникальность дьявола, является использование в его определениях прилагательного в форме превосходной степени сравнения («*the most powerful*»). Превосходная степень сравнения прилагательного, определяющего дьявола так же, как и определенный артикль, делает его уникальным. Кроме этого, необходимо отметить, что ни в одном определении не встречается формы множественного числа у лексических единиц, называющих концепт «*Devil*» [9. С. 125]. В ра-

боте О. В. Елисеевой «Дьявол» символизируется, как силы, тревожащие, ослабляющие сознание и подталкивающие к неопределенности; злой человек, чье падение до внешнего вида животного символизирует падение разума; беспорядок, разногласия и распад; психологическое рабство, которое преследует человека, слепо доверяющего инстинктам; половое влечение; синтез разобщающих сил личности (от греч. *diabol* – разделитель, сеятель раздора), подчинение злу [2].

Концепт черт переполнен смыслами и в качестве имен выступают *рогатый, хвостатый, нечистый* и многие другие отражающие его внешние характеристики [11. С. 861].

В. М. Мокиенко утверждает, что обычно черт представляется как лохматое и волосатое существо. Такой персонаж, как черт навеян в церковной европейской традиции рогами, козлиной бородой, ногами с копытами. На древнерусских миниатюрах он изображается как человекообразное существо, с вытянутой шишкой головой и часто лысое либо с торчащим шишкой длинными волосами, голое, с «непричесанными» за спиной крыльями и гусиными пятками [7. С. 148].

Самым древним из существ, представляющих оппозицию Богу, является бес. Словом бесы восточные славяне называли природных и домашних духов роль, которых в жизни людей была как положительной, так и отрицательной. С принятием христианства, как отмечает С. А. Питина, бесы получили резко отрицательный смысл и стали обозначать только злых духов [10. С. 58]. Ю. С. Степанов выделяет различия между лексемой «черт» и «бес». Черт является «народным персонажем», а бес – «это тот же персонаж, но в другом стиле, в стиле церковной письменной культуры. Этим словом в древнерусских памятниках переводится греческое «демон», «нечистый дух» [11. С. 865]. В исследовании О. В. Елисеевой дается процентное соотношение по ценностному компоненту: у 56 % людей «Черт» вызывает отрицательные чувства, эмоции (fear / страх, bad / несчастье, evil / зло, disgust / омерзение); у 29 % нейтральные, смешанные чувства и эмоции (их отсутствие); и наконец у 15 %. Людей вызывает положительные эмоции, чувства (active exciting life / активная интересная жизнь, modern life / современная жизнь, interest / интерес) [2].

Ю. С. Степанов анализируя концепт «дьявол» в религиозных культурах предложил следующую классификацию:

1. У верховного божества (это Зевс в античной Греции, Господь Бог в христианстве) есть антагонист, такой же сильный и мощный,

как и он сам; борьба Сатаны и Бога является вечной всемирной трагедией. Начало прослеживается у Гесиода, Эсхила; его эволюция наблюдается у Байрона и Лермонтова.

2. Далее снижаясь в бытовой план, этот образ начинает служить теме общения человека с Сатаной, что находит отражения в произведениях Гете, Булгакова.

3. Параллельно с конца Средневековья создается новый образ – «мелкий бес», ничтожный, отвратительный, и вместе с тем смешной и забавный. Одно из первых проявлений этого образа присутствует в новелле Макиавелли «Об архидьяволе Бельфегре», а позднее у испанца Луиса Велеса де Гевара в плутовском романе «Хромовой бес».

4. Антихрист в русских памятниках впервые упомянут в Повести временных лет 1074г. В XIX в. этот образ- концепт возникает в «Легенде о Великом инквизиторе», в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского [11. С. 866-867].

В христианской и мусульманской культурах Бог обитает на небе. Согласно религиозным представлениям **концепт «небо»** рассматривается как символ нравственной и моральной чистоты, а земля при этом – вместилище грехов и пороков. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой указывается 2 значения слова «небо». Во-первых, это все видимое над землей пространство. Во-вторых, обитель Бога, богов [14. С. 401].

Как указывает Л. Л. Григорьева, «в английском языке каждая дефиниция «неба» имеет свою словесную оболочку. Для обозначения неба в первом значении употребляется лексическая единица «sky», а во втором – “heaven”. Лексическая единица легла в английском языке в основу фразеологии, отражающей религиозные взгляды о небе как обиталище Бога» [1. С. 56].

– **Между небом и землей** (*to be caught between two tools; to be in no man's land*);

– **Рай земной** (*heaven on earth*);

– **Как гром среди ясного неба** (*like a bolt from the blue*).

По учению Священного Писания, человек состоит из двух совершенно различных начал: тела и души. В религиозных представлениях душа считается сущностью жизни, она не зависит от тела и управляет им. Душа есть начало жизни и сознания.

И. В. Лапина исследовала **концепт «душа»** в Библии, сопоставляя его с категорией одушевленности в современном русском языке, и отметила, что русская языковая картина мира соответствует би-

блейским представлениям о живом, одушевленном [5. С. 117–120].

Согласно словарю русского языка С. И. Ожегова первое значение «души»: «внутренний, психический мир человека, его сознание». К данному понятию относятся чувства, эмоции и переживания человека, а также некоторые характеристики поведения: *душа радуется, душа в пятки ушла, предан душой и телом кому-нибудь*. Вторым следует значение: «То или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами»: *Добрая душа, низкая душа*. Третье значение «души»: В религиозных представлениях: сверхъестественное, нематериальное бессмертное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти. *Бессмертная душа, думать о спасении души, души умерших*. Далее следуют: Вдохновитель чего-нибудь, главное лицо. *Душа всего дела. душа общества*; О человеке (обычно в устойчивых сочетаниях): *В доме ни души. Живой души нет (никого нет; разг.; в царской России: крепостной крестьянин, а также вообще человек, относящийся к податному сословию. Ревизская душа, мертвые души (умершие крепостные, также перен.: о людях, фиктивно числящихся где-нибудь)*.

Л. Л. Григорьева в своем исследовании отмечает, что «в различных толковых словарях русского языка очень часто «душа» отождествляется с «духом». Английский же язык четко разделяет данные термины: английское слово «soul» употребляется для обозначения души, а слово «spirit» – для обозначения духа [1. С. 66].

Исследователь Ю.С. Степанов рассматривает различия между концептами «душа» и «дух». Он подчеркивает, что представление души четко концептуализировано в христианстве, когда под «духом» подразумевается высшая способность души, посредством которой человек входит в общение с Богом [11. С. 720]. Именно в понятии «душа» представляется как способ к контакту с Богом при помощи духа, как о «сверхъестественное, нематериальное бессмертное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти» [14. С. 183].

В религиозном восприятии «душа» является своеобразным каналом, который обеспечивает связь человека с высшим божественным началом:

– **Болезнь души (сердцем)** 1) Испытывать тревогу, волноваться, страдать. *Be sick at heart; be anxious (uneasy)*

2) за кого, за что, о ком, о чём. Беспokoиться, переживать за кого-либо, испытывать тревогу за что-либо. *Worry about someone smth.to heart;*

– **Брать (взять) за душу (за сердце)** *разг.* Сильно, глубоко волновать, вызывая какое-либо чувство *Tug at one's heartstrings; pluck one by the heartstrings; come (go) home to one's heart; touch (move) one deeply; grip one's heart.*

– **Вкладывать (вложить) душу во что.** Целиком отдаваться чему-либо, делать что-либо с вдохновением, любовью *Put one's whole soul into smth.; put one's heart into smth.; put much spirit into smth.; go with all one's heart and soul into smth.*

Таким образом, можем сделать вывод о том что в религиозной концептосфере Бог – это прежде всего справедливое и доброе начало, несущее свет и святость, безгрешную жизнь. Традиционно, дьявол остается воплощением зла, что подтверждается преобладанием негативных эмоций во всех исследуемых языках. Концепт «душа» является ключевым для раскрытия и понимания представлений о широте, богатстве и различных проявлениях внутреннего мира человека в той или иной культуре. Можно утверждать, что концепт «небо» отражает религиозные представления о небе как обиталище Бога.

Список литературы

1. Григорьева, Л. Л. Фразеологическая репрезентация религиозного мира человека (на материале русского, английского и арабского языков) : дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Л. Л. Григорьева. – Казань, 2009. – 180 с.
2. Елисеева, О. В. Когнитивный аспект символического компонента в структуре концептов «Бог» и «Дьявол» в русской, французской и английской лингвокультурах : дисс. ... канд. фил. наук [Текст] / О. В. Елисеева. – Ульяновск, 2008. – 151 с.
3. Колесов, В. В. Концепт культуры: образ – понятие – символ [Текст] / В. В. Колесов // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 1992. – Сер. 2. – Вып. 3 (№16). – С. 30–40.

List of Literature

1. Grigor'eva, L. L. Frazеologicheskaja reprezentacija religioznogo mira cheloveka (na materiale russkogo, anglijskogo i arabskogo jazykov) : diss. ... kand. filol. nauk [Tekst] / L. L. Grigor'eva. – Kazan', 2009. – 180 s.
2. Eliseeva, O. V. Kognitivnyj aspekt simvolicheskogo komponenta v strukture konceptov «Bog» i «D'javol» v russkoj, francuzskoj i anglijskoj lingvokul'turah : diss. ... kand. fil. nauk [Tekst] / O. V. Eliseeva. – Ul'janovsk, 2008. – 151 s.
3. Kolesov, V. V. Koncept kul'tury: obraz – ponjatie – simvol [Tekst] / V. V. Kolesov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universitete. – 1992. – Ser. 2. – Vyp. 3 (№16). – S. 30–40.

4. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М., 1996. – 248 с.
5. Лапина, И. В. Концепт «душа» в Библии и категория одушевленности в русской языковой картине мира [Текст] / И. В. Лапина // *Mentalitat / Konzert. Gender / Hrsg. Von E.A. Pimenov; M.V. Pimenova.* – Landau, 2000. – P. 117–120.
6. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка // *Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология.* – М. : Academia, 1997. – С. 280–288.
7. Мокиенко, В. М. Загадки русской фразеологии [Текст] / В.М. Мокиенко. – М. : Высш. Шк., 1990. – 160 с.
8. Орлова, Н.М. Книга книг. Филологический комментарий библейских текстов [Текст] / Н. М. Орлова, М. В. Черепанов. – Саратов : Науч. кн., 2006. – 380 с.
9. Передриенко, Т. Ю. Концепты «Бог» и «Дьявол» в русской и английской лингвокультурах. На материале паремий и афоризмов : дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Т. Ю. Передриенко. – Челябинск : РГБ, 2006. – 193 с.
10. Питина, С. А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира [Текст] / С. А. Питина. – Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2002 – 191с.
4. Kubrjakova, E. S. *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov* [Tekst] / E. S. Kubrjakova, V. Z. Dem'jankov, Ju. G. Pankrac, L. G. Luzina. – M., 1996. – 248 s.
5. Lapina, I. V. *Koncept «dusha» v Biblii i kategorija odushevlennosti v russkojazykovoj kartine mira* [Tekst] / I. V. Lapina // *Mentalitat / Konzert. Gender / Hrsg. Von E.A. Pimenov; M.V. Pimenova.* – Landau, 2000. – P. 117–120.
6. Lihachev, D. S. *Konceptosfera russkogo jazyka // Russkaja slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: antologija.* – M. : Academia, 1997. – S. 280–288.
7. Mokienko, V. M. *Zagadki russkoj frazeologii* [Tekst] / V.M. Mokienko. – M. : Vyssh. Shk., 1990. – 160 s.
8. Orlova, N.M. *Kniga knig. Filologicheskij kommentarij biblejskih tekstov* [Tekst] / N. M. Orlova, M. V. Cherepanov. – Saratov : Nauch. kn., 2006. – 380 s.
9. Peredrienko, T. Ju. *Koncepty «Bog» i «D'javal» v russkoj i anglijskoj lingvokul'turah. Na material'e paremij i aforizmov : diss. ... kand. filol. nauk* [Tekst] / T. Ju. Peredrienko. – Cheljabinsk : RGB, 2006. – 193 s.
10. Pitina, S. A. *Koncepty mifologicheskogo myshlenija kak sostavljajuwaja konceptosfery nacional'noj kartiny mira* [Tekst] / S. A. Pitina. – Cheljabinsk : Izd-vo ChelGU, 2002 – 191s.

11. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры [Текст] / Ю. С. Степанов. – М. : Академ. проект, 2001. – 990 с.
12. Всемирная энциклопедия: философия. – М. : АСТ, 2001. – 1312 с.
13. Дроздова, Т. Ю., Берестова А.И., Маилова В.Г. English Grammar: Reference and Practice [Текст] / Т. Ю. Дроздова, А. И. Берестова, В. Г. Маилова. – СПб. : Антология, 2004. – 400 с.
14. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
15. Этимологический словарь русского языка [Текст] / Под ред. Н.Н. Шанского. – М. : Изд-во МГУ, 1972. – 647 с.
16. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – www.etymology.com
17. Coubild: Collins Essential English Dictionary [Текст]. – London and Glasgow: Collins, 1988. – 948 p.
18. OAD: Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English [Текст] / A. S. Hornby. – Oxford University Press, 1974. – 1055 p.
19. Murphy, R. English grammar in USE [Текст] / R. Murphy. – Cambridge : Cambridge University Press, 1988. – 328 p.
11. Stepanov, Ju. S. Konstanty: slovar' russkoj kul'tury [Tekst] / Ju. S. Stepanov. – M. : Akadem. proekt, 2001. – 990 s.
12. Vsemirnaja jenciklopedija: filosofija. – M. : AST, 2001. – 1312 s.
13. Drozdova, T. Ju., Berestova A.I., Mailova V.G. English Grammar: Reference and Practice [Tekst] / T. Ju. Drozdova, A. I. Berestova, V. G. Mailova. – SPb. : Antologija, 2004. – 400 s.
14. Ozhegov, S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Tekst] / S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova. – M. : Azbukovnik, 1999. – 944 s.
15. Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka [Tekst] / Pod red. N.N. Shanskogo. – M. : Izd-vo MGU, 1972. – 647 s.
16. Online Etymology Dictionary [Jelektronnyj resurs]. – www.etymology.com
17. Coubild: Collins Essential English Dictionary [Tekst]. – London and Glasgow: Collins, 1988. – 948 p.
18. OAD: Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English [Tekst] / A. S. Hornby. – Oxford University Press, 1974. – 1055 p.
19. Murphy, R. English grammar in USE [Tekst] / R. Murphy. – Cambridge : Cambridge University Press, 1988. – 328 p.

**НЕЧЛЕНИМЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ
КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ
И ЭМОТИВНОСТИ**

Т. В. Шумило

Статья посвящена анализу употребления эмотивных высказываний в русской речи. Автор разграничивает такие понятия как «эмоциональность» и «эмотивность». Нечленимые высказывания – специализированные эмотивы, которые способны окрасить любое высказывание в соответствующие эмоциональные тона. В статье утверждается, что обилие эмотивных нечленимых высказываний в русском языке свидетельствует об эмоциональности, экспрессивности русской речи.

Ключевые слова: эмоции, эмоциональность, эмотивность, нечленимые высказывания, экспрессивность, речь.

Изучению эмоций, их дескрипции и номинации в языке посвящено много исследований. Эмоции не только делают жизнь ярче, но и регулируют взаимоотношения людей друг с другом и предметным миром, позволяют адаптироваться в этом взаимодействии. Объективно существующая действительность отражается в человеческом сознании, будучи пропущенной через эмоциональное «сито» [1. С. 15]. В общении важно уметь правильно интерпретировать те или иные проявления эмоций, что сделать не просто, поскольку связь между проявлением эмоций и чувствами, испытываемыми при этом, не всегда прямая и однозначная. «Выступая в качестве компонента семантической структуры лингвистических единиц, эмоциональное включается в языковое содержание. Язык в своей коммуникативной функции есть средство не только для обмена мыслями, но и для выражения эмоций говорящего» [2. С. 82].

Несмотря на все попытки систематизированного описания единиц языка, выражающих или называющих эмоции, лингвисты вкладывают в это понятие весьма разнообразные смыслы. С одной стороны, эти смыслы обусловлены научной парадигмой, в рамках которой проводится исследование, а с другой стороны – сложностью и противоречивостью самого исследуемого феномена. Согласно В.И.

Шаховскому, «любая языковая личность знает, что такое эмоция, но ее научная дефиниция еще никому не удалась из-за расплывчатости самого концепта, принадлежащего ряду смежных с лингвистической наук» [2. С. 83].

Чтобы изучить особенности проявления эмоций в русской речи, необходимо, в первую очередь, различить такие понятия, как *эмоциональность* и *эмотивность*. Так, Т.В. Ларина предлагает следующее определение данных терминов: «*эмоциональность* – инстинктивное, бессознательное, незапланированное проявление эмоций, являющееся психофизиологической потребностью человека; *эмотивность* – сознательная, запланированная демонстрация эмоций, имеющая определенную коммуникативную установку» [3. С. 152]. Другими словами, эмоциональность сфокусирована в большей степени на субъекте (эмоции для себя), а эмотивность направлена на объект (эмоции для других).

Подобные различия в проявлении эмоций позволяют выделить два типа коммуникаций – эмотивную и эмоциональную. «*Эмоциональная коммуникация* – это спонтанная, незапланированная, естественная демонстрация эмоций говорящего, как проявление его эмоциональных внутренних состояний, необязательно учитывающая реакцию собеседника или окружающих. *Эмотивная коммуникация* – это сознательная, контролируемая демонстрация эмоций, которая ориентирована на собеседника и используется говорящим в стратегических целях: воздействие на окружающих, демонстрация лояльности, доброжелательности, предупреждение возможного конфликта, т.е. она выполняет социальную функцию» [3. С. 154].

Отсюда можно сделать вывод, что эмотивными будут высказывания, доминирующей иллокутивной силой которых является намерение говорящего «выразить свое эмоциональное состояние или эмоциональное отношение к определенному положению дел во внеязыковой действительности, к самому себе, собеседнику или лицу, не участвующему в акте коммуникации» [4. С. 40], например: *Что за вздор!*

Нечленимые высказывания можно считать специализированными эмотивами. Нечленимое высказывание (далее НВ) – это коммуникативная единица синтаксиса, представляющая собой слово или сочетание слов, выражающая определенное непонятное содержание, служащее реакцией на различного рода факты объективной действительности и выполняющая в языке прагматические функции

[5. С. 8], способная “функционировать в качестве эквивалента предложения, модального компонента предложения, члена предложения” [6. С. 735]. Большинство НВ являются полифункциональными, причем их полифункциональность – явление специфичное. Одно и то же НВ в различных ситуациях может выражать эмоции противоположные по значению, например:

1) – *А, испугалась!* – *Сашка вдруг весело захохотал, довольный, что подурочил Варьку* (Е. Носов. *Варька*)

2) *Анна Петровна. А! Да гори все прахом – ничего мне не нужно, коли уж дочь родная об моем горе и подумать не хочет. Живи, как знаешь, Бог с тобой!* (А. Островский. *Бедная невеста*)

В первом примере НВ «А» выражает радость, удовлетворение от удачного розыгрыша, тогда как во втором случае оно свидетельствует о гневе, негодовании, крайней степени раздражения с оттенком печали и разочарования.

Как высказывания, обладающие высокой степенью экспрессивности, НВ способны окрасить нейтральное высказывание в соответствующие эмоциональные тона:

Лыняев. Ах, Боже мой! Не подписывайте вы ничего, не посоветовавшись со мной! Что вы подписали?

Кулавина. Не бойтесь! Что я подписала, там ничего не было.

Лыняев. Да почему вы знаете, что ничего не было?

Кулавина. Вот мило! У меня глаза есть.

Лыняев. Да что вы с вашими глазами разберете! Тут надо быть юристом. (А. Островский. *Волки и овцы*)

НВ *Ах, Боже мой!* свидетельствует о досаде, осуждении, негодовании. Оно как бы подчеркивает, что героиня уже порядком поднадоела своими глупыми, необдуманными решениями, что подобное происходит уже не в первый раз. В свою очередь, НВ *Вот мило!* указывает на раздражение, гнев. Героиня недовольна такой низкой оценкой своих способностей со стороны собеседника.

Эмоции представляют собой субъективные психологические состояния говорящего, его реакции на события, участников коммуникации, их поведение, объекты, возникающие в результате воздействия обстоятельств объективной действительности, лингвистических и экстралингвистических факторов. Выделяют базовые эмоции, т.е. максимально простые, далее не разложимые на какие-либо компоненты [6. С. 53]. “Базовые” эмоции обычно используются “в

качестве некоторой системы отсчета для более маргинальных эмоций” [7. С. 54].

Материалом для исследования послужили НВ русского языка, извлеченные методом сплошной выборки из текстов классической и современной художественной литературы, толковых и фразеологических словарей русского языка. При этом было выявлено 450 эмотивных НВ. Общее количество примеров употребления эмотивных НВ превышает 1500 единиц.

Основываясь на классификацию, предложенную К.Э. Изардом, все эмотивные НВ можно разделить на следующие группы: 1) НВ, выражающие удовольствие и радость; 2) НВ, выражающие удивление; 3) НВ, выражающие горе и печаль; 4) НВ, выражающие гнев и ярость; 5) НВ, выражающие отвращение и презрение; 6) НВ, выражающие страх и ужас; 7) НВ, выражающие смущение и застенчивость; 8) НВ, выражающие стыд и унижение. Ниже в таблице 1 представлено количественное и процентное соотношение эмотивных НВ.

Табл. 1.

Эмоция	Эмотивные НВ (450)	
	абсолютное соотношение	относительное соотношение (%)
Радость	95	21
Удивление	86	20
Печаль, горе	52	11
Гнев	120	26
Отвращение, презрение	50	12
Страх, ужас	21	5
Смущение	16	3
Стыд, унижение	10	2

3.1. НВ, выражающие радость и удовольствие

Коммуникативная цель эмотивного речевого акта, выражающего радость, – дать положительную оценку действию либо предмету, похвалить, восхититься чем-либо, позлорадствовать. В рамках данной группы могут функционировать НВ со значением:

а) радости, восторга, ликования: *Штука!; Вот так ну!; Боже мой!; Вот оно!; Балдеж!; Ваще!* и т.д.:

Оба глядельщика, настегивая лошадеенок, неслись вскачь, орали:
– Попало, попало, **ядрена бабушка!** В самую крышу брякнуло!

– **Здорово!** – восхищался Пугачев. (А. Лесков. Емельян Пугачев)

Высказывания «**Ярена бабушка!**», «**Здорово!**» выражают восхищение, восторг. Это эмоциональное состояние подчеркивается во второй реплике глаголом «*восхищался*».

б) похвалы, одобрения: **Замечательно!**; **Важно!**; **Класс!**; **Отлично!**; **Вот это здорово!** и т.п., например:

– **Славно! Славная работа!** – сказал преосвященный, разглядывая дверь и окна. (Н.Гоголь. Ночь перед рождеством).

Высказывания «**Славно!**», «**Славная работа!**» выражают одобрение, похвалу с коннотациями радости и восхищения. Одобрение подчеркивается при помощи распространения семантики первого высказывания в последующем, фактически повтора лексемы из предыдущего предложения

в) злорадства: **Елкина мать!**; **Едрена зелена!**; **Ой!**; **Ха!** и пр.

Вдалеке выплясывал Колька Лысков, кривлялся, кричал весело:

– **Ой, Санька, умяли тебя! Ой, Санька, встречу испортили! А как было хорошо встретились!** (В.Гендряков. Весенние перевертыши)

Злорадство выражается в данном случае при помощи использования нескольких отрывочных высказываний, каждое из которых произносится с восклицанием. НВ «**Ой**», употребляемое в начале реплик, подчеркивает радость говорящего от неудачи друга. В данном примере хорошо видно, насколько зависимы от контекста НВ, особенно это касается НВ междометного типа.

3.2. НВ, выражающие удивление

К. Э. Изард в своей книге «Психология эмоций» утверждает, что «удивление нельзя назвать эмоцией в собственном смысле этого слова, ибо оно не обладает тем набором характеристик, которые присущи таким эмоциям, как радость или печаль» [7. С. 151]. Коммуникативная цель эмотивного речевого акта, выражающего удивление, – продемонстрировать неожиданность какого-либо события или высказывания. В рамках данной группы выделяются НВ со значением:

а) приятного удивления: **Эге-ге!**, **Вот так штука!**, **Вот как!**, **Ишь, ты!**, **Е-мое** и т.д.

– **Е-мое**, – говорил он себе негромко, изумленный, – да она просто красавица! Просто зоренька ясная. Колобок просто. (В.Шукшин. Калина красная)

НВ «**Е-мое**» выражает изумление с оттенком восхищения, любования. Однако данное высказывание для полноценной передачи эмоции удивления требует подкрепления иными текстовыми средствами: его значение усилено с помощью семантики слова «*изумленный*», используемого в авторской ремарке. Высказывание «**Е-мое**» в данной конкретной ситуации общения может означать «*как я раньше не замечал, какая она красавица*».

б) неприятного удивления: **Что за черт!; Вот так фунт!; Фу, ты, право!; Мать ты моя!; Вот те и на!; Во! Дела!** и пр.

У самых ног что-то запищало...

– **Вот так фунт!** Ребенок... – в недоумении прошептал он, поднося находку к своему носу. (М.Горький. *Как поймали Семагу*)

Замешательство, недоумение отражается в данной реплике при помощи НВ со значением удивления «**Вот так фунт!**» и незаконченного предложения «*Ребенок...*». В реплике «**Вот так фунт!**», построенной как восклицание, может заключаться следующее значение «*Откуда здесь этот ребенок?*». Показательно также содержание авторской ремарки «*в недоумении прошептал*», которая подчеркивает неожиданность ситуации.

3.3. НВ, выражающие горе, печаль

Исходя из исследованного материала, можно говорить о следующих причинах проявления эмоции печали: разлука либо смерть, разочарование, неудача, какие-то неприятные воспоминания, депрессия. В этой группе встречаются НВ со значением:

а) печали, горя, депрессии: **Вот так раз!; Вот так штука!; Ой, ма-а-ма!; Ох!; Эх ты, оказия!; Ахти!** и пр.

– **Батя! Батюшка!... Ой, ма-а-ма!** Гриша наш!... **Ох! Ох!** Гришу... убили! (М.Шолохов. *Тихий Дон*)

НВ «**Ой, ма-а-ма!**» и «**Ох!**», употребляемые дважды в пределах одной реплики, подчеркивают и усиливают свое значение – горя, печали. Повтор НВ, как и достаточно большое количество кратких восклицательных предложений, свидетельствует о глубоком эмоциональном потрясении говорящего.

б) неудачи, разочарования: **Эх, елки-зеленые!; Черт!; Эх ты!; Хреновина!; Господи!** и т.п.

– **Эх, ёлки-зеленые!** Провалили дело, – сказал он. – *Через нашу неорганизованность провалили. Нешто иначе упустили бы этих подлецов?* (А.Адамов. *Последний «бизнес»*)

Негативное отношение, сожаление говорящего о случившемся выражается посредством НВ «**Эх, елки-зеленые**» и предложения «*Нешто иначе упустили бы этих подлецов?*» (= *Не упустили*) и подчеркивается семантикой лексемы «*подлецов*».

3.4. НВ, выражающие гнев и негодование

Гнев - одна из важнейших эмоций. И хотя гнев зачастую воспринимается как нежелательная реакция, и человек, как правило, стремится ее избежать, однако НВ, содержащие в себе гнев и негодование, составляют, по нашим данным, наибольшую группу из всех эмотивных НВ. Коммуникативная цель НВ, заключающих в себе значение гнева, негодования, состоит в желании собеседника показать свое неудовольствие, неприязнь, дать отрицательную оценку. Гнев, как любая эмоция, варьируется в своей интенсивности от ярости до легкого раздражения. Таким образом, в данной группе можно выделить НВ со следующими значениями:

а) ярости, гнева: **Едрена-зелена!**; **Ах ты!**; **Ах, так!**; **Да ну тебя к черту!**; **Тьфу!**; **Черт возьми!**; **Проклятье!** и т.п., например:

Павка, получив удар в грудь, совершенно вышел из себя.

– **Ах, так! Ну, получай!**– и коротким взмахом руки влетил Сухарько режущий удар в лицо (*Н.Островский. Как закалялась сталь*)

Значение НВ «**Ах, так!**» – ярость, гнев – усиливается ремаркой автора «совершенно вышел из себя». Это НВ служит реакцией говорящего на полученный удар в грудь и может означать «*Раз ты меня ударил, то сейчас тоже получишь*».

б) раздражения: **Ну, все-таки!**; **Мыслимое ли дело!**; **Фу ты пропасть какая!**; **Ай да ну!** и пр.

– *Дай-ка твою тетрадку... **Бог ты мой**, как наляпано! Почему у тебя на каждой строке клякса...? (А.Гайдар. Школа)*

Раздражение в полной мере проявляется здесь в использовании НВ «**Бог ты мой**», которая для более полной передачи эмоции раздражения требует усиления иными текстовыми средствами, в частности, лексемой «*наляпано*», свидетельствующей о негативной оценке проделанной работы.

3.5. НВ, выражающие отвращение и презрение

Стоит разграничивать две эти эмоции: отвращение и презрение. Исходной причиной отвращения может быть неприятный вкус, дурной запах или вид какого-либо объекта. В свою очередь, испытывая презрение к какому-то человеку, мы ощущаем в чем-то свое превос-

ходство над ним. Следовательно, все НВ, выражающие отвращение и презрение, можно разделить на подгруппы со значением:

а) отвращения: **Ах!**; **Эт!**; **Фу!**; **Бр-р-р!** и т.п., например:

– *Это невозможно видеть без содрогания! Я потом все вспоминал, и у меня по спине мурашки бегали. **Бр-р-р!*** (К.Федин. *Необыкновенное лето*)

НВ «**Бр-р-р!**», находящееся в постпозиции в данной реплике, является своеобразным эмоциональным центром фразы, поскольку в концентрированном виде выражает отвращение, гадливость. Высказывание «**Бр-р-р!**» в данной конкретной ситуации общения может трактоваться как «*Мне противно вспоминать об этом*».

б) презрения: **Чу-ушь!**; **Ба!**; **Хо-хо!**; **Муть!**; **Ф-фе!** и пр.:

Любовь: Научи нас работать.

*Иван: **Х-хе!** Работать! Что ты можешь? (Горький. *Последние*)*

НВ «**Х-хе!**» (= «*Чему вас можно научить!*»), заключающее в себе насмешку, издевку, иронию, и повтор «*Работать!*», а также последующий вопрос «*Что ты можешь?*» усиливают выражаемое значение презрения, пренебрежения.

3.6. НВ, выражающие страх, ужас

В исследованном материале встречаются проявления страха с различной интенсивностью. Коммуникативная цель НВ, выражающих страх, – показать неуверенность, незащищенность, невозможность контролировать ситуацию. В рамках данной группы могут функционировать НВ со значением:

а) ужаса, страха: **А!**; **Ай, мама!**; **О, Небо!**; **Свят, свят!** и т.д.:

А барышня, пассажирка, встала на цыпочки, растопырила пальцы, машет руками, точно лететь собралась, кричит:

*- **Ай, мама!***

*Ну, я обернулся и вижу – действительно 'мама!' Удав, понимаете, залез в парашют, огромный удав, метров в тридцать. (А. Некрасов. *Приключения капитана Врунгеля*)*

Значение НВ «**Ай, мама!**», выражающего сильнейший ужас, усиливается посредством восклицательной интонации, а также ремарки автора «*кричит*». Хотя без развернутого контекста было бы достаточно сложно понять, что хотела передать героиня, закричав «**Ай, мама!**», поскольку это высказывание, взятое в любом другом контексте, могло также выражать радость, удивление, припоминание и пр.

б) легкого испуга, тревоги: **И-и!; Кошмар!; Батюшки!** и пр.

– *Никак потеряли связь с отрядом!*

Оба матроса тревожно стали всматриваться вперед, но ночная тьма была непроницаема.

– **Вот, елки зеленые, беда какая!** – заволновался Серегин.

(А.Степанов. Порт-Артур)

НВ «**Вот, елки зеленые, беда какая!**» включает в себе значение тревоги, неуверенности из-за невозможности контролировать ситуацию, что подчеркивается ремаркой автора «заволновался» и восклицательной интонацией.

3.7. НВ, выражающие смущение

Коммуникативной задачей НВ со значением смущения является желание уклониться от каких-либо контактов, действий и т.д. [6, С. 269]. Эмоция смущения выражается следующими НВ: **Мама родная!; Ну и ну!; Ой!; История!** и т.д.

...она не отстранилась, он сжал крепче ее руку и поцеловал ее в губы.

– **Вот тебе раз!** – проговорила она и, быстрым движением вырвав свою руку, побежала прочь от него. (Л.Толстой. Воскресенье)

Смущение, растерянность, вызванные действиями персонажа, подчеркивается НВ «**Вот тебе раз!**», которое может означать «Я этого никак не ожидала и мне очень неловко, потому что он меня поцеловал». Показательно также содержание авторской ремарки: девушка прекращает общение: «побежала прочь от него», тем самым подчеркивая неловкость от сложившейся ситуации.

3.8. НВ, выражающие стыд

Данная группа эмотивных НВ является самой малочисленной из всех. В ее состав входят следующие НВ: **О-о-о!; Тьфу ты пропасть!; Батюшки мои!** и т.д. Стыд – это осознание собственной неумелости, непригодности или неадекватности в некой ситуации или при исполнении некоего задания, сопровождаемое негативным переживанием – огорчением, беспокойством или тревогой, чувством вины [8, С. 357].

‘Что я наделал, как мог я это сделать, – я, такой хороший и честный и никому не желавший зла, – о-о-о... как мог я это сделать!’ (А.Фадеев. Разгром)

НВ «**о-о-о**», а также повтор «*как мог я это сделать*» свидетельствуют о сильном переживании и сожалении о случившемся. В данном случае НВ, выраженное междометием «**о-о-о**», представляет собой спонтанную реакцию на ситуацию.

Обилие эмотивных НВ в русском языке свидетельствует об эмоциональности, экспрессивности русской речи. Так, по мнению А. Вержбицкой, одной из русских культурных ценностей является открытое неконтролируемое проявление эмоций [9, С. 121]. Русские являются людьми «экспрессивными и эмоционально живыми», их отличает «общая экспансивность, легкость в выражении чувств, импульсивность» [10, С. 34], что, в свою очередь, находит свое отражение в речи. Однако здесь стоит отметить, что НВ, особенно междометного типа, являясь единицами многозначными и полифункциональными, зависимы от контекста и требуют подкрепления другими текстовыми средствами.

Список литературы

1. Черничкина, Е. К. Эмоциональная корреляция в процессе межкультурной коммуникации [Текст] / Е.К. Черничкина // Вестник ВолГМУ. – 2006. – №2. – С. 13–16
2. Шаховский, В. И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты [Текст] / В.И. Шаховский. – Сб.: Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград: Волг. гос. пед. ун-т, 1996. – С. 80-96.
3. Ларина, Т. В. Фатические эмотивы и их роль в коммуникации [Текст] / Т. В. Ларина. – Эмоции в языке и речи: сб. научных статей // под ред. И. А. Шаронова. – М.: РГГУ, 2005. – С. 150-160.
4. Пиотровская, Л. А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования [Текст] / Л. А. Пиотровская. – СПб.: СПбГУ, 1994. – 146 с.
5. Меликян, В. Ю. Эмоционально-экспрессивные обороты живой

List of Literature

1. Chernichkina, E. K. Jemocional'naja korreljacija v processe mezhkul'turnoj kommunikacii [Tekst] / E.K. Chernichkina // Vestnik VolGMU. – 2006. – №2. – S. 13–16
2. Shahovskij, V. I. Jemocional'nye kul'turnye koncepty: paralleli i kontrasty [Tekst] / V.I. Shahovskij. – Sb.: Jazykovaja lichnost': kul'turnye koncepty. – Volgograd: Volg. gos. ped. un-t, 1996. – S. 80-96.
3. Larina, T. V. Fatcheskie jemotivy i ih rol' v kommunikacii [Tekst] / T. V. Larina. – Jemocii v jazyke i rechi: sb. nauchnyh statej // pod red. I. A. Sharonova. – M.: RGGU, 2005. – S. 150-160.
4. Piotrovskaja, L. A. Jemotivnye vyskazyvanija kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovanija [Tekst] / L. A. Piotrovskaja. – SPb.: SPbGU, 1994. – 146 s.
5. Melikjan, V. Ju. Jemocional'no-jekspressivnye oboroty zhivoj re-

- речи [Текст] / В. Ю. Меликян. – М. : Наука, Флинта, 2001. – 240 с.
6. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2 // под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – 464 с.
7. Изард, К. Э. Психология эмоций [Текст] / К. Э. Изард. – СПб. : Питер, 1999. – 464 с.
8. Краткий психологический словарь // под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – Ростов н/Д : Феникс, 1998. – 494 с.
9. Wierzbicka, A. Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality [Текст] / A. Wierzbicka. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – 432 p.
10. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая // под ред. М. А. Кронгауз. – М. : Рус. слов., 1997. – 411 с.
- chi [Tekst] / V. Ju. Melikjan. – M. : Nauka, Flinta, 2001. – 240 s.
6. Russkaja grammatika: v 2 t. T. 2 // pod red. N.Ju. Shvedovoj. – M.: Nauka, 1980. – 464 s.
7. Izard, K. Je. Psihologija jemocij [Tekst] / K. Je. Izard. – SPb. : Piter, 1999. – 464 s.
8. Kratkij psihologicheskij slovar' // pod red. A. V. Petrovskogo, M. G. Jaroshevskogo. – Rostov n/D : Feniks, 1998. – 494 s.
9. Wierzbicka, A. Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality [Tekst] / A. Wierzbicka. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – 432 p.
10. Vezhbickaja, A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie [Tekst] / A. Vezhbickaja // pod red. M. A. Krongauz. – M. : Rus. slov., 1997. – 411 s.

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

АКТУАЛИЗАЦИЯ ФРЕЙМА «WORK» В ДИСКУРСЕ АМЕРИКАНСКОГО ПРЕЗИДЕНТА

О. В. Валько, А. И. Тимофеева

Статья посвящена исследованию когнитивной семантики единиц, репрезентирующих фрейм «work». Структура фрейма фиксирует прототипическое значение и индивидуализирующие признаки и включает набор слотов. В центре внимания оказываются особенности актуализации фрейма на материале еженедельного обращения американского президента Б. Обамы к народу, которые позволяют выявить востребованность данного фрейма в дискурсе президента, низкую степень вариативности репрезентантов и устойчивую ассоциацию представления о работе с рабочим местом / должностью.

Ключевые слова: когнитивная семантика, фрейм, актуализация фрейма, прототип, прототипическое значение, дискурс

В отличие от концепта, структура которого описывается как «стохастическая (вероятностная)» [5. С. 53], «относительно упорядоченная» [6. С. 34], не жёстко структурированная, имеющая «размытые края своего содержания» [1. С. 188] и т.д., фреймы – это уже определённые структуры, они структурируют опыт, представляя собой «концептуальные системы организации знаний» [2. С. 16], а также «средства организации опыта и инструменты познания» [7. С. 65]. Фрейм наглядно отражает концептосферу человеческой деятельности исследуемой предметной области, где «языковая модель мира не параллельна когнитивной и не тождественна ей, а встроена в нее в качестве подсистемы» [3. С. 96].

Для фрейма «**work**» прототипическое значение зафиксировано в семантике глагола *to work*, который является прототипом категории. Значение соотносит прототип категории с прототипом всех глагольных единиц *to do* и отражает обобщенное указание на осуществление некоторой деятельности: *to do, to perform, to execute, to produce*

(делать, выполнять, совершать, производить, изготавливать) (по данным словаря Merriam-Webster Dictionary), что характерно для всех представителей данного фрейма.

Вариантами реализации прототипа являются «*labour*» (трудиться), «*toil*» (усиленно трудиться, выполнять тяжелую работу), «*job*» (работать нерегулярно, случайно, работать сдельно). Данные ЛЕ наряду с прототипическим значением реализуют идентифицирующие признаки, например: *to labour* = to do (hard + manual + unskilled) work, *to toil* = to work + unremittingly/ monotonously + arduously и т.д. Прототип фрейма «*work*» позволяет выявить и исследовать конкретизирующие признаки в семантике глаголов, репрезентирующих фрейм.

Опираясь на анализ словарных дефиниций глаголов-репрезентантов, можно выявить следующие слоты фрейма «*work*»: слот-условие(я); слот-участник(и); слот-действие; слот-следствие; слот-место/пространство; слот-орудие труда.

Обобщение слотовых характеристик примет следующий вид:

- существует источник и продукт трудовой деятельности;
- существуют различные виды трудовой деятельности;
- существует локализационное многообразие для возможности трудовой деятельности;
- в наличии большое количество разнообразных орудий труда;
- как следствие всей трудовой деятельности, отмечается масса наименований профессий, специальностей и т.д.

Заполнение данных слотов так или иначе соотносится с актуализацией фрейма «*work*».

Применение теории фреймов в рамках дискурса является неотъемлемой частью его исследования, так как, с одной стороны, в разных типах дискурса реализуются определенные аспекты фрейма, с другой стороны, описание актуализации фрейма в дискурсе позволяет составить полное представление о нем, складывающееся из мнений, установок, стереотипов отдельного человека, социальной группы, этноса в целом.

Характеризуя дискурс с позиций когнитивной лингвистики, Е. Кубрякова отмечает: «По своей сути дискурс – явление когнитивное, т.е. имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний» [4. С. 13]. В этом смысле актуальна точка зрения на дискурс, согласно которой за определенной совокупностью текстов (или даже

за отдельным текстом) стоят определенные сложившиеся системы знаний и что дискурс является своеобразным языковым коррелятом такой системы.

Фрейм **«work»** был рассмотрен на материале речей президента США Барака Обамы. Выбор был обусловлен тем, что речи президента являются эталоном для многих носителей языка, тем самым влияя на сознание американцев. Текст обращения президента, аудио- и видеозаписи доступны на официальном сайте правительства США www.whitehouse.gov.

Данный вид общения президента с народом появился в 1930-е годы прошлого века как способ морально поддержать народ в период экономического кризиса, затем он приобрел популярность. Первоначально обращение транслировалось по радио, затем по телевидению, а в настоящее время Интернет-технологии позволили размещать аудио- и видеозаписи на официальном сайте Белого дома. Таким образом, президент информирует граждан о своей работе и работе партий, о своих поездках, о целях и задачах своей политики, о принятых актах и законах.

В работе были проанализированы речи президента за полгода – с сентября 2010 года по февраль 2011 года. Данный период времени был для Америки довольно тяжелым, потому что это период восстановления после кризиса, в результате которого миллионы людей потеряли свою работу, остались без средств к существованию. Все эти события нашли отражение в речах президента, чья задача на данном этапе заключалась в том, чтобы ободрить свой народ так, как когда-то это сделал Ф. Д. Рузвельт, начавший традицию обращения к народу, дать надежду на светлое будущее, мотивировать на действия.

И так как ключевыми темами в связи с кризисом являются потеря работы, создание новых рабочих мест на новых современных предприятиях, которые помогут поднять экономику на прежний уровень, то анализ фрейма **«work»** в речах президента за данный период очень актуален. Итак, при помощи анализа было выяснено, что в речах президента используются далеко не все репрезентанты фрейма **«work»**. Самыми употребительными ЛЕ являются лексема-прототип **«work»** и единица, соответствующая одному из субфреймов, **«job»** (ее семантика имеет социально ориентированную специфику). Доля их употребления составляет 44% и 51% от общего числа соответственно. Другие ЛЕ – **«employ»** и **«labour»** – представлены незначительно: 3% и 2% соответственно.

Таблица № 1

Частота употреблений репрезентантов фрейма «work»
в зависимости от темы выступления

Тематический блок	Лексические единицы				Всего
	work + дериваты	job	labour	employ + дери-ваты	
Экономика	23 (22% / 10%)	25 (21% / 11%)	0 (0% / 0%)	1 (20% / ~0%)	49 (21%)
Образование	14 (14% / 6%)	19 (16% / 8%)	0 (0% / 0%)	3 (60% / ~2,5%)	36 (15%)
Инновации	11 (11% / 5%)	22 (18% / 9%)	0 (0% / 0%)	0 (0% / 0%)	33 (14%)
Кризис	30 (29% / 12%)	40 (33% / 17%)	0 (0% / 0%)	1 (20% / ~0%)	71 (30%)
Праздники	23 (22% / 10%)	13 (11% / 6%)	5 (100% / 2,5%)	0 (0% / 0%)	41 (18%)
Теракты и войны	2 (2% / 1%)	1 (1% / ~0%)	0 (0% / 0%)	0 (0% / 0%)	3 (2%)
Всего	103 (100% / 44%)	120 (100% / 51%)	5 (100% / 2,5%)	5 (100% / 2,5%)	233 (100%)

Для тематического анализа исследуемого фрейма «**work**» все речи (всего их 26) делятся на несколько групп, критерий – ключевая тема, затрагиваемая в речи. Это позволило выявить закономерности использования той или иной ЛЕ, а также частотность в зависимости от тематики. Итак, основные темы – это экономика (economy), образование (education), инновационные технологии (innovations, newest industries), кризис, восстановление после него (recession, recovery), а также речи, приуроченные к праздникам и посвященные памяти погибшим в войнах и при терактах.

Результаты тематического фреймового анализа представлены в таблице №1, где указано абсолютное число употреблений каждой исследуемой ЛЕ в определенном тематическом блоке. Первое число в скобках обозначает процентную долю употреблений единицы в данной тематической группе, второе – относительно всех способов актуализации фрейма в дискурсе президента Б. Обамы. Использование заливки в ячейке обозначает максимальное значение данного показателя для ЛЕ в столбце, подчеркивание – для тематической группы в строке.

Подводя итоги, отметим особую значимость лексемы **job** для дискурса президента в целом и высокую степень употребления репрезентантов фрейма в группе речей, посвященных кризису.

Семантический анализ репрезентантов фрейма «**work**» призван выявить основные значения исследуемых ЛЕ в речах президента и выявить, с чем связано понятие «трудовая деятельность» в сознании американского народа.

Семантического анализ репрезентантов фрейма «**work**» позволяет сделать следующие выводы – в речах президента отсутствуют образные выражения и метафоры, все ЛЕ используются в прямых и основных своих значениях, что частично объясняется жанровой спецификой политического дискурса, стремлением выражать мысли доступно и однозначно, частично – серьезностью затрагиваемых вопросов и поднимаемых тем.

Важным направлением в политике президента является возвращение людей к работе после кризиса, а, следовательно, мотивация на создание новых, современных рабочих мест, о чем он неустанно сообщает, рассказывая о том, что было сделано и что еще предстоит сделать. Президент подчеркивает, что в период после кризиса главной задачей является предоставление людям работы, а существительное **work** в некоторых случаях сближается с лексемой **job**,

у которой наблюдается высокая доля представленности в дискурсе Б. Обамы. Частотными являются сочетания глагола в значении «создавать, стимулировать, мотивировать» (*create, generate, gain, spur, promote, jumpstart*) с существительным **job**; и существительного **job** с абстрактным существительным со значением будущего (*jobs of the future, of tomorrow of 21st century*), что говорит о приоритетах политики президента США и ее направленности на будущее.

Семантическую значимость приобретают значения репрезентантов, указывающие на саму деятельность, деятеля и, самое главное, на занимаемые должности/посты и/или создаваемые рабочие места. Вероятно, именно эта составляющая фрейма соотносится с той частью внеязыковой социальной реальности, которая представляет интерес для американцев на данном отрезке исторического развития.

После проведенного тематического, семантического и синтаксического фреймового анализа можно сказать, что представление о труде, трудовой деятельности в сознании американского народа связано, прежде всего, с местом работы (**job**), что является приоритетом в их жизни, найти достойное место работы – это залог успеха, а потеря работы – это горе. С точки зрения президента, главное условие процветания Америки – создание новых, современных рабочих мест в своей стране, что поможет поднять экономику США и занять лидирующую позицию в мире.

Список литературы

1. Булынина, М. М. Движение – мысль – слово [Текст] / М.М. Булынина // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки, 2004. – № 1. – С. 185–193.
2. Дейк, Т. А. ван Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов [Текст] / Т.А. ван Дейк // Язык. Познание. Коммуникация. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
3. Ивина, Л. В. Лингвокогнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии вен-

List of Literature

1. Bulynina, M. M. Dvizhenie – mysl' – slovo [Tekst] / M.M. Bulynina // Vestnik VGU. Serija Gumanitarnye nauki, 2004. – № 1. – S. 185–193.
2. Dejk, T. A. van Kontekst i poznanie. Frejmy znanij i ponimanie rechevyh aktov [Tekst] / T.A. van Dejk // Jazyk. Poznanie. Kommunikacija. – M. : Progress, 1989. – 312 s.
3. Ivina, L. V. Lingvookognitivnye osnovy analiza otraslevykh terminosistem (na primere angloozjazychnoj terminologii venchurnogo

- чурного финансирования): Учебно-методическое пособие [Текст] / Л. В. Ивина. – М. : Академический Проект, 2003. – 304 с.
4. Кубрякова, Е. С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания [Текст] / Е. С. Кубрякова // Пелевенские чтения 2003: межвуз. сб. науч. тр. – Калининград: Издательство КГУ, 2004. – 352 с.
5. Никитин, М. В. Развернутые тезисы о концептах [Текст] / М.В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики, 2004. – № 1. – С. 53-64.
6. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ – Восток-Запад, 2007. – 314 с.
7. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII. – М. : Прогресс, 1988. – С. 52–92.
- finansirovanija): Uchebno metodicheskoe posobie [Tekst] / L. V. Ivina. – M. : Akademicheskij Proekt, 2003. – 304 s.
4. Kubrjakova, E. S. O termine «diskurs» i stojawej za nim strukture znanija [Tekst] / E. S. Kubrjakova // Pelevenskie chtenija 2003: mezhvuz. sb. nauch. tr. – Kalininograd: Izdatel'stvo KGU, 2004. – 352 s.
5. Nikitin, M. V. Razvernutyje tezisы o konceptah [Tekst] / M.V. Nikitin // Voprosy kognitivnoj lingvistiki, 2004. – № 1. – S. 53-64.
6. Popova, Z. D. Kognitivnaja lingvistika [Tekst] / Z. D. Popova, I. A. Sternin. – M. : AST – Vostok-Zapad, 2007. – 314 s.
7. Fillmor, Ch. Frejmy i semantika ponimanija [Tekst] / Ch. Fillmor // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – Vyp. XXIII. – M. : Progress, 1988. – S. 52–92.

ЯЗЫК СМИ

ПРАГМАТИКА ОЦЕНКИ В ГАЗЕТНОМ ДИАЛОГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ОБЩЕГОРОДСКОЙ ГАЗЕТЫ «РЕЧЬ» Г. ЧЕРЕПОВЦА)

Н. В. Штыкова

В статье даётся анализ эмоционального компонента оценки как составляющей прагматического значения слова. Автор анализирует средства формирования оценочного значения языковых единиц в структуре текстов диалогического жанра.

Ключевые слова: прагматическое значение, диалогический жанр, интервью, вопрос–ответ, беседа, эмоциональная оценка.

Цели адресанта, аспекты его взаимодействия с адресатом в средствах массовой коммуникации часто реализуются в оценке – наиболее ярком компоненте прагматического значения слова или высказывания [1. С. 5]. В рамках поля эмоциональной оценки объект характеризуется с точки зрения одобрения, восхищения, удовольствия, раздражения, гнева, неудовлетворённости и других вызванных им эмоциональных состояний автора. Эмоциональная оценка традиционно выражается прежде всего за счёт лексических средств, но фраза может вообще не содержать явных маркеров оценки и при этом целиком являться оценочной, вследствие того, что соотносится в сознании человека с определённой не–нейтральной ситуацией. Эмоциональная оценка диалогических жанров формируется в большей степени отношением к явлению / ситуации, которое продуцируют интервьюируемые, хотя, безусловно, роль журналиста также не следует умалять, так как тематика и характер вопросов не могут не оказывать влияния на формирование эмоционального фона всей публикации.

Эмпирическую базу для анализа оценочного компонента прагматического значения составили диалогические тексты газеты «Речь» за период 2008–2010 гг., как размещённые в постоянных рубриках «Дословно», «Интересный вопрос», так и внерубрикационные. По количественному признаку тексты диалогических жанров в обще-

городской газете «Речь» занимают третье место, уступая текстам информационным и аналитическим, что вполне объясняется типом издания: «Речь» – это общегородская ежедневная общественно-политическая газета, приоритетная задача которой заключается в оперативном представлении актуальной информации. Самыми регулярными жанрами этой группы являются интервью, вопрос – развёрнутый ответ и беседа.

Оценка представленного события / явления в публикациях диалогического характера, как и в текстах других жанров, начинается с заголовка, который репрезентирует тот или иной факт действительности, преподнесённый читателю в ракурсе, необходимом для соотнесения с положительным / отрицательным в оценочной картине социума. Среди заголовков текстов-интервью чаще всего встречаются:

– заголовки-цитаты с указанием на интервьюируемого: *Олег Кувшинников: «Я и моя команда не можем обмануть ожидания людей»* («Речь», 5.01.2008); *Николай Тихомиров: «Надо осторожно подходить к инициативам по предоставлению новых льгот»* («Речь», 24.07.2008);

– заголовки-цитаты, дополненные реферативными подзаголовками: *Владимир Кочин: «Некогда было звездиться». Легендарный хоккеист, а ныне детский тренер в работе с подопечными использует два метода: «кричу» и «молчу»* («Речь», 1.04.2008); *Дмитрий Афанасьев: «Существенные перемены в ЧГУ начнутся с 2011 года». Новый ректор череповецкого университета рассказал «Речи» о перспективах вуза* («Речь», 8.06.2010)[□]. Заметим, что фразы, вынесенные в заголовок интервью, чаще представляют положительную, социально ориентированную фактуальную информацию (ср.: *не можем обмануть ожидания людей; существенные перемены в ЧГУ начнутся с 2011 года*). Оценка, представленная в заголовках-цитатах, естественно, всегда найдёт подтверждение в тексте, поскольку та же фраза повторится ответной реплике героя публикации.

Заголовки текстов жанра вопрос – развёрнутый ответ (рубрика «Интересный вопрос») также отличаются унификацией: они либо прямо называют ситуацию, обсуждаемую проблему, а подзаголовки содержат вопрос, ответ на который дают интервьюируемые: *Заплати миллион – и в армию можешь не ходить. В России предлагают узаконить откуп от армии* («Речь», 11.06.2010); либо ситуация, проблема представлена метафорически, ассоциативно (подзаголовок при этом по-прежнему содержит конкретный обсуждаемый вопрос):

Прощай, травматическое оружие! Президент России заявил, что нужны чёткие правила его оборота. Приведёт ли это к снижению уровня преступности? («Речь», 5.03.2010); **«Встретимся в суде, мама»** Нужна ли России ювенальная юстиция? («Речь», 26.03.2010). Следует заметить, что заголовки рубрики «Интересный вопрос» скорее способствуют формированию поля отрицательной оценки, что определяется изначально проблемно ориентированным характером самой рубрики, а формулировка проблемы (впрочем, как и само её наличие) способствует возникновению негативных эмоций.

Формирование поля положительной или отрицательной оценки в самом диалогическом тексте в довольно высокой степени инициируется вопросом адресанта, который продуцирует негативное или позитивное фактологическое содержание ответа на него. Так, вопрос, в котором запрашивается информация об успехах и инициативах, о победах и достижениях, о решении каких-то проблем и т.п., предполагает представление позитивных фактов, и, соответственно, вопрос о какой-то неприятной ситуации, негативных изменениях, последствиях и т.п. влечёт необходимость представлять негативные явления действительности. Например, один из вопросов в интервью с мэром города О. Кувшинниковым звучит так: *Губернатор всё это время демонстрировал вам и городу поддержку. В решении каких вопросов это помогло?* («Речь», 5.01.2008) – и, безусловно, не исключает перечисления положительных моментов *поддержки и помощи*. Текст ответа подтверждает это положение: *Да, крепкое плечо областной власти мы ощущали весь год. Ремонт дорог и дворовых территорий в таком большом объёме мы провели при значительной финансовой поддержке из областного бюджета <...>*. В одном из интервью с мэром города вопросная реплика содержит информацию о возможных проблемах, связанных с реформированием в сфере ЖКХ: *В следующем году нам предстоит переход на новую систему получения услуг в сфере ЖКХ. Готов ли к этому Череповец, какие проблемы, на ваш взгляд, могут возникнуть?* («Речь», 25.01.2008), поэтому фактуальная информация вопроса формирует поле отрицательной оценки, чему способствует и семантика существительного *проблемы*. Эмоционально-оценочный комментарий интервьюируемого продолжает формирование заявленной оценки: *Проблемы могут возникнуть от равнодушия и безграмотности. <...> Всё это хозяйство нуждается в уборке, контроле и ремонте. И вот это обязанность собственников <...>*.

Однако следует заметить, что подобное прямое соответствие оценки вопроса и ответа сохраняется далеко не всегда. Вопрос может содержать негативную фактуальную информацию и соответствующие лексические маркеры, но актуализировать положительные аспекты выхода из создавшейся ситуации, возможные направления решения той или иной проблемы. Следовательно, ответ в таком случае будет содержать информацию, которая соотносится с положительными моментами действительности, и вызывать положительные эмоции. Именно такая связь между вопросом и ответом наблюдается в следующем смысловом единстве того же интервью:

– *Самый сложный вопрос – капитальные ремонты в условиях новой системы. Могут ли горожане рассчитывать на помощь бюджета в этой части?* (интенсив *самый сложный* при существительном *вопрос* формирует поле отрицательной оценки, но во второй части вопроса поднимается тема о возможной помощи горожанам, что не может не вызвать положительных эмоций);

– *Могут сказать точно: людей в беде не бросим. <...> Череповец провёл предварительную работу и полностью соответствует всем требованиям. <...> Череповец полностью готов претендовать на софинансирование <...>* (ответ содержит положительную фактуальную информацию).

Иницилирующая вопросная реплика может быть нацелена на то, чтобы в ответе была представлена негативная информация, какие-либо отрицательные факты, однако в ответе эта информация лишь подтверждается, а используется для того, чтобы представить положительный ценностный момент, например, вопрос: *Почему ты решила участвовать в этом конкурсе? Какие были трудности?* («Речь», 24.03.2008) – содержит «указание» на направление мысли, предполагая освещение негативных явлений. В ответе: *Было не просто, но я была готова к этому, так как помогала в прошлом году другим ребятам. Участвовать решила, потому что люблю перемены. <...> Я рада, что приняла участие в этом проекте, ведь благодаря ему почерпнула для себя много нового, приобрела такие качества, как упорство и усидчивость* – отрицательная оценка поддерживается лишь наречием *непросто*, а весь последующий текст ответа содержит положительную фактуальную информацию, усиленную оценочными лексическими единицами.

Наконец, вопрос может вообще не содержать ни фактуальных, ни лексических маркеров оценки, но даже в этом случае на формирова-

ние оценочности вопросно-ответного единства влияет вопросная реплика. Так, вопрос: *Что бы ты посоветовала студентам, которым только предстоит участие в конкурсе?* («Речь», 24.03.2008) – не содержит указания ни на положительные, ни на отрицательные явления, но в нём предлагается не что иное, как *дать совет* будущим участникам конкурса. А *совет* скорее ассоциируется с чем-то положительным, может быть *полезным, дельным, своевременным*, то есть оцениваться как «хороший». Скрытый положительный потенциал вопроса эксплицитно реализуется в ответе: *Прежде всего – не бояться, наслаждаться тем, что делаешь. Нужно раскрыть весь свой потенциал, направить его в нужное русло. Надо дарить людям добро, и они обязательно ответят тем же. Земля ведь круглая. Если на одном конце бабочка взмахнёт крыльями, то на другом разразится цунами.* На лексическом уровне положительная оценка формируется семантикой глаголов *наслаждаться, дарить*, отрицанием при глаголе *бояться*, рационально-оценочным существительным *добро*; на стилистическом уровне – приёмом сопоставления. Другой вопрос этой же публикации *На учёбе участие в конкурсе не отразилось?* – также не содержит маркеров оценки, но глагол «отразилось» скорее вызывает отрицательные эмоции, поскольку его значение вызывает ассоциации с негативным влиянием, воздействием на что-либо (в данном случае – *на учёбу*). Ответ же несёт положительный эмоциональный заряд, поскольку речь в нём идёт о целесообразных, эффективных действиях человека: *Нужно уметь совмещать. <...> Надо найти смысл и удовольствие в том, что делаешь, и тогда всё получится.*

Таким образом, в диалогических жанрах «знак» оценки модифицируется в зависимости от вопросно-ответных интеракций адресанта / адресата, их коммуникативно-прагматической установки. Положительные и отрицательные оценочные установки иницирующей и ответной реплики необязательно будут коррелировать друг с другом.

В целом, анализируя средства формирования эмоциональной оценки в текстах диалогических жанров, наблюдаем традиционное для любых текстов использование рационально-оценочной, эмоционально-оценочной и экспрессивной лексики. Наиболее активно маркеры оценки проявляются в жанре беседы, который редко встречается на страницах общегородской газеты «Речь». Беседы в отличие от обычного интервью характеризуются, в первую очередь, стилизацией под устное неофициальное общение, при котором во-

просы не продумываются заранее, а возникают в процессе общения, разговора. Вопросы беседы чаще всего напоминают реплики-восклицания, реплики-перебивы, которые носят спонтанный, экспрессивный характер, то есть представляют собой непосредственную реакцию собеседников на реплики друг друга. На стилистическом уровне оценка формируется повторами, парцелляцией, синтаксическим параллелизмом, анафорой, вопросно-ответным единством и др. Все эти приёмы выразительности позволяют сделать вывод о предполагаемой интонации фразы. Например, в беседе с руководителем отдела аналитической работы в сфере ЖКХ («Договор дороже денег»; «Речь», 5.01.2008) реплики журналиста (**Ж.**) и интервьюируемого (**И.**) представлены так, что явно создаётся впечатление эмоционального разговора:

Ж.: *Слушайте, но ведь вы отдали нас в лапы к монополисту! Ведь эти управляющие организации, какие захотят – такие цены и заломят! Куда бедному крестьянину податься?* (разговорно-просторечные оценочные лексемы и фразеологизмы, разговорные частицы, восклицательные предложения).

И.: *Подавайтесь в ТСЖ, ей-богу. Пока что мы, то есть департамент ЖКХ, обявляем муниципальные унитарные предприятия <...> Организуйтесь в ТСЖ! Председатель ТСЖ по вашему поручению нанимает дворников, сантехников, плотников...* (лексический повтор, использование повелительного наклонения глагола для реализации функции призыва, разговорные лексические и синтаксические конструкции, восклицательное предложение).

Ж.: *Ага, а ведь этому председателю надо платить зарплату!* (перебив, восклицательное предложение, разговорные частицы выражают экспрессивность оценки)

И.: *А вы как думали? Это сложная и ответственная работа. Впрочем, в Европе обслуживание таких домов, как правило, отдают коммерческой фирме* (восклицательно-вопросительная предложение, экспрессивность оценки).

Ж.: *Так это же ещё дороже!* (перебив, восклицательное предложение, разговорные частицы выражают экспрессивность оценки)

И.: *Ничего подобного! <...>* (экспрессивное восклицание, неполное предложение) и т.п.

Надо заметить, что эмоционально-оценочные и экспрессивно-оценочные слова встречаются в текстах диалогических жанров гораздо чаще, чем в текстах других жанров. Это связано собственно с

природой жанра, стремящегося воспроизвести характер непринуждённого разговора и сохранить / передать свойственную устной речи эмоциональность. Оценка в диалогических текстах формируется не только позитивным или критическим комментарием интервьюируемого, но и характером вопроса интервьюера, который задаёт как тематическое, так и оценочное направление размышлениям героя интервью.

В заключение заметим, что в текстах диалогических жанров газеты «Речь» положительная и отрицательная оценка представлена в неравных пропорциях: наблюдается явное преобладание положительной эмоциональной оценки. Это может быть связано с тем, что интервьюируемыми чаще являются представители городской администрации, органов власти, общественные деятели, руководители крупных предприятий и т.д., которые в силу своего положения, занимаемой должности, политических интересов позитивно оценивают направления деятельности городской администрации и властных структур, политику правительства области и государства.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.

List of Literature

1. Arutjunova, N. D. Tipy jazykovykh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt [Tekst] / N. D. Arutjunova. – M. : Nauka, 1988. – 341 s.

ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ

ПРОПОЗИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ФЕНОМЕНА «ВРЕМЯ» В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

А. М. Шейко

В статье рассматривается категория оценочности, описываемая в рамках лексических и функционально-синтаксических средств. Описываются типы формально-логических структур, используемых для образного воплощения феномена «время» в английской лингвокультуре.

Ключевые слова: *время, языковое время, лингвокультура, пропозиция, аксиология, оценочность.*

Оценочная деятельность познающего индивида непосредственно связана с общепринятой в данной культуре системой ценностей, которая служит меркой того, что есть «хорошо» (ценность) и что есть «плохо» (антиценность); такая взаимосвязь обуславливает наличие лингвоспецифического аспекта в суждениях о природе тех или иных феноменов или явлений окружающей действительности.

Ценностные характеристики, приписываемые времени, эксплицируются в оценочных суждениях о природе данного феномена посредством различных лексических, функционально-стилистических и семантико-синтаксических средств. Используемый в данной статье метод анализа позволяет 1) описать категорию оценочности в рамках лексических и функционально-синтаксических средств; 2) выделить определенное число пропозиций, в рамках которых реализуются различные воплощения времени; 3) установить, как образные презентации исследуемого феномена отражают этноспецифическую оценочную деятельность субъекта на уровне формально-логических структур.

Фактический материал представлен высказываниями британских писателей, поэтов, философов и общественных деятелей о сущности времени. Источником сплошной выборки материала послужили художественные произведения и корпуса цитат на английском языке, датированные периодом с XVIII по XXI век.

Феномен «время» воплощается носителями культуры в различных образах, позволяющих приписать этой сущности те или иные ценностные функции, свойства и характеристики. Это связано с тем, что в отличие от «реальных» объектов действительности, имеющих определенный внешний облик (дом, стол, небо, автомобиль), за феноменом «время» не стоит конкретного образа или картинки, то есть отсутствует «инвариантный образ предмета» [3; 148 и сл.]. «Пока имя собственное не закреплено за конкретным объектом, оно незначимо, но коль скоро оно получило своего носителя, оно окутывается ассоциациями, создающими образ референта имени. С именем начинают связываться разнородные сведения о номинате, впечатления от него, его внешний вид, эмоциональное отношение, им вызываемое и т. п.» [1. С. 24–25].

Следует отметить, что образные воплощения времени в английской литературе бесчисленны, так как в художественном мире автора стандартные, общепринятые в данном социуме ассоциации (например, время = человек) могут получать иные образные реализации, созданные исключительно воображением писателя. Каждый вновь сотворенный образ времени помогает дополнить уже известные воплощения (*time is money* – время – деньги, *Father Time* – Отец-Время) новыми характеристиками (*time is asset, treasure, coin, income* – время – это имущество, сокровище, монета, доход; *time is artist, enemy, corrector* – время – это артист, враг, критик), расширяющими общий смысл ассоциаций, известных носителю определенной культуры.

Именно поэтому при «опредмечивании» и «овеществлении» времени во вновь созданную номинацию закладываются существующие в английской культуре представления об этом феномене, которые реализуют определенные аксиологические значения.

«Оценивание» свойств и характеристик времени имеет качественный характер, то есть производится в рамках зон «хорошо» – «нейтрально» – «плохо». Так как оценка по какому-либо признаку может быть произведена лишь в пределах однородного класса, то феномен «время», не стоящий в одном ряду с каким-либо материальным объектом, оценивается в рамках соответствия норме, согласно оценочному стереотипу или принятой в данном обществе шкалы ценностей, на которой «стандартные признаки стереотипов соотнесены с зоной нормы» [2. С. 57]:

Так, например, в высказывании:

But here there were no days, and time seemed to have a life of its own, stretching like a weaver's thread into a loom that wove nothing but

darkness (HJ) – Но здесь не было дней, и время, казалось, жило своей собственной жизнью, тянулось словно ткацкая нить через станок, из которого выходит лишь темнота (перевод А. Килановой),

отрицательная оценка эксплицируется посредством таких лексем и словосочетаний как *stretching* (тянуться), *darkness* (темнота), *to have a life of its own* (жить собственной жизнью), которые в рамках данного высказывания локализуются в рамках зоны «плохо».

Времени как явлению окружающей действительности человек приписывает множество «аксиологически релевантных свойств» [1. С. 178], которые позволяют определить место данного феномена на оценочной шкале: в зоне «хорошо»: *attentive* (внимательный), *blessing* (благословляющий), *forgiving* (всепрощающий), *good, hearty, kind* (добрый), *quiet* (спокойный) или в зоне «плохо»: *devouring* (уничтожающий), *disfiguring* (уродующий), *withering* (иссушающий) и т. п.

Свойства, субъективно приписываемые человеком времени, могут также отражать психологическую реакцию, которую оно вызывает, например, *deceitful* (лживый), *dread(ful)* (ужасный), *hard-hearted* (бесчувственный), *fair* (честный), *good, hearty, kind* (добрый).

Времени могут приписываться (псевдо)объективные свойства и характеристики, которые в представлении человека имеют отношение к его жизнедеятельности и окружающему миру, например: *fatal* (смертоносный), *uncontrollable* (неконтролируемый), *ceaseless, restless* (непрекращающийся), *curing, healing* (исцеляющий), *noiseless* (бесшумный) и т. п.

При анализе фактического материала были также выделены аксиологические значения, которые мы определили как оценочно-дескриптивные – то есть свойства, приписываемые времени в рамках данной категории, носят описательный характер и при этом отражают субъективное восприятие времени: *stony-face* (каменнолицый), *godlike* (богоподобный), *fast, fleet, rapid* (быстрый, стремительный), *flying* (летающий), *slow* (медленный) и т. п.

В основе номинативной деятельности человека по отношению ко времени лежит «постоянное усредненное представление» [2. С. 61] о данном феномене, включающее определенный набор качественных признаков. Образ, выбираемый для манифестации феномена «время», должен в наибольшей степени эксплицировать те характеристики, которые человек желает актуализировать в суждении, т. е. воплощение времени и приписываемые ему свойства являются

взаимообуславливающими компонентами высказывания. Так, если время опредмечивается в образе человека (*Father-Time*), то приписываемые ему характеристики – это черты характера (*kind* – добрый, *angry* – злой), умственные способности (*wise* – мудрый), поступки (*heals* – лечит, *teaches* – учит, *watches* – смотрит) и т. п.

К числу таких усредненных представлений о времени, помимо 1. *Father-Time*, можно отнести: 2. первоэлементы вселенной: *water* (вода), *fire* (огонь); 3. метеорологические явления – *thunder* (гром), *lightning* (молния); 4. *animal* (животное, земноводное); 5. *miracle, wonder* (чудо, колдовство); 6. *destroyer, devourer* (разрушение, утроба); 7. *Chronos, He* (творец, создатель); 8. *scarcity, money, value* (ценность (деньги, божий дар, ценный ресурс, драгоценность)); 9. *material resource* (материальная сущность); 10. *road* (путь, жизнь); 11. *river, stream* (река); 12. *eternity* (вечность), *cycle* (круг), *wheel* (колесо); 13. *movement* (движение); 14. *time is up, time is out* (контейнер); 15. *a long time, a short time* (пространство, расстояние) и т. п.

В рамках каждого класса человек выносит оценку характеристик времени. Так, в сужениях образы 1-11 в большей степени наделяются положительными или отрицательными аксиологическими характеристиками, которые соответствуют принятому в данном социуме оценочному стереотипу; нейтральная оценка в рамках данных групп встречается редко.

Оценочную деятельность субъекта в группе «время – человек» можно проиллюстрировать так:

Время – попутчик = время помогает человеку – локализация в зоне «хорошо»:

Time is a companion that goes with us on a journey. It reminds us to cherish each moment, because it will never come again. What we leave behind is not as important as how we have lived [18] – «Время – это попутчик, который отправляется с нами в путешествие. Он напоминает нам, чтобы мы ценили каждый момент, ведь он никогда больше не повторится. Важно не то, что остается позади нас, а то, как мы прожили свою жизнь»¹;

Время – скряга = время обворовывает человека – локализация в зоне «плохо»:

Old Time, in whose banks we deposit our notes / Is a miser who always wants guineas for groats; / He keeps all his customers still in arrears /

¹ Все примеры, за исключением специально оговоренных случаев, даны в нашем переводе.

By lending them minutes and charging them years (HOW) – «Старик – время, в чьих банках мы храним свои деньги, – это скряга, которому нужны гроты за гиней, он держит своих клиентов в долга, одалживая им минуты и забирая годы».

В группе «время – вода» также актуализируется как положительная оценка, так и отрицательная:

Время – проливающаяся вода = время одаривает – «хорошо»:

*Time showered down upon them three days of afternoons (FFS) – **Время пролило** на них три дня;*

Время – испаряющаяся вода = время исчезает – «плохо»:

*The river Dream pulled back, leaving an untold acreage of mudflats of evaporating dreamtime across the deserted plains of Hel (HJ) – Река Сон вернулась в свои берега, оставив бесконечные заиленные просторы **испаряющегося времени** сна на пустынных равнинах Хель (перевод А. Кирановой).*

Таким образом, локализация оценочного значения в определенной зоне происходит на основе соответствия норме, принятой в данном социуме и реализующей представление о том, что есть «хорошо» / «правильно» (например, одаривать, помогать) и что есть «плохо» / «неправильно» (например, обворовывать, испаряться).

Для образов 12-15 в большей мере характерна нейтральная оценка, так как описываются лишь (псевдо)объективные свойства времени:

*... the wheel of Time is rolling for an end, and that the world is, in all great essentials, better, gentler, more forbearing, and more hopeful, as it rolls (DCPFI) – ... **колесо Времени катится к конечной цели**, и что по мере его движения мир в своей основе становится лучше, благороднее, терпимее и вселяет в нас все больше надежд.*

*As a pragmatically enlightened people, we travel down the linear road of time, acquiring knowledge (COCA) – Будучи прагматичными и просвещенными людьми мы движемся по **прямой дороге времени**, приобретая знания.*

Отрицательная и положительная оценка также встречается при характеристике образных манифестаций 12-15.

Сравним два высказывания, репрезентирующих время как дорогу:

1) *It was an adventurous journey down a long road of time to an unknown destination in a far and wondrous place (COCA) – Это было увлекательное путешествие по **длинной дороге времени** в неизвестном направлении, в далекое и чудесное место, здесь положительная*

оценка реализуется посредством словосочетаний увлекательное путешествие (*adventurous journey*), далекое и чудесное место (*far and wondrous place*).

2) *Presumably Thyodo does not mind, for he no longer creeps along the weary road of Time, but rests in eternity (COCA)* – Возможно, Тьюдо не осознавал, что он больше не тащится по утомительной дороге Времени, а покоится в вечности,

в данном случае, отрицательное аксиологическое значение эксплицируется при помощи таких лексем как тащиться, ползти (*creep*), утомительный (*weary*).

Особое внимание следует уделить образному описанию времени как пространства. В данном случае оценка будет носить однонаправленный отрицательный характер, так как скоротечность времени, отождествляемого человеком с жизнью, приближает его к смерти, медлительность и растянутость времени также маркируются оценкой в зоне «плохо», так как отдаляют человека от долгожданного и желаемого события. Сравним:

... *how slow and still the time did drag along (CLAAW)* – Как медленно и неподвижно тянулось время;

... *How the precious Time is rushing by (DCAN)* – Как драгоценное Время проносится мимо.

Наиболее ранним воплощением времени, появившемся в западной культуре еще в XV – XVI вв., является персонифицированный образ *Father Time* (Отец-Время), изображаемый одетым в мантию лысым старцем с бородой и чубом, в руках у которого коса или серп, отражающие связь течения времени с неизбежностью прихода смерти, и песочные часы, символизирующие постоянное течение времени [4; 5. С. 160]. Приписывая данному антропоморфному образу действия исцеления, разрушения, обмана и награждения и т. п., человек ставит время на место действующего объекта и наделяет его этноспецифическими свойствами, характеристиками и функциями, которые отражают сложившееся в представлении носителей лингвокультуры мнение о том, что время влияет на жизнь человека и окружающий его мир. Экспликация персонификации феномена «время» в английской культуре реализуется посредством агентивных конструкций, реализующих представление о времени как о человеке или одушевленной сущности:

What if at this point I discover that time has been quietly doing its work without my noticing, its work of gnawing and corroding and

undermining? (BJ) – *Что, если в этот момент я пойму, что время бесуменно делало свою работу по разъеданию, разрушению и подрыванию, и я этого не замечал.*

Анализируя вторичные образные номинации феномена «время» мы пришли к выводу, что данный феномен актуализируется в неограниченном количестве образов, схожих по функциям: жнец, пожиратель, разрушитель, вор как символы уничтожения; портной, прядильщик, рассказчик, лекарь как символы созидания; король, Хронос, мститель, некто восстанавливающий справедливость и расставляющий все по своим местам как символы могущественной силы; цирк, река, колесо, цыган как символы движения и т. п.

Таким образом, время понимается как некий одушевленный или неодушевленный агент, инициирующий своим действием какое-либо событие, что позволяет классифицировать наряду с образными манифестациями данного феномена и сам характер приписываемых действий, то есть предикаты, в рамках которых может быть реализовано множество вторичных номинаций времени.

Функционирование номинативного значения феномена «время» – лексемы «time» в качестве агенса, обозначающего одушевленного инициатора действия, реализуется в рамках предикативных структур, обозначающих 1. деятельность, 2. местоположение, 3. состояние, 4. качество.

Предикат «деятельность» представлен пятью пропозициями:

- пропозиция воздействия / изменения:

That time has had its influence on all his later life (DCBL) – Время оказало влияние на всю его дальнейшую жизнь;

- пропозиция созидания:

In some stages of his manufacture of the human fabric, the processes of Time are very rapid (DCHT) – На некоторых этапах производства человеческого материала работа Времени идет очень быстрыми темпами;

- пропозиция разрушения:

Reflection of the ruin that time brought on beautiful and wonderful things (WO) – Время разрушает прекрасные и удивительные вещи;

- пропозиция перемещения человека временем:

Time, sticking to him, passed him on into Bounderby's Bank (DCHT) - Время, не выпуская Томаса из рук, определило его в банкирскую контору Баундерби (перевод В. Топер);

- пропозиция превращения:

The mine which Time has slowly dug beneath familiar objects is sprung in an instant; and what was rock before, becomes but sand and dust (DCLAMC) – Яма, которую время медленно выкопало под привычными вещами, в мгновение ока обрушилась, и то, что раньше было камнем – стало песком и пылью;

Предикат «местоположение» представлен двумя пропозициями:

- пропозиция движения / перемещения:

But at my back I always hear // Time's wingèd chariot hurrying near: // And yonder all before us lie // Deserts of vast eternity (MA) – Но за спиной я постоянно слышу // Крылатую колесницу Времени, несущуюся рядом // И вот перед нами // Пустыни бесконечной вечности.

- пропозиция местонахождения:

Time seemed to hover in limbo (BD) – Время, казалось, застряло в лимбе².

В предикатах «состояние» и «качество» агентивное значение имплицитно, оно реализуется при сравнении времени с каким-либо объектом или предметом окружающей человека действительности посредством переноса функций.

Так, например, если время сравнивается с рекой:

The river of Time has banks and shoals and backwaters, and its currents flow not always swift nor straight (COCA) – У реки Времени есть берега и мелководье, и заводи, а ее течение не всегда стремительное и ровное;

то описывая ее течение, которое обновляет воду в реке, носитель культуры актуализирует функцию времени привносить события в нашу жизнь.

В рамках данных предикатов можно выделить следующие пропозиции:

- пропозиция подобия (время имеет свойства какого-либо объекта, время подобно какому-либо объекту):

Time is the most undefinable yet paradoxical of things; the past is gone, the future is not come, and the present becomes the past even while we attempt to define it, and, like the flash of lightning, at once exists and expires (CCC) – «Время – самая необъяснимая и парадоксальная вещь; прошлое ушло, будущее еще не пришло, а настоящее становится прошлым, пока мы пытаемся дать ему определение, время как вспышка молнии существует и исчезает одновременно»;

² В католицизме место пребывания не попавших в рай душ, не являющееся адом или чистилищем

• пропозиция сравнения (время функционирует как некий объект):

Time rushes towards us with its hospital tray of infinitely varied narcotics, even while it is preparing us for its inevitably fatal operation (WT) – *Время стремится нам на встречу с медицинским лотком, наполненным огромным количеством разнообразных наркотиков, даже когда оно готовит нас к неизбежно смертельной операции;*

• пропозиция порождения:

Out of the black cave of time, terrible and swathed in scarlet, rose the image of his sin (WO) – *Из черной пропасти времени в кровавом одеянии вставала тень его греха.*

• пропозиция отождествления (время есть некий объект):

What is time? The shadow on the dial, the striking of the clock, the running of the sand, day and night, summer and winter, months, years, centuries – these are but arbitrary and outward signs, the measure of Time, not Time itself. Time is the Life of the soul (LHW) – *Что такое время? Тень на циферблате, удар часов, движение песка, день и ночь, лето и зима, месяцы, года, века – все это лишь случайные символы, не отражающие внутренней сути, это лишь мера Времени, но не само Время. Время – это жизнь души.*

Таким образом, была предпринята попытка установить аксиологические значения, приписываемые феномену «время» в английской культуре и выделить его основные образные воплощения, насчитывающие 15 групп ассоциаций. Также в статье приводится классификация агентивных конструкций, используемых носителями английской культуры для образной характеристики феномена «время». При анализе полученных данных, было выделено 11 пропозитивных моделей, реализующих этноспецифическую функциональную оценку этой сущности.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 896с.
2. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки [Текст] / Е. М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
3. Языковая номинация. Общие вопросы [Текст] / под ред. Б.

List of Literature

1. Arutjunova, N. D. Jazyk i mir cheloveka [Tekst] / N. D. Arutjunova. – M. : Jazyki russoj kul'tury, 1998. – 896s.
2. Vol'f, E. M. Funkcional'naja semantika ocenki [Tekst] / E. M. Vol'f. – 2-e izd., dop. – M. : Editorial URSS, 2002. – 280 s.
3. Jazykovaja nominacija. Obwie voprosy [Tekst] / pod red. B. A.

- А. Серебренникова и А. А. Уфимцевой. – М., 1977.
4. Cohen, S. The early Renaissance personification of time and changing concepts of temporality [Текст] / S. Cohen // Renaissance Studies. Volume 14, Number 3, September. – Blackwell Publishing, 2000. – pp. 301 – 328(28) // Access: <http://www.ingentaconnect.com/content/bpl/rest/2000/00000014/00000003/art00002>, free. – Title from screen.
5. Evans, V. The Structure of Time: Language, Meaning, and Temporal Cognition [Текст] / V. Evans. – Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2004. – 286 p.
- Serebrennikova i A. A. Ufimcevoj. – М., 1977.
4. Cohen, S. The early Renaissance personification of time and changing concepts of temporality [Tekst] / S. Cohen // Renaissance Studies. Volume 14, Number 3, September. – Blackwell Publishing, 2000. – pp. 301–328(28)//Access:<http://www.ingentaconnect.com/content/bpl/rest/2000/00000014/00000003/art00002>, free. – Title from screen.
5. Evans, V. The Structure of Time: Language, Meaning, and Temporal Cognition [Tekst] / V. Evans. – Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2004. – 286 p.

Источники

1. BD – Brown, D. Angels And Demons // <http://www.miracle-girl.com/angels&demons.pdf>
2. BJ – Barnes J. Arthur & George [Текст] / J. Barnes. – Vintage International, 2007. – 445 p.
3. CCC - Colton, C. C. // <http://www.quotegarden.com/time.html>
4. CLAAW – Carroll, L. Alice's Adventures in Wonderland // <http://www.gutenberg.org/files/11/11.txt>
5. COCA – Davies, Mark. (2008-) The Corpus of Contemporary American English (COCA): 410+ million words, 1990-present. Available online at <http://www.americancorpus.org>.
6. DCAN – Dickens, C. American Notes // <http://www.gutenberg.org/dirs/etext96/amnts10.txt>

Sources

1. BD – Brown, D. Angels And Demons // <http://www.miracle-girl.com/angels&demons.pdf>
2. BJ – Barnes J. Arthur & George [Текст] / J. Barnes. – Vintage International, 2007. – 445 p.
3. CCC - Colton, C. C. // <http://www.quotegarden.com/time.html>
4. CLAAW – Carroll, L. Alice's Adventures in Wonderland // <http://www.gutenberg.org/files/11/11.txt>
5. COCA – Davies, Mark. (2008-) The Corpus of Contemporary American English (COCA): 410+ million words, 1990-present. Available online at <http://www.americancorpus.org>.
6. DCAN – Dickens, C. American Notes // <http://www.gutenberg.org/dirs/etext96/amnts10.txt>

7. DCBH – Dickens, C. Bleak House // <http://www.gutenberg.org/cache/epub/1023/pg1023.txt>
8. DCHT – Dickens, C. Hard Times // <http://www.gutenberg.org/dirs/etext97/hardt10.txt>
9. DCLAMC – Dickens, C. Life And Adventures Of Martin Chuzzlewit // <http://www.gutenberg.org/files/968/968.txt>
10. DCPFI - Dickens, C. Pictures from Italy // <http://www.gutenberg.org/dirs/etext96/picit10.txt>
11. FFS – Fitzgerald, F. S. Flappers and Philosophers // <http://www.gutenberg.org/dirs/etext03/7flpp10.txt>
12. HJ – Harris J. Runemarks [Текст] / J. Harris. – Random House Children's Books, 2009. – 544 p.
13. HOW– Holmes, O. W. Our Banker // <http://www.readbookonline.net/readOnline/6924/>
14. LHW – Longfellow H. W. // <http://www.corsinet.com/braincandy/qtime.html>
15. MA – Marvell, A. To his Coy Mistress // <http://www.luminarium.org/sevenlit/marvell/coy.htm>
16. TW – Tennessee W. The Rose Tattoo // http://www.brainyquote.com/quotes/authors/t/tennessee_williams_2.html
17. WO – Wilde, O. The Picture of Dorian Gray // <http://www.gutenberg.org/files/174/174.txt>
18. http://www.finestquotes.com/select_quote-category-Journey-page-0.htm
7. DCBH – Dickens, C. Bleak House // <http://www.gutenberg.org/cache/epub/1023/pg1023.txt>
8. DCHT – Dickens, C. Hard Times // <http://www.gutenberg.org/dirs/etext97/hardt10.txt>
9. DCLAMC – Dickens, C. Life And Adventures Of Martin Chuzzlewit // <http://www.gutenberg.org/files/968/968.txt>
10. DCPFI - Dickens, C. Pictures from Italy // <http://www.gutenberg.org/dirs/etext96/picit10.txt>
11. FFS – Fitzgerald, F. S. Flappers and Philosophers // <http://www.gutenberg.org/dirs/etext03/7flpp10.txt>
12. HJ – Harris J. Runemarks [Текст] / J. Harris. – Random House Children's Books, 2009. – 544 p.
13. HOW– Holmes, O. W. Our Banker // <http://www.readbookonline.net/readOnline/6924/>
14. LHW – Longfellow H. W. // <http://www.corsinet.com/braincandy/qtime.html>
15. MA – Marvell, A. To his Coy Mistress // <http://www.luminarium.org/sevenlit/marvell/coy.htm>
16. TW – Tennessee W. The Rose Tattoo // http://www.brainyquote.com/quotes/authors/t/tennessee_williams_2.html
17. WO – Wilde, O. The Picture of Dorian Gray // <http://www.gutenberg.org/files/174/174.txt>
18. http://www.finestquotes.com/select_quote-category-Journey-page-0.htm

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ ФОНЕМ НИДЕРЛАНДСКОГО ЯЗЫКА И ИХ СРАВНЕНИИ С ЗАДНЕЯ- ЗЫЧНЫМИ СОГЛАСНЫМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Е. В. Абрамова

В статье рассматриваются спорные вопросы состава заднеязычных фонем современного литературного нидерландского языка и их сопоставление с соответствующими русскими согласными, особенности интерпретации состава фонем как отечественными, так и зарубежными исследователями.

Ключевые слова: фонология, сопоставительный анализ, заднеязычные согласные

В современной научной литературе, описывающей звуковую строй современного нидерландского языка, состав фонем представлен достаточно спорно. Особенно ярко это представлено в системе заднеязычных согласных. Литературный нидерландский язык представлен в двух вариантах: северном, функционирующем на территории Нидерландов, и южном, распространенном в северной части Бельгии- Фландрии.

Сравнительный анализ заднеязычных консонантов в работах различных ученых показывает, что состав данной группы согласных фонем нидерландского языка в исследованиях отечественных и зарубежных лингвистов представлен неоднозначно, поскольку в описаниях он отличается количественным и качественным составом, а также отсутствием единой системы обозначений одних и тех же звуков, что еще больше затрудняет их систематизацию.

В отличие от описаний отечественных лингвистов Миронова С. А., Золхоева В. И. [1. С. 201], справедливо указывающих на принадлежность ненапряженного /k/ и носового сонанта /ŋ/ к заднеязычным, зарубежные лингвисты, в частности Г. Схерпс и А. Термоте, также включают в состав заднеязычных фонем смычный [g] и щелевой [x] [2. С. 112].

Таблица 1

Система заднеязычных в описании С. А. Миронова и В. И Золхоева

Способ образования		Место образования
Взрывные (смычные)		k
сонорные	носовые	ŋ

Таблица 2

Система заднеязычных в описании Г. Схерпса и А. Термоте

Способ образования		Место образования
Смычные		k g
Щелевые		x
Сонанты		ŋ

Однако с их мнением согласиться трудно, так как с одной стороны реализация [g] в исконно нидерландских словах возможна только перед /b, d/: *bakboord* /'bɑgbo:rt/ - *левая сторона корабля*, *zakdoek* /'zɑgdu:k/ - *носовой платок*) и с другой стороны [g] может встречаться в заимствованных словах в любой позиции (*de gangster* ['gɛŋstər] - *бандит*, *de raglanmouw* ['rɛglə(n)mɔu] - *рукав «реглан»*). Следовательно, позиционно-комбинаторный характер [g] не позволяет говорить о нем как о самостоятельной фонеме. В этом случае уместно говорить о нем как об аллофоне фонемы /k/ перед [b, d].

Фонемный статус смычного [k] не вызывает сомнений: данный заднеязычный возможен в начале слова перед гласными, в интервокальной позиции и в конце слова после гласного и перед глухим согласным. Например, *kaap* [ka:p] - *мыс*, *bakoven* [bakovn] - *духовка*, *smakt* [smakt] - *имеешь вкус*.

В результате фонематического анализа было выявлено, что звук, обозначаемый большинством зарубежных исследователей как [x], является позиционно-комбинаторным аллофоном увулярной фонемы /X/ в северном варианте нидерландского языка и заднеязычного щелевого звонкого /ŷ/ в южном варианте. Заднеязычный глухой [x] возможен в позиции абсолютного конца слова после гласного или согласного. Например: *dag* [dax] - *день*, *acht* - [axt] - *восемь*, а также после глухих согласных: *schrift* [sxrift] - *тетрадь*.

Реализация носового сонанта /ŋ/ возможна во всех позициях, кроме начальной и также обладает смыслоразличительной функцией.

ей. Например: *zingen* [ziŋ] – *петь*, *zinnen* [zinə] – *ощущения*). Более расширенный состав заднеязычных фонем представлен в работах Й. Албрехта, относящего к смычным взрывные /k, ɣ, g/, к щелевым - глухой /x/, к сонантам - носовой /ŋ/; исследованиях И. Миса и Б. Колинса, определяющего /k, ɣ/ смычными, /ʎ, x/- щелевыми, /ŋ/- сонорным. Их классификация представляется более удачной, поскольку авторами указывается аллофонный характер [g], но при этом не комментируется статус щелевого [ʎ]. Исследователи отмечают только противопоставление [x-ʎ] по глухости-звонкости [3. С. 161].

Таблица 3

Система заднеязычных в описании Б. Коллинса и И. Миса

Способ образования	Место образования
Смычные	k ɣ
Щелевые	x ʎ
Сонанты	ŋ

В работах Г. Схерпса и Е. Бланкерта, где /k, ɣ/ относятся к смычным, /x/ - к щелевым, а /ŋ, R/ - к сонантам, заднеязычный [ʎ] реализуется только в южном варианте нидерландского языка. Данный согласный выступает во всех позициях и имеет смысловоразличительную функцию и, следовательно, является самостоятельной фонемой. Например: *hat-gat* [hat-ʎat] (*отверстие - ненавижу*). Глухим аллофоном фонемы [ʎ] в конце слова, в слабой позиции и после глухого выступает заднеязычный глухой щелевой [x], реализуемый как русский [x] [4. С. 119].

Таблица 4

Система заднеязычных в описании Г. Схерпса и Е. Бланкерта

Способ образования	Место образования
Смычные	k ɣ
Щелевые	x g
Сонанты	ŋ R

С.А. Миронов указывает, что звонкий взрывной заднеязычный [g] заменяется звонким заднеязычным щелевым [ʎ], глухим вариантом которого является заднеязычный щелевой [x] [5. С. 13].

В систему заднеязычных щелевых согласных большинство исследователей включает [x]. Однако фонематический анализ не позволяет включить его в состав фонем нидерландского языка.

Существенно отметить, что в конце XX века было установлено, что утрата вокалических составляющих [v, z, g] в северном варианте нидерландского языка началась с заднеязычного. В зарубежной лингвистической литературе вопрос о сдвиге места артикуляции (заднеязычный-увулярный) поднимался еще в первой половине XIX века в работах таких голландских исследователей, как Й. Бейер, Г. Мулдер, П. Косэн, Ван Биирс и других ученых. Во второй половине XX века для большинства лингвистов утрата звонкости заднеязычного щелевого в зависимости от позиции в слове была очевидна. Позднее фламандские исследователи Й. Гуссенс и П. Пардекупер указали на полное отсутствие оппозиции напряженность-ненапряженность в языковой зоне территории Нидерландов.

Итак, основываясь на описаниях выше представленных исследователей и следуя концепции фонологической школы Л.В. Щербы можно установить, что в состав заднеязычных фонем северного варианта нидерландского языка представлен фонемами /k, ŋ/, а южно-го - фонемами /k, ʏ, ŋ/.

Таблица 5

Заднеязычные согласные северного
и южного нидерландского языка¹

Способ образования		Место образования
Смычные	шумные	k
	сонанты	ŋ
Щелевые		ʏ*

Таким образом, репертуар нидерландских заднеязычных согласных количественно и качественно отличается от русского. В отличие от состава русских заднеязычных согласных фонем /k, k', g, g', x, x'/, в северном варианте нидерландского языка представлен смычный сонат [ŋ], а в южном- и звонкий щелевой / ʏ /. Основным фонологическим отличием русского и нидерландского взрывного смычного /k/ является отсутствие корреляции по твердости-мягкости. Как и в русском языке, на нидерландский /k/ распространяется действие регрессивной ассимиляции: в позиции перед /b, d/ глухой /k/ реализуется в звонком аллофоне [g]. Например: *zakdoek* [zagduk] (*носовой платок*). Артикуляторное отличие выражается в реализации нидерландских заднеязычных с большим напряжением, чем русских.

Список литературы

1. Золхоев, В. И. Дифференциальные признаки фонем [Текст] / В. И. Золхоев. В 10 т. Т.2. Романо-германские языки. Отв. ред. д.ф.н. проф. Б.И. Рассадин. – Улан-Удэ, 2003. – 230 с.
2. Scherps, G. Nederlandse uitspraakleer [Tekst] / G. Scherps. – ACCO. Leuven, 1979. – 366 p.
3. Mees I. The sounds of English and Dutch [Tekst] / I. Mees, B. Collins. – Leiden: Leiden University Press, 1984. – 365 p.
4. Blankaert, E. Practische Uitspraakleer van de Nederlandse Taal [Tekst] / E. Blankaert. Antwerpen. De Sikkel, 1969. – 281 p.
5. Миронов С. А. Нидерландский (голландский) язык. Грамматический очерк, литературные тексты с комментариями и словарем [Текст] / С. А. Миронов // Языки народов мира. Под ред. проф. Р.А. Будагова и проф. Н.С. Чемоданова. – М., 1965. – 183 с.

List of Literature

1. Zolhoev, V. I. Differential'nye priznaki fonem [Tekst] / V. I. Zolhoev. V 10 t. T.2. Romano-germanskie jazyki. Otv. red. d.f.n. prof. B.I. Rassadin. – Ulan-Udje, 2003. – 230 s.
2. Scherps, G. Nederlandse uitspraakleer [Tekst] / G. Scherps. – ACCO. Leuven, 1979. – 366 p.
3. Mees I. The sounds of English and Dutch [Tekst] / I. Mees, B. Collins. – Leiden: Leiden University Press, 1984. – 365 p.
4. Blankaert, E. Practische Uitspraakleer van de Nederlandse Taal [Tekst] / E. Blankaert. Antwerpen. De Sikkel, 1969. – 281 p.
5. Mironov, S. A. Niderlandskij (gollandskij) jazyk. Grammaticheskiy ocherk, literaturnye teksty s kommentarijami i slovarem [Tekst] / S. A. Mironov // Jazyki narodov mira. Pod red. prof. R.A. Budagova i prof. N.S. Chemodanova. – M., 1965. – 183 s.

КАЛЬКИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ПЕРЕВОДА ПОЛИТКОРРЕКТНЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Т. В. Дьякова

В данной статье рассматривается один из более распространенных способов перевода безэквивалентной лексики – калькирование. В статье также представлены достоинства и недостатки данного способа перевода.

Ключевые слова: политическая корректность, безэквивалентная лексика, калькирование.

Значительная часть политкорректных языковых единиц относится к классу безэквивалентной лексики, и в виду этого они представляют трудность при переводе на русский язык. В результате, у переводчика появляются две основные задачи:

- 1) адекватно передать значение слова или словосочетания;
- 2) сохранить смысл и при этом не противоречить идеологии политической корректности.

В данной статье речь пойдет о таком методе перевода безэквивалентной лексики, как **калькирование**, который в большинстве случаев является единственным возможным способом перевода.

Однако у этого метода перевода есть свои достоинства и недостатки.

«Этот способ хорош тем, что он позволяет перенести в текст перевода смысловое содержание реалии без увеличения ее объема. Однако возможности кальки ограничены: она может быть использована лишь тогда, когда у переводимой единицы есть составляющие и их сочетание мотивировано» [1. С. 112].

Смысл калькирования заключается в копировании структуры лексической единицы исходного текста и создании новой единицы в языке перевода. Данный способ перевода безэквивалентной лексики позволяет обогащать словарный состав русского языка новыми словами и словосочетаниями. «Именно переводчик представляет впервые реалию иноязычной аудитории, и от того, как он это сделает, во многом зависит судьба реалии в принимающем языке» [Там же].

Большую часть политкорректной лексики составляют словосочетания. Принимая во внимание их структуру, эти словосочетания можно классифицировать на двухкомпонентные (или простые) и многокомпонентные (или сложные). К двухкомпонентным можно отнести такие выражения, как *animal companions*, *queen size*, а примером многокомпонентных могут служить такие словосочетания, как *consistent experiences of discrimination*, *substance abuse survivor*.

Политкорректное выражение *animal companions* заменяет слово *pets*, тем самым, подчеркивая равноправие в живом мире.

Целесообразнее будет перевести данное выражение с помощью калькирования, поскольку сочетание составляющих этого выражения мотивировано.

В результате, получается словосочетание *компаньоны – животные*. В данном случае изменяется порядок следования калькируемых составляющих, поскольку вариант *компаньоны – животные* является более благозвучным, нежели *животные – компаньоны*.

Аналогичным образом будет переводиться двухкомпонентное словосочетание *queen size* — *королевский размер*. Однако при переводе данного выражения переводчику приходится изменять порядок калькируемых элементов.

Словосочетание *earth children* является гендерно – нейтральным эвфемизмом, заменяющим слово *mankind*. Следуя принципу калькирования, данное выражение будет переводиться словосочетанием *дети Земли*, которое, по сути, и подразумевает понятие *человечество* (*mankind*).

В случае с многокомпонентными словосочетаниями, такими как *consistent experiences of discrimination* (*постоянные случаи дискриминации*), *unrealistic standard of feminine beauty* (*навязываемый стандарт женской красоты*), составляющие переводимых единиц мотивированы, что позволяет передавать их значения с помощью покомпонентного перевода.

В словосочетании *unrealistic standard of feminine beauty* компонент *unrealistic* не переводится дословно: *нереальный* или *нереалистичный*. Подбирается контекстуальное значение *навязываемый*, которое является более уместным в данном языковом окружении.

В русскоязычных текстах все чаще стало встречаться выражение *зоны сверх повышенной гравитации*, заимствованное из английского языка (*super high gravity locations*). Это политкорректная единица заменяет словосочетание *черная дыра* (*black hole*), в виду того, что

в настоящее время слово *black* является неполиткорректным. В данном случае были переведены все составляющие, и, в конечном счете, полученная лексема не представляет трудностей для адекватного понимания.

Обращаясь к словосочетанию *to join the majority*, эвфемизму, который подразумевает страшные и неприятные явления действительности, а именно смерть, переводчик должен знать, что данное высказывание «Умереть — значит отправиться к большинству», принадлежит Гаю Петронию Арбитру, римскому писателю и поэту. В данном выражении необходимость применения калькирования при переводе обусловлена присутствием мотивировки. Таким образом, ссылаясь на автора этого изречения, политкорректную единицу *to join the majority* можно перевести словосочетанием *отправиться к большинству*, либо *присоединиться к большинству*.

Однако возможны и следующие варианты перевода этой единицы: *отправиться на тот свет*, *отправиться к праотцам*. Данные русские идиоматические выражения, заменяющие слово *умереть*, также имеют смысловое соотношение с исходным выражением.

Полагается, что вышеприведенные варианты перевода политкорректных единиц передают смысловое содержание словосочетаний, а главное соответствуют идеологии политической корректности.

Таким образом, анализ данных политкорректных единиц позволяет утверждать, что калькирование является одним из распространенных способов заимствования новых языковых единиц, наряду с транскрипцией и транслитерацией. Этот метод не увеличивает объем лексемы и пополняет словарный состав русского языка.

Однако, не смотря на явные достоинства, этот способ перевода имеет свои недостатки. Основной недостаток заключается в том, что когда отсутствует мотивировка, данный способ передачи слов и словосочетаний на язык перевода недопустим.

«Покомпонентный перевод демотивированных реалий ни в коей мере не проясняет их значения. Среди составных реалий есть немало «ложных друзей переводчика», мотивировка которых кажется на первый взгляд прозрачной, но опора на нее приводит к неточностям или грубым ошибкам» [1. С. 113].

Применение калькирования также недопустимо, когда в языке перевода отсутствует подходящая адекватная грамматическая структура.

Примером может послужить выражение *of different interests*, заменяющее слово *lazy*. Если переводить это словосочетание, используя калькирование, то, в результате, значение переводимой единицы останется не совсем раскрытым.

Это связано с тем, что в данном словосочетании мотивировка затемнена, и покомпонентный перевод приведет к непониманию единицы носителями языка перевода. Так что выражение *с иными интересами* не передает понятие слова *ленивый*.

В данном конкретном случае необходимо использовать добавление, а также дополнить полученный вариант перевода сносками, либо комментарием. В результате, получится: *of different interests — индивидуум с иными интересами (политкор. для «lazy» — «ленивый»)*.

«Таким образом, языковая специфика накладывает определенные ограничения на использование калькирования в переводе» [Там же].

Хотя калькирование является одним из самых распространенных способов перевода политкорректных выражений, но существует необходимость принимать во внимание мотивированность таких выражений и словосочетаний. В случае неявной мотивированности следует пользоваться сносками и комментариями.

Список литературы

1. Романова, С. П., Коралова, А. Л. Пособие по переводу с английского на русский [Текст] / С. П. Романова, А. Л. Коралова. – М. : КДУ – 2007. – 176 с.

List of Literature

1. Romanova, S. P., Korolova, A. L. Posobie po perevodu s anglijskogo na russkij [Tekst] / S. P. Romanova, A. L. Korolova. – M. : KDU – 2007. – 176 s.

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НЕОЛОГИЗМОВ

О. Г. Лебедева

Рассматриваются такие способы перевода как транслитерация, калькирование, описательный перевод, а также затрагивается роль «модных слов и выражений» и приемы их перевода.

Ключевые слова: неологизм, способы перевода, лингвокультурология.

Перевод неологизмов предполагает, что они должны быть переосмыслены и выражены на другом языке прямо или путем объяснений. Если же в переводящем языке нет прямого эквивалента того или иного общественно-политического явления, это явление можно описать или передать его фонетическую или орфографическую форму.

Основными способами перевода неологизмов, таким образом, являются: транскрипция, транслитерация, калькирование, описательный перевод.

Транскрипция основана на фонетическом принципе, т.е. на передаче русскими буквами звуков английского наименования. Этот способ исходит из подлинного звучания английского слова. Методом транскрипции передаются слова *establishment* (истэблишмент), *tribalism* (трайбализм), *superman*. К этой категории относятся также многочисленные научные термины, например, *sceptron* – скептрон, устройство для опознания речевых сигналов путем спектрального сравнения, а также слова, заимствованные из других языков: *a priori*, *alma mater*, *curriculum vitae* (CV), *a la carte*, *carte blanche*, *summit*.

Транслитерация основана на передаче графического образа, т.е. на передаче букв и используется для передачи имён собственных (*Elliot* – Эллиот), географических названий (*Salt Lake City* – Солт Лейк Сити), особенностей общественной жизни и материального быта (*zastolje*, *glasnostj*, *perestrojka*, *draniki*, *фиеста*, *резюме*, *брифинг*, *лобби*, *холдинг*, *тендер* и т.д.).

Для передачи лексики, не имеющей соответствий в языке перевода, используется калькирование, т.е. создание нового слова, словосочетания или сложного слова для обозначения соответствующего предмета на основе элементов и морфологических соотношений уже

реально существующих в языке. Например: *global village* (всемирная деревня), *trial balloon* («пробный шар», зондаж общественного мнения), *humanitarian intervention* (гуманитарная интервенция, т. е. вмешательство гуманитарных организаций во внутренние дела отдельных стран в случае серьёзных нарушений прав человека или крайней нужды в гуманитарной помощи).

Последний пример свидетельствует о том, что нет такого слова, которое не могло быть переведено на другой язык описательно. Выбор наиболее удачного переводческого решения обусловлен ситуацией. Возьмём следующую фразу из «Computer Crime. Criminal Justice Resource Manual», *The final subsection explains 12 technical methods used to perpetrate computer-related crime, including: data-diddling – несанкционированное изменение данных до или во время их ввода в компьютер, Trojan horses – тайное введение в чужую программу команд, позволяющих ей осуществлять незапланированные её владельцем функции при сохранении способности выполнять и её обычные, запланированные функции, salami techniques – кража с помощью компьютера небольших сумм денег или других ценностей с большого количества счетов посредством перевода ценностей на определенные счет без заметного уменьшения общей суммы воруемых ценностей, logic bombs – тайное встраивание в машинную программу набора команд, которые должны сработать при определенных условиях в определенное время для совершения различных преступных актов, piggybacking – проникновение в машинный зал или получение незаконного доступа к компьютеру или терминалу с целью совершения преступных актов, data leakage – тайный вывод из компьютера нужных данных, замаскированных под обычные, не вызывающие сомнения данных, superzapping – несанкционированное использование обслуживающей программы «утилиты» в обход средств контроля над доступом к ней с целью модификации, уничтожения или выведывания данных.*

Очевидно, что пользоваться описательным переводом неудобно и переводчику пришлось бы до минимума сократить перевод-объяснение, давая только часть описания. Разумнее всего эти термины передать с помощью транскрибирования (с элементами транслитерации) и калькирования. (*«В последнем подразделе описываются 12 технических методов совершения компьютерных преступлений, в том числе метод диддлинга, метод троянского коня, метод сальями, метод суперзеппинга, метод логических бомб, метод утечки*

данных и метод пиггибекинга. Заимствования «диддлинг», «суперзеппинг» и «пиггибекинг» впишутся в уже освоенную русским языком модель («брифинг», «прессинг», «крекинг» и т. п.). Выражения «троянский конь» и «утечка данных», а также слово «салиями» уже освоены русским языком, а выражение «логическая бомба» не противоречит нормам русского языка («нейтронная бомба» и т. п.). В данном случае эти заимствования (с возможными сносками) будут гораздо удобнее длинных описательных переводов, тем более что они вписываются в уже привычную словообразовательную модель.

Речевая мода и её влияние на язык – тема неисчерпаемая. Модные слова, «словечки», выражения, фразы – всё то, что объединяется английскими словосочетаниями в заголовке этой статьи, – играют огромную роль в развитии любого языка, возможно, не меньшую, чем необходимость именовать новые явления действительности. Нельзя согласиться с мнением, что языковая мода – явление паразитарное, эфемерное, что модные слова исчезают, не оставляя следа или перерождаются в стёртые клише. Во всех этих «обвинениях» есть доля истины (достаточно вспомнить такие модные сейчас слова-паразиты, как «как бы, на самом деле»), но человек, который хочет понять язык и общество, не может позволить себе ими ограничиться. Что касается переводчика, то он должен «следить за модой» во всех языках, с которыми работает.

Чаще всего это слова и выражения из числа общеупотребительных:

Relate to – I don't relate to it – мне это неинтересно, я этого не понимаю, я с этим не согласен; *pipeline – in the pipeline* – в работе, на подходе; *subtext* – подтекст; *oxymoron* – любое внутреннее противоречие, высказывание или мнение; *deja-vu* – означает: «старо как мир»; *snopes* – амер. беспринципный, неразборчивый в средствах политический деятель, бизнесмен. (Snopes – один из героев У.Фолкнера.), *hat in the ring* – вызов брошен, объявление о намерении баллотироваться на выборах. Впервые это выражение употребил Ф. Д. Рузвельт. Во времена колонизации североамериканского материка житель западных штатов, вызывая противника драться, бросал в круг свою широкополую шляпу, *generation D* – (о новом поколении, выросшем в условиях компьютерного бума: digital devices and digital culture) впервые появилось в The Baltimore Sun в 2000 году и с тех пор стало довольно часто употребляться как в устной речи, так и в прессе, *conventional wisdom* – общепринятое мнение, *empower* –

помочь, окрылить, вселить надежду (empowerment – предоставление возможностей, повышение роли, обретение своего места; *to walk the talk* – слово не должно расходиться с делом, т. е. поступай так как говоришь, *reinvent* появилось в 90-х годах и означает «перестроить, переосмыслить» - *to reinvent government* – переосмыслить роль государства, *to reinvent welfare* – перестроить систему, *to be in denial* – пришло из психиатрии и означает «отвергать, не желать воспринимать неприятную, негативную информацию». *Are we in denial?* – Мы не хотим видеть очевидного? *Been there, done that* - модное выражение, означает «на эти грабли мы уже наступали». Это выражение встречалось в речи М. Олбрайт.

Слово *icon* стало настолько модным в американской журналистике, что некоторые публицисты уже кричат «караул». И, действительно, такое, например, предложение: *Madonna is a pop icon* – для христиан, православных звучит довольно дико.

Вот пример из заметки из журнала *Time*, где речь идёт о закрытии существовавших много десятилетий магазинов дешевого товара компании «Вулверс». *When Woolworth announced it was closing its 400 remaining F.W. Woolworth stores <...> it seemed that another American icon was being swept aside by the cruel winds of change.* – <...> казалось, что ещё один символ американского образа жизни сметён с лица земли суровым ветром перемен.

Русское «икона» в переносном значении употребляется, но не совсем так, как английское слово. Русское «икона» значит «предмет поклонения», английское *icon* – что-то вроде, как сейчас модно говорить, «знаковой фигуры». Интересно слово *iconoclastic*. Этимологически оно восходит к христианской секте «иконоборцев», но многие из тех, кто употребляет это слово по-английски, если и знали, то давно забыли об этом. *An iconoclastic book*, например, это книга, в которой ниспровергаются авторитеты. В конкретных контекстах можно подыскать интересные переводы, например, «возмутитель спокойствия», или использовать такие слова, как «смелый, мятежный, критически настроенный».

Таким образом, в процессе перевода, наряду с сопоставлением различных языковых систем, происходит сопоставление разных культур. Когда в процессе перевода текст переадресовывается иноязычному читателю, располагающему другим объёмом фоновых знаний, необходимо адаптировать исходный текст, т.е. внести определенные поправки на социально-культурные, психологические и

иные различия между получателями исходного текста и текста перевода.

Список литературы

1. Локетт, Б. Почему так? Знакомые английские слова в необычных выражениях [Текст] / Б. Локкет. – Москва, 1998
2. Алексеева, И. С. Профессиональный тренинг переводчика : учеб. пособие [Текст] / И. С. Алексеева. – СПб : Союз, 2001.
3. Караичева, Т. В., Филимонова Г.Б., Дубинко С.А. Практикум по переводу (английский-русский) [Текст] / Т. В. Караичева, Г. Б. Филимонова, С. А. Дубинко. – Минск : БГУ, 2002.

List of Literature

1. Lokett, B. Pochemu tak? Znako-mye anglijskie slova v neobychnyh vyrazhenijah [Tekst] / B. Lokket. – Moskva, 1998
2. Alekseeva, I. S. Professional'nyj trening perevodchika : ucheb. po-sobie [Tekst] / I. S. Alekseeva. – SPb : Sojuz, 2001.
3. Karaicheva, T. V., Filimonova G.B., Dubinko S.A. Praktikum po perevodu (anglijskij-russkij) [Tekst] / T. V. Karaicheva, G. B. Filimonova, S. A. Dubinko. – Minsk : BGU, 2002.

**CONTRASTIVE ANALYSIS OF ZOOMORPHIC PHRASEOLOGY
IN ENGLISH, RUSSIAN AND KAZAKH**

N. V. Potseluyeva, T. N. Fedulenkova

Статья посвящена сопоставительному анализу фразеологических единиц с зооморфным компонентом в трех дальнородственных языках: английском, русском и казахском. Работа нацелена на выявление общих и специфических характеристик исследуемых ФЕ.

Keywords: phraseological units, contrastive analysis, genetic prototype, semantic transformation, metaphor.

The paper is dedicated to contrastive analysis of English, Russian and Kazakh phraseological units (PUs) based on metaphor, which is considered to be one of the most frequent types of semantic transformation of the genetic prototype of idioms and other phraseological units [7. C. 125]. The theoretical base of the paper is A. V. Kunin's method of phraseological identification [5. C. 38], V. D. Arakin's method of typological comparison [1. C. 25; 2. C. 34] and the phraseological conception of cross-cultural communication initiated by E. F. Tarasov [6. C. 7]. The research investigates culturally marked associations that characterize the concepts "war" and "peace" represented by means of animal terms, or zoomorphisms, as constituent parts of English, Russian and Kazakh PUs, gives their analysis and comparison. Our attention is focused on positive and negative evaluation of the concepts "war" and "peace" in the language picture of the world in different cultures.

The term "*a language picture of the world*" for the first time appeared in L. Vitgenstein's works, devoted to researches in the field of philosophy and logic. Further it starts to be used in other sciences which center of studies is the person and its interaction with the world around. Modern linguists, such as N. D. Arutyunova, A. P. Babushkin, G. V. Kolshansky, A. N. Leontjev, V. N. Teliya, consider a picture of the world as ideal formation which consists of structurally organized components, possesses the certain properties, carries out functions inherent in it and naturally develops.

As *a language picture of the world* in work it is understood historically developed in ordinary consciousness of the given language community and the set of images reflected in language, concepts, stereotypes and

the symbols, representing knowledge of certain people of world around which consciences at a level are stored in the form of concepts. *The concept* has no unequivocal interpretation in a science about the language at the present stage of its development. Various points of view on the concept in linguistics have been presented by Y. S. Stepanov, E. S. Kurbryakova, V. I. Karasik, A. Vezhbitskaya, etc. In our understanding *the concept* is the unit of collective knowledge/ consciousness obtaining the maximum cultural wealth, having language expression and characterized by ethnocultural specificity.

War as a political phenomenon finds a conceptual embodiment in English, Kazakh and Russian-speaking pictures of the world. Concepts “War” and “Peace” are cultural concepts which basic maintenance in the English, Russian and Kazakh languages is reduced to the following attributes:

- the detail-shaped part of the concept is the generalized image of opposition and friendship of the parties;
- the conceptual part of the concept is a language designation of characteristics of war and a peace life;
- the valuable part of the concept is explicit and implicit norms of behavior accepted in a society.

The concepts under study are numerous displayed in the English, Russian and Kazakh languages, being expressed, mainly, in semantics of phraseological units in the form of universal attributes of war and peace. Concepts “War” and “Peace” concerning abstract names are structured metaphorically in investigated language pictures of the world and have a trope expression in compared languages.

In a modern anthropological paradigm of linguistic researches in which different aspects of reflection of the human factor in language are presented, the reference to the metaphorical models describing the person on the basis of different kinds of figurative analogies is natural. Metaphorical modelling of fragments of a language picture of the world is based on the fact that “practically all objects of reality potentially possess ability to expression of this or that attribute” [4. C. 69]. However language is selective in a choice of figurative correlations: characteristic function of associative analogue is received, first of all, by that which is valuably marked in consciousness of native speakers. Thus “... created and kept in memory of association concern to various levels and possess the universal, national, social, professional or subjective-personal status” [4. C. 69]. Metaphor, being the universal way of a nomination based

on associations on similarity, at the same time includes the subjective factor of perception of the validity: collective, socially “filtered”, and individual estimations meant. One of the most popular models of a metaphorical nomination is the *metaphor of zoomorphism*, which cognitive source serves “an image” of an animal, transferred on the person. Such metaphors are ethno-culturally marked and arouse special interest to their study in the comparative aspect.

The zoomorphic metaphor models an image of the person by a principle of “mirror reflection”: on the one hand, to an image of an animal are attributed anthropomorphic properties (character traits, behavior, a way of life of the person), on the other hand, this image is projected on the person to whom characteristics of zoomorphisms (habits, customs, appearance of an animal) are attributed. On the basis of this cognitive mechanism universal typological models of zoomorphic metaphors are formed: “appearance of an animal – appearance of the person”, “behavior of an animal – behavior of the person”, etc.

Social-political phenomena “War” and “Peace” play an exclusively important role in Russian-speaking and Kazakh-speaking cultures and an essential role in English-speaking one. To these phenomena a set of researches in the field of philosophy are devoted, as well as of sociology, psychology, history, political science. In the linguistic literature the given phenomenon opposition gets plural and different language designation in Russian, Kazakh and English languages, including that in the form of metaphorical zoomorphisms. The following hypothesis is put forward to form a basis of the research: concepts “War” and “Peace” represent complex mental formation in which it is possible to allocate the certain attributes partially conterminous in Russian, Kazakh and English-speaking pictures of the world. The given concepts are reflected in language units of different types and characterized by national specificity; they are cultural concepts, i.e. they have figurative, conceptual and valuable characteristics. The metaphorical zoomorphisms are organized in, joined in a language picture of the world as the structured fragment of the estimated characteristic of the person.

We consider, the cross-cultural approach is the most productive for the analysis of a metaphor in comparative aspect as in the focus of such analysis there is an ethnocultural specificity of figurative symbolics of nominative units. Papers of a number of linguists have been devoted to the cultural aspect in research of metaphor: I. V. Zakharenko, R. F. Ilyasov, V. I. Karasik, E. M. Vereshchagin, M.M. Kopylenko, V. G. Kostoma-

rov, D. B. Gudkov, V. N. Teliya, etc. This aspect allows to investigate not only semantic structure of a word, but also to describe it in diverse communications, in alive functioning, in a context of concrete culture inclusive. Thus the special role for the description of metaphorical nominations is got with concept connotation which is considered as a way of influence on the addressee, and the attribute underlying metaphorical carries, serves for expression of the emotive-estimated and stylistic-marked attitude of the subject of speech to the validity.

Judging by the results of the metaphorical analysis of zoomorphisms in the English and Russian languages the following aspects of war are negatively estimated:

UNLEASHING. *Let loose the dogs of war* – to lower dogs of war – to unleash a war, *wake a sleeping dog* – to wake a sleeping dog – to embitter the dangerous person, *beard the lion in his den* – to attack the enemy in its own dwelling, fearlessly to challenge to the dangerous opponent, *разбудить спящего пса* – to embitter the dangerous person, *ат құйрығын кесіп кету* – to cut a tail to a horse – to become the foe, *ат кекілін кесісу* – to cut bangs of horses to the conflicting parties – to tear communications, attitudes with someone.

ATTACK. *Swoop like the eagle* – to rush as a kite to extraction, *залетел как ястреб* – has flown promptly, unexpectedly, *налететь коршуном* – promptly and spitefully to throw on someone, *арадай (араша) талау* – to bite, as a plenty of bees – to attack from different directions, *құтырған қасқыр тигендей болды* – as the flown mad wolf, *қырғидай тию* – to attack, as the hawk – to exterminate ruthlessly.

ENMITY. *To live cat and dog life* – как кошка с собакой, *ит пен мысықтай* – to be always snarling and quarreling, as cats and dogs, whose aversion to each other is intense, *черная кошка пробежала* – there was a quarrel, quarrel between someone, *ит ыржың* – misunderstanding, friction, the dog squabbles.

SLAUGHTER. *Shoot the sitting duck (or pheasant)* – to shoot on a sedentary duck (pheasant) – to ruin the person, having taken advantage of its feebleness, *покалечить как Бог черепаху (to cripple as the God a turtle)* – to spoil, mutilate, *көк ала қойдай қылу (ему)* – to make similar motley sheep – to beat someone badly.

TREACHERY. *A cat in the pan* – traitor, *yellow dog* – the mean, cowardly person, the contemptible essence.

COWARDICE. *Заячья душа/ натура, труслив как заяц* – the cowardly person, *қоян жүрек* – the hare heart – a cowardly, shy person.

HORRORS AND CONSEQUENCES OF WAR. *The dogs of the war* – the horrors of war, especially famine, sword and fire, *kill smb like a dog* – to kill as a dog, *показать где раки зимуют* (*to show where cancers winter*) – to teach a good lesson, severely to punish someone, *шаңырағына ат ойнату* – to tread on a horse shanyrak (the top part of urta – the portable dwelling of the Kazakhs) – to finish with someone, *жылан (күйе) жалағандай* – as if the snake licked – all has disappeared, became absolutely empty, *басы айдауда, малы талауда* – in a captivity, all cattle is stolen – enemy, devastating attack.

Metaphorical zoomorphisms are referred to the model “War is a fauna” for which conceptual vectors of cruelty and the aggression are significant, therefore the given model abounds with designations of the actions inherent in predatory animals that causes disturbing associations, feeling of danger. At the same time as objects of a positive estimation the following situations act:

DISPLAY OF COURAGE, BOLDNESS. *Fight like a lion* – драться, сражаться как лев, *as brave as a lion* – храбрый как лев, *(as) game as a cockerel* – desperately courageous, dared as the cock, *арыстан жүректі* – lion’s heart, brave, *бәрі бет батылдық* – the wolf boldness.

PRESENCE OF FIGHTING EXPERIENCE. *War horse* – fighting horse, the veteran, *матерый волк* – the skilled, knowing person, the old salt – the skilled seaman, *кәрі тарлан* – old racer, old horse – much tested for the century, very skilled person.

THE HELP IN FIGHT. *Ат сүйек беру* – to assist a horse – to pick up the glorified soldier at whom in fight the horse perishes, and to plant on other horse.

The theme of conflicts and wars has always taken an important place in consciousness of the person, and it is possible to tell without exaggeration, that the history of mankind as a whole and the history of each separate civilization is a history of wars. In the English language consciousness the concept “War”, in most cases, is explicated by means of metaphorical zoomorphisms *a dog* and *a horse*, etc., which cultural value is difficult to overestimate, knowing the history of wars of England and the love of Englishmen to hunting. For example, zoomorphism *to hold with the hare and run with the hounds* means “to play a double and deceitful game, to be a traitor in the camp”.

In Russian the realization of the concept “War” might be explained by a historical course of establishing and development of the Russian state: its history has developed in such a way that practically almost every

generation has experienced war or its consequences, therefore military lexicon has formed a whole layer of the language. Military experience traditionally found and continues to find the reflection in national mentality. It gives us the basis to draw a conclusion that the concept under study may be numbered among culturally significant ones. In the Kazakh language consciousness the concept “War” is more often realized through the metaphorical zoomorphisms designating pets: *қойдай өргизін, қозыдай көгендеді* – to graze as sheep – completeness of authority. Historically it is explained by a nomadic way of life of the Kazakhs. Military actions were in most cases – attacks of one sort on another which often had an extortionate, devastating character – they took away property, withdrew cattle.

As a result of comparison of metaphorical zoomorphisms describing the concept “War” in English, Russian and Kazakh, it has been found out that similarity between them is observed in fundamental values both of moral, and utilitarian character. So, the images of *a cat* and *a dog* invariably designate the conflicting parties, and the image of *a lion* associates with courage in the language pictures in all the three languages compared. Distinctions lie in the way of expression, distribution and combination theory of norms, in the degree of their urgency for the compared pictures of the world. The researcher’s attention is drawn by the specificity of the images that accompanies designations of the concept of *submission* and *suppression*. In English it is a comparison of the big and small fishes, in Russian – twisting in the mutton horn, in Kazakh – a stick and a horse.

The corpora analyzed testifies to the fact that in all cultures the universal values defining norms of behavior of the language person are significant. Peaceful existence is the purpose of any person, any state. Each country aspires to be independent, to find freedom, to live in riches and, at the same time, to protect the interests, to maintain friendly relations with other states.

Concept “Peace” is represented by the following zoomorphisms:

FRIENDSHIP. *Мы с тобой как рыба с водой* – inseparable friends, *құлынөтайдай айқасты* – friends are inseparable as a foal and a two-year-old horse.

FREEDOM. *The dove of peace, голубь мира* – symbol of the world, *вольная птица (free bird)* – the free, independent person, *жить как птица небесная (to live as a bird heavenly)* – to live carefree, *не нужна соловью золотая клетка, а нужна зеленая ветка (the gold cell is not necessary to a nightingale, but the green branch is necessary)* – freedom is better than riches, *бақыт құсы* – bird of happiness.

ABUNDANCE. *Live like a fighting cock* – to live in luxury. Fighting cocks used to be high fed in order to aggravate their pugnacity and increase their powers of endurance, *loaves and fishes* – earthly blessings, *есек құрты мұрнынан түсті* – to get rid from difficulties, to achieve a good life, *ақ түйенің қарны жарылу* – to belly of a white camel to be unstitched – a joyful feast on the occasion of a victory.

The comparative analysis of conceptual metaphorical zoomorphisms in the English, Russian and Kazakh language pictures of the world has revealed national stereotypes, valuable orientations, and also allocated both universal and specific metaphorical dominants in representation of the world, e.g. representation of freedom which is associated with a bird by the Englishmen, Russians and Kazakhs. The specificity of the Kazakh phraseological unit: *қой үстіне бозторғай жұмыртқалаған (ұялаған) заман* is evident: it means *the time when the lark lays eggs (nests) on a sheep*, which designates a happy, serene life, peace time, prosperity. The phraseological unit is formed to designate a certain historical period in the life of a society when peace and general prosperity come, when the people get riches and prosperity. In visual representation it is possible, when on backs of peacefully grazed sheep raise the jacks and steppe larks hatch an egg in them. That symbolizes a peaceful, fertile life in a society.

Thus, in the Russian, English and Kazakh languages, with all their dissimilarity of lexical and grammatical systems, there are universal metaphors. Similarity of images consists in that “different languages, independently from each other, resort to identical metaphorical transferences” [3. С. 32]. Such similarity of thinking reveals the conventional nature of metaphorical images in different linguistic cultures and it explains the existence of basic metaphorical models in languages which is a universal way to represent the concepts.

As a result we see what conceptual sphere “fauna” is used equally widely in English, Kazakh and Russian pictures of the world, i.e. metaphor borrowed from the world of wildlife is traditionally an important part of a conceptual picture of the world in language consciousness of the person. The metaphorical models under study reveal evident cultural bias and reflection of features of national mentality and political traditions. We have found out that the language picture of the world possesses numerous ethno-specific features that are caused by historical, social, psychological, and many other factors. Phenomena of war and peace as social and political ones represent fragments of a language picture of the world.

The research shows that concepts “War” and ”Peace” find frequent and various display in the Russian, Kazakh and English languages, being expressed by the semantics of phraseological units of different levels in the form of universal features of war and peace. Specificity of the features consists in the originality of their combinatory models. In a linguistic-cultural approach the most valuable are metaphorical zoomorphisms which interpretation has allowed us to find out similarities and distinctions in reflection of the certain fragment of world around in consciousness of the people speaking different languages. At the level of frame structure the greatest distinctions caused by specificity of national languages and national consciousness are found out. Research of metaphorical models concepts “War” and “Peace” reveals the models of most evidently reflected cultural traditions and features of national mentality of native speakers.

References

1. Аракин, В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков [Текст] / В. Д. Аракин. – Л. : Просвещение, 1979.
2. Аракин, В. Д. Структурная типология русского и некоторых германских языков (единицы сопоставительно-типологического анализа языков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / В. Д. Аракин. – М., 1983.
3. Гак, В. Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка [Текст] / В. Г. Гак. – М. : Наука, 1988.
4. Глазунова, А. Н. Логика метафорических преобразований [Текст] / А. Н. Глазунова. – СПб, 2000.
5. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка [Текст] / А. В. Кунин. – М. : Высш. шк. ; Дубна : Феникс, 1996.

References

1. Arakin, V. D. Sravnitel'naja tipologija anglijskogo i russkogo jazykov [Tekst] / V. D. Arakin. – L. : Prosvevlenie, 1979.
2. Arakin, V. D. Strukturnaja tipologija russkogo i nekotoryh germanskih jazykov (edinicy sopostavitel'no-tipologicheskogo analiza jazykov) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Tekst] / V. D. Arakin. – M., 1983.
3. Gak, V. G. K tipologii funkcional'nyh podhodov k izucheniju jazyka [Tekst] / V. G. Gak. – M. : Nauka, 1988.
4. Glazunova, A. N. Logika metaforicheskikh preobrazovanij [Tekst] / A. N. Glazunova. – SPb, 2000.
5. Kunin, A. V. Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo jazyka [Tekst] / A. V. Kunin. – M. : Vyssh. shk. ; Dubna : Feniks, 1996.

6. Тарасов, Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания [Текст] / Е. Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 7–22.
7. Fedulenkova, T. Isomorphism and Allomorphy of English, German and Swedish Phraseological Units Based on Metaphor [Текст] / T. Fedulenkova // *Phraseology 2005: The many faces of Phraseology: Proceedings of an interdisciplinary conference.* – Louvain-la-Neuve, 2005. – P. 125–128.
6. Tarasov, E. F. *Mezhkul'turnoe obshenie – novaja ontologija analiza jazykovogo soznanija* [Tekst] / E. F. Tarasov // *Jetnokul'turnaja specifika jazykovogo soznanija.* – M., 1996. – S. 7–22.
7. Fedulenkova, T. *Isomorphism and Allomorphy of English, German and Swedish Phraseological Units Based on Metaphor* [Текст] / T. Fedulenkova // *Phraseology 2005: The many faces of Phraseology: Proceedings of an interdisciplinary conference.* – Louvain-la-Neuve, 2005. – P. 125–128.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

ВКЛЮЧЕНИЕ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ОБЩЕНИЯ В СИСТЕМУ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖЕЙ ПО ТУРИЗМУ

Е. С. Капинова

Специалисты в области иностранного туризма имеют дело с гостями, эффективное деловое общение с которыми зависит от того, насколько правильно и психологически грамотно выстроена система вербальных и невербальных коммуникаций. Невербальное профессиональное общение является предметом обучения и должно быть включено в учебную программу по иностранному (русскому) языку в Колледжах по туризму. Это предполагает разработку специальной технологии обучения невербальной профессиональной коммуникации на русском языке студентов конкретного профессионально ориентированного вуза.

Ключевые слова: невербальный, общение, профессиональный, туризм, коммуникация, технология обучения, русский язык, учебный процесс.

Развитие международного туризма привело к смене парадигмы обучения иностранным языкам в болгарских вузах. Овладение иностранным языком как средством профессионального общения в сфере международного туризма предполагает знание иноязычной культуры в самом широком смысле этого слова.

Профессиональное общение работника сферы иностранного туризма (директора гостиницы или ресторана, менеджера, дежурного администратора в гостинице, метрдотеля в ресторане) с носителями русского языка рассматривается автором как диалог двух культур (болгарской и русской), успешность которого зависит от умения адекватно воспринимать и понимать позицию гостя, его эмоциональное состояние, декодировать национально-культурные особенности поведения. Достижение взаимопонимания и выработка общей позиции связаны с умением обслуживающего адекватно использовать средства невербального общения в профессиональной сфере деяте-

льности – в гостиничных и ресторанных комплексах на курортах Болгарии. Это означает: адекватно выражать свои мысли, акцентировать главное и необходимое, подчеркивать и иллюстрировать сказанное, демонстрировать открытую позицию по отношению к гостю, заинтересованность и готовность решать поставленные гостем проблемы. Существенную роль в реализации этих коммуникативных умений в сфере иностранного туризма играет невербальное поведение коммуникантов, которое включает в себя и межкультурную компетенцию.

Профессионально ориентированное обучение русскому языку студентов Колледжей по туризму при Университете им. проф. д-р Асена Златарова в городе Бургасе направлено на формирование и развитие языковой, речевой, коммуникативной, страноведческой и межкультурной компетенций. Конечная цель обучения русскому языку специалистов узкого профиля – практическое владение языком в ситуациях профессионального общения с носителями русского языка в сфере иностранного туризма.

Профессиональное общение на русском языке будущих руководящих кадров и специалистов в области иностранного туризма основывается на речи коммуникантов в ситуациях непосредственного обслуживания гостей в **диаде обслуживающий – гость**, на их речевой деятельности, речевом и неречевом поведении. Профессиональное общение на русском языке работника сферы международного туризма в Болгарии выражается языковыми и неязыковыми средствами, которыми он должен владеть, чтобы быть коммуникативно компетентным и конкурентоспособным на туристическом рынке.

Специалисты в области иностранного туризма имеют дело с гостями, эффективное деловое общение с которыми зависит от того, насколько правильно и психологически грамотно выстроена система вербальных и невербальных коммуникаций. Поэтому обучение не только вербальной, но и невербальной профессиональной коммуникации студентов, будущих работников туристической сферы, представляется важным, актуальным и своевременным.

Невербальная профессиональная коммуникация в сфере делового общения должна быть осознанной, поэтому она является предметом исследования, обучения и особого внимания.

Практика работы показала, что незнание специфики невербального общения определенной культуры со стороны обслуживающего в сфере иностранного туризма может привести к непониманию самой коммуникации и дезинформации. К большому сожалению,

средства невербального делового общения в учебном процессе все еще не являются предметом специального обучения – не только при усвоении иностранного языка, но и родного.

Невербальное общение обслуживающего с гостем в ситуациях профессиональной коммуникации на русском языке в сфере иностранного туризма является неотъемлемой частью его профессионального общения, которое реализуется специфическими средствами коммуникации. Паралингвистические средства и невербальное поведение выполняют в акте общения коммуникантов функцию конкретизации смысла высказывания. Это создает его подтекст и влияет на восприятие вербального сообщения.

Межкультурная компетенция – важный компонент профессиональной подготовки будущих руководящих кадров и специалистов в области иностранного туристического обслуживания и предполагает владение совокупностью знаний о культуре народа, на языке которого происходит обслуживание русскоговорящих туристов в Болгарии. Особенно ярко это взаимодействие выражается в сфере международного туризма.

Коммуникативная компетенция проявляется на уровне развития речевых контактов между обслуживающим и гостем в ситуациях профессионального общения.

Речевое общение обслуживающего включает: значение и смысл слов или фраз; речевые и звуковые явления; выразительные качества голоса.

Невербальная профессиональная компетенция выражается в умении управлять внешними проявлениями чувств и эмоций коммуникантов: **мимикой, жестами, позой, визуально**. Эти невербальные компоненты несут в себе большую информацию. Обслуживая туристов в гостиничных и ресторанных комплексах на русском языке, выпускники Колледжей по туризму напрямую имеют дело с гостями, эффективное деловое общение с которыми зависит от того, насколько правильно и психологически грамотно выстроена система вербальных и невербальных коммуникаций.

В понятии невербального языка заключается не только умение обслуживающего интерпретировать жесты и мимику гостя, но и контролировать свое поведение, уметь управлять им. Невербальное общение в сфере иностранного туризма включает в себя и понятие личной территории человека, ее зоны; национальные особенности поведения коммуникантов; их взаимное расположение во время об-

щения в гостиничных и ресторанных комплексах Болгарии.

Чувствительность к невербальным проявлениям предъявляет обслуживающему в сфере иностранного туризма требование уделять особое внимание способам профессионального общения с гостем (в диаде **обслуживающий-гость**), которые показывают их способность к установлению контакта. Невербальное поведение и те сообщения, которые обслуживающий передает гостю, могут влиять как позитивным, так и негативным образом. Невербальные проявления способствуют доверию, открытости коммуникантов, но могут также приводить к недоверию и даже обиде со стороны гостя.

Общеизвестно, что общение - это специфический способ взаимных отношений между людьми, где особое внимание уделяется устной коммуникации, предполагающей взаимодействие невербальных и вербальных средств общения. Разновидностью общения является речь профессионального общения, которая обладает характеристиками диалогического текста, где представлены **невербальные и вербальные средства** общения в их взаимодействии, без чего процесс понимания не будет полным.

Актуальность поставленной проблемы обусловлена тем, что профессиональное общение на иностранном языке коммуникантов в сфере иностранного туризма занимает важное место в современных типах общения, а **невербальное поведение является его неотделимой составной частью**.

Проблема обучения невербальным средствам в профессиональном общении на иностранном (русском) языке студентов профессионально ориентированного вуза (в частности студентов Колледжей по туризму в Болгарии) все еще остается неразработанной. Если невербальные средства в учебный процесс и включаются, то как интересный, дополнительный материал к определенной теме. Но это бывает крайне редко.

Содержание невербального профессионального общения рассматривается автором как учебный материал, часть обязательного коммуникативного минимума, который должен быть включен в общую систему обучения русскому языку в профессионально ориентированном вузе.

С целью подтверждения необходимости включения средств невербального профессионального общения в систему обучения русскому языку как **предмету обучения** в Колледжах по туризму были разработаны следующие вопросы:

- теоретическое обоснование необходимости использования невербального профессионального общения при обучении русскому языку студентов Колледжей по туризму;

- анализ сферы реальной профессиональной коммуникации студентов;

- отбор методически значимых и целесообразных средств невербального общения, соответствующих целям обучения;

- разработка технологии формирования умений использования компонентов невербального общения в ситуациях профессиональной коммуникации на русском языке;

- разработка системы упражнений по развитию невербальной профессиональной компетенции студентов.

Кроме того, была проделана следующая работа:

- исследована сфера делового общения с целью определения параметров функционирования невербальных средств общения в речи обслуживающего с гостем на русском языке;

- отобраны реальные ситуации делового общения, где используется невербальное деловое поведение;

- изучено взаимодействие вербальных и невербальных средств в акте профессиональной коммуникации на русском языке в диаде обслуживающий-гость;

- выявлена специфика этикета невербального делового общения обслуживающего с гостем в сфере иностранного туризма;

- определен объем учебного материала.

Анализ исследований в области лингвистики и методики обучения иностранным языкам показал, что функционирование невербального компонента общения и формирование умений невербального поведения в ситуациях профессиональной коммуникации обслуживающего с гостем на русском языке все еще не были предметом специального изучения. Поэтому, рассматриваемая в данной статье проблема обучению средствам невербального профессионального общения, подтверждает свою актуальность и своевременность.

Основой жизнедеятельности любой туристической фирмы, курортного комплекса или конкретной гостиницы является вид общения, который определяется как профессионально-деловая коммуникация. Процесс взаимодействия коммуникантов в диаде обслуживающий-гость, направленный на организацию и оптимизацию определенного вида деятельности, решения той или иной конкретной

задачи – казуса, является профессиональной коммуникацией для студентов Колледжей по туризму.

Благодаря профессиональной коммуникации осуществляется анализ и систематизация информации как внутри конкретного туристического предприятия, так и за его пределами, обеспечивается необходимый уровень взаимодействия с сотрудниками, деловыми партнерами, конкурирующими фирмами, конкретными туристами. В интересующей нас сфере иностранного туризма процесс взаимодействия коммуникантов (обслуживающего и гостя) осуществляется в конкретных ситуациях профессионального общения в гостиничных и ресторанных комплексах, расположенных на курортах Болгарии.

В Болгарии в вузах, где подготавливаются кадры для сферы иностранного туризма, невербальное профессиональное общение является неразработанной областью. Для того, чтобы специалисты данной отрасли экономики действительно были на высоте, и их подготовка не была односторонней, необходимо создать модель обучения средствам невербального профессионального общения.

Практика работы и требования современной действительности показали, что невербальное профессиональное общение является предметом обучения и должно быть включено в учебную программу по иностранному языку в Колледжах по туризму. Это предполагает разработку специальной технологии обучения невербальной профессиональной коммуникации на русском языке студентов конкретного профессионально ориентированного вуза.

В тех вузах, где будущая профессиональная деятельность учащихся предполагает частые языковые контакты, или часть своих служебных обязанностей они будут выполнять на соответствующем иностранном языке, также необходимо обучение невербальным средствам общения.

Список литературы

1. Капинова, Е. Невербални компоненти на комуникацията в обучението по професионално общуване на чужд език: сб. науч. тр. Междунар. науч. конф. [Текст] / Е. Капинова. – Варна: Медицинска академия, 2004. – 137–141с.

List of Literature

1. Kapinova, E. Verbalni komponenti na komunikacijata v obuchenieto po profesionalno obwuvane na chuzhd ezik: sb. науч. tr. Mezhdunar. науч. конф. [Tekst] / E. Kapinova. – Varna: Medicinska akademija, 2004. – 137–141s.

2. Лабунская, В. А. Невербальное поведение (социально-перцептивный подход) [Текст] / В. А. Лабунская. – Ростов н/Д : Феникс, 1988. – 246 с.
3. Лабунская, В. А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание [Текст] / В. А. Лабунская. – Ростов н/Д : Феникс, 1999. – 214 с.
4. Леонтьев, А. А. Психология общения [Текст] / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1997. – 239 с.
5. Недкова, А. Практического обучение – элемент от профессионалната подготовка на студентите от Колеж по туризъм: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. [Текст] / В. А. Лабунская. – Варна: Колеж по туризъм, 2009.
2. Labunskaja, V. A. Neverbal'noe povedenie (social'no-perceptivnyj podhod) [Tekst] / V. A. Labunskaja. – Rostov n/D : Feniks, 1988. – 246 s.
3. Labunskaja, V. A. Jekspressija cheloveka: obwenie i mezhlichnostnoe poznanie [Tekst] / V. A. Labunskaja. – Rostov n/D : Feniks, 1999. – 214 s.
4. Leont'ev, A. A. Psihologija obwenija [Tekst] / A. A. Leont'ev. – M. : Smysl, 1997. – 239 s.
5. Nedkova, A. Prakticheskoto obuchenie – element ot profesionalnata podgotovka na studentite ot Kolezh po turiz#m: sb. nauch. tr. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Tekst] / V. A. Labunskaja. – Varna: Kolezh po turiz#m, 2009.

**МЕТОД ДРАМАТИЗАЦИИ
КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ
ТВОРЧЕСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ
ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ**

О. Е. Молчанова

Статья посвящена современным проблемам подготовки педагогических кадров для начальной школы, способных работать с применением активных технологий, в том числе, метода драматизации. Данный метод имеет ряд преимуществ по сравнению с традиционными, т. к. позволяет создать условия, приближенные к естественному общению обучающего и обучающихся, непосредственно на уроке иностранного языка в начальной школе.

Ключевые слова: творческая профессионально-методическая компетентность, активные методы обучения, драматизация, инсценирование, тренинги актерского мастерства, постановка дыхания.

Современная образовательная парадигма предъявляет новые требования к подготовке педагогических кадров. Эффективность процесса обучения требует творческих подходов к формированию профессионально-методической компетентности учителя иностранного языка в начальной школе.

Авторы современных подходов к подготовке учителя все чаще обращаются к проблеме становления творческой личности учителя. Опыт творческой деятельности – это наиболее важный компонент в деятельности учителя, т.к. любая методическая задача есть творческая задача с большим количеством переменных объективного и субъективного характера, связанных с особенностями учебного материала, уровнем обученности учащихся, их общего развития, возрастных и индивидуальных особенностей класса и отдельных учеников; условиями обучения, индивидуальными особенностями учителя, уровнем его профессиональной подготовки и отношением к профессиональной деятельности. Творчество безгранично по своей сути. Творчеству невозможно обучить, но важно научить видеть проблемы, анализировать учебные ситуации, соотносить имеющиеся

ся знания с конкретной учебной ситуацией и принимать решения с учетом этих особенностей, т.е. формировать методическое мышление [5. С. 62]. А это, в свою очередь, предполагает включение в систему подготовки учителя творческого компонента, подготовку их к осуществлению педагогической деятельности на основе творческих технологий, приемов драматизации, инсценирования и других. Современный педагог должен уметь выбирать способы мышления и действия, позволяющие проявлять понимание и терпимость, толерантность к чужим вере, культуре, мироощущению и способствующие сохранению и развитию гуманистической культуры. Современный учитель должен быть способен к сотрудничеству со своими учениками, стать для них референтной личностью, неповторимой, нетипичной, учителем, который может вместе со знаниями, эмоциями и верой передать ребенку свое мотивационно-ценностное отношение к ним. Для этого педагог должен обладать целым комплексом свойств, способствующих индуцированию в них творчества [1. С. 7]. Этот вопрос кажется тем более актуальным в связи с подготовкой учителя иностранного языка в начальной школе, т. к. для детей младшего школьного возраста обучение в школе представляется наиболее трудным. Попытки учителей зачастую оканчиваются неудачей, т. к. при достаточно высокой мотивации к изучению иностранного языка, процесс обучения (учения), связанный с возникающими трудностями отвращает их от иностранного языка на долгие годы. В результате, как мы видим на практике только в старшем школьном возрасте, в связи с необходимостью сдавать экзамены для поступления в вуз, потребность в знании иностранного языка пересиливает страх от трудностей его усвоения.

Многие авторы пишут о нетрадиционных методах и технологиях обучения. Существует ряд концепций по обучению детей иностранному языку в начальной школе. Но, чаще всего, все они сводятся к тому, что основной учебной деятельностью в начальной школе предлагают игру. Бесспорно, игровая деятельность имеет огромный ряд преимуществ, по сравнению с традиционными методами и приемами обучения. Но, часто бывая на практике в школе, мы видим, что игровая деятельность включается, в основном, в так называемые, физкультминутки, проводимые на определенном этапе урока, а собственно учебная деятельность проходит по традиционному сценарию, принятому в средней и старшей школах. Проанализировав уроки студентов во время педагогической практики, а также про-

ведя опрос студентов, мы приходим к выводу, что опыт творческой деятельности представляется одним из наиболее актуальных компонентов деятельности современного учителя иностранного языка в начальной школе.

Формирование педагогического творчества необходимо начинать с первых занятий студентов в педагогическом вузе. Профессия учителя во многом сродни профессии актера. Публичность – специфика работы и учителя и актера. Как актер учитель обращается к чувствам, умам своих учеников, воздействует на их эмоциональную сферу. Поэтому правильная речь это визитная карточка не только актера, но и учителя, и учителя иностранного языка в первую очередь. Общая культура речи, хорошо поставленный голос, четкая, внятная дикция являются неотъемлемыми элементами подготовки учителя, вообще. Красота голоса, его тембр, мелодичность, интонационная окраска во многом зависят от правильной постановки дыхания. От речевого дыхания зависят громкость, чистота и выразительность речи. В ходе развития речи вырабатывается особый речевой механизм дыхания, обеспечивающий правильное звукопроизнесение. Студентам предлагается тренинг, результатом которого является свободное дыхание, формирование мышечного тонуса, артикуляционного аппарата, концентрация внимания [4. С. 69]. Тренинг начинается с постановки дыхания с помощью дыхательных упражнений, которые учат не только правильному дыханию, но и артикуляции звуков английского языка. Вводный курс фонетики, проводимый в первом семестре, может быть организован таким образом, что, наряду с работой над совершенствованием фонетических навыков, тренировкой дыхания мы работаем над техникой речи и формированием актерского мастерства. В качестве эффективного средства формирования техники речи выступают скороговорки, тренирующие различные английские звуки. Студенты получают задания, требующие от них перевоплощения, представления той или иной скороговорки не только от имени различных персонажей, но и с соблюдением различного интонационного рисунка, изменения тембра голоса, темпа речи и т. д. в зависимости от предлагаемых обстоятельств.

Формирование методической компетентности учителя иностранного языка в начальной школе требует от него умения использовать в своей работе метод драматизации. Он, бесспорно, обладает рядом преимуществ, по сравнению, с другими приемами и методами. Драматизацию нельзя считать иллюстрацией рассказа учителя, поскольку

ку в завершённом виде она является самостоятельным созданием учащихся, «оживлением» литературных, исторических, географических сюжетов [2. С. 13]. По мнению Н. А. Малкиной, «звучащий текст рассматривается как постоянное взаимодействие элементов языковой, паралингвистической и кинестетической систем, в которой авербальным компонентам принадлежит важнейшая роль» [3. С. 48]. Этот прием способствует развитию у обучающихся коммуникативной, творческой, культурной, стратегической, социальной и других компетенций. У них формируются навыки непринужденного общения. Он способствует снятию комплексов, позволяет преодолеть стеснительность и застенчивость. Психологи едины в своем мнении - то, что вызывает эмоциональные сопереживания, запоминается гораздо лучше, чем нейтральное. Поэтому активное вмешательство учителя иностранного языка в начальной школе в эмоциональный настрой урока обеспечивает у обучающихся эмоциональные состояния, способствующие лучшему усвоению материала, повышению мотивации, активности, вовлеченности всех без исключения обучающихся в учебный процесс. Для овладения приемом драматизации одним из наиболее важных умений является выразительность речи, постановка дыхания, тон и тембр голоса.

На занятиях по практической фонетике, практике основного иностранного языка, методике преподавания иностранных языков и спецкурсе по обучению иностранным языкам дошкольников и младших школьников мы проводим тренинги по организации драматизации и инсценирования сказок.

Студентам предлагаются задания, предполагающие разыграть сказку непосредственно на уроке иностранного языка в начальной школе, когда инсценирование или драматизация происходят без предварительной подготовки во времени и являются приемом организации учебного занятия, направленного на тренировку и закрепление речевого материала или как элемент повторения. Здесь студенты должны продемонстрировать определенные умения: проективные, конструктивные, организаторские, коммуникативные, гностические, артистизм и творческий потенциал. Оценивая степень развитости вышеперечисленных умений, студенты 4 курса приходят к выводу о недостаточной сформированности у них артистизма (в данном случае мы имеем в виду умения пользоваться голосом, мимикой, жестами, пантомимикой) и творческого потенциала (воображения, импровизации, приемов драматизации и инсценирова-

ния). Интеграция специальных и общепедагогических предметов представляется нам наиболее эффективным условием формирования творческого компонента иноязычной профессионально методической компетентности учителя иностранного языка в начальной школе. Она охватывает весь период обучения в университете, в том числе и педагогическую практику. В результате проведенных тренингов студенты более успешно справляются с поставленными задачами.

Список литературы

1. Булатова, О. А. Использование возможностей театральной педагогики в процессе становления личности учителя: автореф. дис. ... канд. пед. наук [Текст] / О. А. Булатова. – Тюмень, 1999. – 24 с.
2. Иванова, Н. В. методика драматизации сказки как средство развития коммуникативности младших школьников при обучении иностранному языку: дис. ... канд. пед. наук [Текст] / Н. В. Иванова. – М., 2007. – 163 с.
3. Малкина, Н. А. Методика использования сказки в обучении дошкольников устной речи [Текст] / Н. А. Малкина: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2000. – 231 с.
4. Поповицкая, Н. В. Тренировка голоса и дыхания на уроке иностранного языка [Текст] / Н. В. Поповицкая // Иностранные языки в школе. – 2010. – №2. – С. 66–70.
5. Языкова, Н. В. Формирование профессионально-методической деятельности студентов [Текст] / Н. В. Языкова. – Улан-Удэ, 1994. – 236 с.

List of Literature

1. Bulatova, O. A. Ispol'zovanie vozmozhnostej teatral'noj pedagogiki v processe stanovlenija lichnosti uchitelja: avtoref. diss. ... kand. ped. nauk [Tekst] / O. A. Bulatova. – Tjumen', 1999. – 24 s.
2. Ivanova, N. V. metodika dramtizacii skazki kak sredstvo razvitija kommunikativnosti mladshih shkol'nikov pri obuchenii inostrannomu jazyku: dis. ... kand. ped. nauk [Tekst] / N. V. Ivanova. – M., 2007. – 163 s.
3. Malkina, N. A. Metodika ispol'zovanija skazki v obuchenii doshkol'nikov ustnoj rechi [Tekst] / N. A. Malkina: diss. ... kand. ped. nauk. – M., 2000. – 231 s.
4. Popovickaja, N. V. Trenirovka golosa i dyhanija na uroke inostrannogo jazyka [Tekst] / N. V. Popovickaja // Inostrannye jazyki v shkole. – 2010. – №2. – S. 66–70.
5. Jazykova, N. V. Formirovanie professional'no-metodicheskoj dejatel'nosti studentov [Tekst] / N. V. Jazykova. – Ulan-Udje, 1994. – 236 s.

**ДИАЛОГ КУЛЬТУР НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК ИНОСТРАННОГО**

А. С. Петрова

В данной статье будет рассмотрено содержание понятия «диалог культур», его понимание различными исследователями. Особое внимание этому понятию следует уделять в методике преподавания русского языка как иностранного, так как во время занятий студент из разных стран сталкиваются с абсолютно незнакомой культурой и языком, и диалог культур неизбежен.

Ключевые слова: диалог культур, межкультурная коммуникация, русский язык как иностранный, методика преподавания.

Многовековая история человечества – это диалог, диалог разных, порой абсолютно противоположных по духу и содержанию культур. Взаимодействие культур, их диалог – наиболее благоприятная основа для развития межэтнических, межнациональных отношений. В противном случае, если в обществе есть межэтническое напряжение и тем более, межэтнические конфликты, то диалог между культурами затруднен, взаимодействие культур может носить ограниченный характер, а может и вообще отсутствовать, что может привести к военному, силовому разрешению накопившихся проблем. Взаимодействие культур – это сложный процесс, это не простое использование достижений более развитой культуры менее развитой.

По Данилевскому культуры развиваются обособленно и изначально враждебны друг другу. В основе всех этих различий он видел «дух народа». «Диалог – это общение с культурой, реализация и воспроизводство ее достижений, это обнаружение и понимание ценностей других культур, способ присвоения последних, возможность снятия политической напряженности между государствами и этническими группами. Он – необходимое условие научного поиска истины и процесса творчества в искусстве. Диалог – это понимание своего «Я» и общение с другими. Он всеобщ и всеобщность диалога общепризнанна» [12. С. 9]. Диалог предполагает активное взаимодействие равноправных субъектов. Взаимодействие культур и цивилизаций предполагает и какие-то общие культурные ценности.

Диалог культур может выступать как примиряющий фактор, предупреждающий возникновение войн и конфликтов. Он может снимать напряженность, создавать обстановку доверия и взаимного уважения. Понятие диалога особенно актуально для современной культуры. Рубеж XX и XXI веков – это период глобальных инноваций и проектов во всех сферах жизни человеческого общества, в том числе и в культуре.

Проблемами диалога занимались древнегреческие философы – софисты, Сократ, Платон, Аристотель, философы эпохи эллинизма. Диалоговое пространство было ими создано на основе духовной культуры, основанное на признании плюрализма мнений, равноправия точек зрения, признании общечеловеческих принципов, свободы и ценности личности и общества в целом. В средние века диалог использовался преимущественно в нравственных целях.

Хотя диалог, как форма межчеловеческого общения существует с очень дальних времен, но по-настоящему проблемами диалогических отношений занялись немецкие философы И. Кант, И. Фихте, Ф. Шеллинг около 200 лет назад, когда они занимались проблемами субъекта и его познающих возможностей, субъективных и межсубъективных отношений. Далее, развивая идеи Фихте об инаковости и взаимообусловленности «я» и «другого» Л. Фейербах дает начало исследованию диалога начала XX века. И. Гердер считал взаимодействие культур как способ сохранения культурного многообразия. Культурная замкнутость ведет к гибели культуры. Однако, по его мнению, и что верно, изменения не должны затрагивать «ядра» культуры. Современные культуры сформированы в результате многочисленного и длительного культурного взаимодействия. В историческом плане обращение к диалогу всегда является свидетельством смены научной парадигмы. Возникновение диалога в античности было показателем того, что мифическое сознание сметалось философско-дискурсивным, критическим сознанием. Диалоги эпохи Возрождения показывают, что формируется новая парадигма, новый тип сознания. Современная культура тоже начинает переходить к новому типу бытия человека в культуре. В XX веке культура смещается в эпицентр человеческого бытия, что происходит во всех сферах жизни. Диалог культур – это общение многих уникально-всеобщих личностей, доминантой которого является не познание, но взаимопонимание. «В глубинной идее диалога культур формируется новая культура общения. Мышление и бытие другого человека не только

углублено в каждом из нас, оно - это иное мышление, иное сознание, внутренне насущное для нашего бытия» [7. С. 80].

Духовная культура, культура этноса неразрывно связана с религией, то диалог культур «это не просто взаимодействие народов, но и глубокая их мистическая связь, укорененная в вероисповедании» [8. С. 20]. Следовательно, диалог культур не возможен без диалога религий и диалога внутри религий.

Сложность и многомерность диалога дает неисчерпаемые возможности для его исследования. В начале XX века этой проблемой занимались М. Бубер, Ф. Гогартен, Ф. Розенцвейг, О. Розеншток-Хюсси, Г. Коэн, Ф. Эбнер и другие. Классиком теории диалога считается Мартин Бубер. Его труд о диалоге «Я и ты» вышел на русском языке только в 1993 году. Центральная идея философии М. Бубера - бытие как диалог между Богом и человеком, человеком и миром. Диалог созидателен и спасителен, когда он осуществляется при посредстве Бога, его заповедей о нравственности и любви. Именно в этом диалоге выявляется жизненность и самого Бога. Исходным пунктом концепции М. Бубера служит диалогический принцип. Человек обретает собственную сущность только вбирая в себя всечеловеческое, соотнося себя с другими людьми.

Проблемами диалога занимались в социалингвистике (Л. Щерба, Л. Якубинский), литературной и философской герменевтике (Х. Гадамер), феноменологии (Х. Гуссерль, М. Мамардашвили), фундаментальной онтологии (М. Хайдеггер), литературоведении и семиотике (А. Аверинцев, М. Бахтин, М. Лакшин, Ю. Лотман), в основах коммуникации (А. Моль, В. Боров) и т.д. Взаимодействие культур исследовали К. Леви-Стросс, Г. Хершковиц, С. Артановский, С. Арутюнов, Б. Ерасов, Л. Ионин, Н. Иконникова и другие. Межкультурное общение складывается по мере предметных пересечений, выстраиваемых деятельностью языка. Согласно Х. Гадамеру, диалог является своеобразной аппликацией своего и чужого.

Методология взаимодействия культур, в частности, диалога культур, была разработана в трудах М. Бахтина. Диалог по М. Бахтину – это взаимопонимание, участвующих в этом процессе, и в то же время сохранение своего мнения, своей в другого (слияние с ним) и сохранение дистанции (своего места)» [4. С. 430]. Диалог – это всегда развитие, взаимодействие. Это всегда объединение, а не разложение. Диалог – это показатель общей культуры общества. «Диалог не средство, а самоцель. Быть - значит общаться диалогически. Когда

диалог кончается, всё кончается. Поэтому, диалог, в сущности, не может и не должен кончаться.» [3. С. 433]. По М. Бахтину, каждая культура живёт только в вопрошании другой культуры, что великие явления в культуре рождаются только в диалоге различных культур, только в точке их пересечения. Способность одной культуры осваивать достижения другой - один из источников её жизнедеятельности. «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже <...> Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом <...>, между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур <...> При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, но они взаимно обогащаются» [4. С. 354]. Подражание чужой культуре или полное неприятие её должны уступить место диалогу.

Диалог культур – это проникновение в систему ценностей другой культуры, преодоление сложившихся неправильных стереотипов, сохранение и познание самобытного, сопоставление с собственной культурой, что ведет к взаимообогащению обеих культур, заниманию ими равнозначных позиций в мировом культурном пространстве.

Обучение иностранному языку невозможно без изучения и понимания культуры изучаемого языка. В современном мире невозможно изучение иностранного языка без уделения особого внимания культуре страны изучаемого языка. Поэтому современная методика целенаправленно занимается особенностями преподавания культуры страны изучаемого языка. Ведь для успешного усвоения нового языка необходимо хотя бы минимальное понимание культуры, так как культура для народа словно память для человека. Не зная каких-то культурных особенностей народа, человеку сложно понять ценности, мотивы, коммуникативные стратегии при общении с представителями данной культуры.

Методика обучения русскому языку как иностранному (РКИ) представляет собой самостоятельную педагогическую дисциплину о законах и правилах обучения языку и способах овладения языком, а также об особенностях образования и воспитания средствами языка. Принцип диалога культур стал одним из основным в методике преподавания русского языка как иностранного.

В иноязычном образовании Е. И. Пассов считает, что можно столкнуться со следующими трудностями и проблемами.

1. Недопонимание того, что готовность воспринимать чужое (чуждое!) не является естественным свойством человека. Наоборот: биологически человеку свойственна ксенофобия.

2. Недостаточность так называемой «страноведческой компетенции».

3. Недостаточность и бесперспективность пути «овладение языком и культурой», ибо такой путь противоречит сущности взаимоотношения языка и культуры. В этом смысле термин «иноязычная культура» предпочтительнее.

4. Недостаточность так называемого сопоставительного подхода, констатирующего сходство и различие культур.

С точки зрения Е. И. Пассова, проблема диалога культур – лишь название комплекса других проблем, по крайней мере трех: взаимопонимание, менталитет, взаимоотношение культуры и языка.

1. Взаимопонимание

Предполагается, что взаимопонимание является как бы естественным, само собой разумеющимся результатом обучения иностранным языкам. Но практика не оправдывает этих надежд, система не дает ожидаемого результата: взаимопонимание – слишком сложный феномен, чтобы можно было ожидать его появления из ничего. Пока же познавательные, воспитательные, развивающие цели, конечно, заявляются, но не могут быть реализованы, ибо для этого в систему обучения ничего, кроме лозунга о намерениях, не закладывается.

Взаимопонимание включает в себя несколько аспектов. Во-первых, это социологический аспект: осознание общности, зависимость одной культуры от другой. Во-вторых, это социокультурный аспект. В-третьих, это ценностный аспект, ибо только осознание и понимание ценностей другой культуры обеспечивает взаимопонимание. Только взаимопонимание, основанное на признании чужих ценностей, а признании у другого прав на эти ценности, а уважении к этим ценностям (даже если они не принимаются мною), может и должно быть желанной целью. В-четвертых, это психологический аспект. Взаимопонимание всегда ведет к координации, к сотрудничеству, что возможно лишь при условиях, когда: а) предмет общения становится лично значимым для обоих собеседников; б) проявляются отношения сопереживания (эмоциональный контакт); в) оба общающихся приняли ситуацию, поняли её, сняли смысловые барьеры.

Без указанных выше условий взаимопонимание невозможно, так как отсутствует главная предпосылка взаимопонимания, его основа – культура. Присвоенная культура не всегда проявляется в общении, но всегда подразумевается, как невидимая часть айсберга; общающихся объединяет не то, что они говорят (это часто их разъединяет), а то, о чем они молчат, хотя и знают. Без этого не будет взаимопонимания, а потом не будет и принятия чужого менталитета.

2. Менталитет

Ни один словарь не дает четкого и однозначного определения понятию «менталитет». В основе менталитета лежат знания. Чтобы знать, надо: воспринять проанализировать, сопоставить со своим, оценить, включить в систему своих знаний, действовать соответственно новому желанию.

Далее, важно учесть эмоциональное отношение к факту чужой культуры. Человек может отнестись к нему: настороженно, терпимо, нейтрально, принять к сведению, выразить любопытство, восторг, проявить интерес, эмоционально пережить, выразить желание узнать больше и т. д. И в зависимости от уровня ценности той или иной эмоции для учащихся факт чужой культуры переживается либо как факт личной жизни, либо как нечто стороннее. Это также не может не влиять на вхождение в чужой менталитет.

Понятие «менталитет» большинство исследователей вообще избегает использовать. А если и используется данное понятие, то о менталитете кого идет речь – народа или человека? Сложился стереотип, что немцы пунктуальны, а французы тщеславны, но остается вопрос, все немцы и французы таковы? Часто подобные суждения – продукт традиции, родившейся из какого-либо горького опыта. Жизненный опыт показывает, что все вообще никогда ни в чем не бывают одинаковыми, что так называемые типичные национальные черты вовсе необязательно присущи, во-первых, каждому представителю данной нации, а, во-вторых, вполне могут быть свойственны и представителям других наций. Это наводит на мысль о том, что говорить о менталитете правомернее применительно к индивидуальности, которая является неповторимой комбинацией свойств и появляющимся на их основе новым интегративным качеством. Если менталитет то, что отличает один народ от другого, то в строгом смысле слова некорректно говорить о менталитете народа в целом. В данном случае Пассов Е.И. предлагает использовать такие термины «типические черты», «доминантные признаки», «ментальное пространство» и т. п.

Менталитет складывается на базе языка и культуры, но благодаря индивидуальности человека и опыту его деятельности. Менталитет – это национальный аспект мировоззрения человека как субъекта культуры.

3. Язык и культура

Образование – это передача культуры, которая, формирует нравственность человека, делая его духовным; передача культуры осуществляется благодаря механизму общения, в процессе чего происходит развитие до уровня творческого отношения к миру, к деятельности, к себе, что не только дает свободу, но и определяет меру ответственности, ибо такое образование способно сделать человека не только образованным, но и культурным.

На первый план в развитии выступает преемственная социальная связь человеческих поколений, передача результатов практической и познавательной деятельности, овладение младшим поколением орудиями, языком, знаниями, нормами поведения и т. д., его роль в созидании материальных и духовных ценностей. Развитие происходит в процессе взаимодействия человека со средой, обучения и воспитания, овладения языковыми средствами общения, включения в жизнь общества и в его созидательную деятельность. В процессе развития складывается сознание и самосознание, человек становится субъектом общения, учения, познания и труда. Нетрудно заметить, что «культура» и «развитие» по сути «близнецы».

В образовательных целях продуктивно считать, что нет отдельно языка и культуры, – язык есть органическая часть культуры. Факты языка – это те же факты культуры. Именно они – эти факты культуры – становятся для человека ценностью приобретают социальное, человеческое и культурное значение.

Из всего выше сказанного Е. И. Пассов делает следующие выводы о диалоге культур:

1. Диалог культур как и любой диалог есть процесс, в результате которого проявляется, укрепляется (разрушается, исчезает) взаимопонимание. ДК – это процесс взаимодействия двух индивидуальностей, двух ситуативных позиций, двух менталитетов.

2. Для того, чтобы этот «процесс пошёл», нужны предпосылки и факторы разного плана.

а) Человек должен знать определенную систему фактов иностранной культуры, т. е. иметь опыт её восприятия, анализа, сопоставления, оценки.

б) Человек должен иметь опыт эмоционально чувственного отношения к фактам культуры. Здесь целая шкала: настороженность, терпимость, нейтралитет, безразличие, принятие к сведению, любопытство, интерес, восхищение, восторг. Все это тоже надо пережить.

в) Человек должен уметь:

– интерпретировать (объяснять различные культурные ценности);

– преодолевать чуждое, преодолевать границы, разделяющие культуры; видеть в чужом не только и не столько то, что нас отличает друг от друга, сколько то, что нас сближает и объединяет;

– смотреть на события и их участников не со своей точки зрения, а с позиций другой/чужой культуры и понимать внутренние скрытые пружины событий и поступков;

– менять самооценку в результате постижения чужой культуры и отказа от существовавших ранее стереотипов или иллюзорных представлений; т. е. быть готовым меняться самому;

– видеть детали, важные для постижения сути явления/культуры;

– видеть устойчивое и изменчивое в культуре, т. е. традиции и инновации в различных сферах жизни;

– понимать смешное в чужой культуре;

– опираясь на этимологию, видеть взаимосвязь между словами иностранного языка и тем, что они обозначают;

– синтезировать и обобщать свой личный опыт в межкультурном диалоге.

3. Диалог культур можно рассматривать как деятельность, т. е. обнаружить все её признаки: предметом являются факты культуры; продуктом – интерпретация фактов культуры; целью – достижение взаимопонимания; средством – иноязычное образование.

4. Если общение – механизм образовательного процесса, то диалог культур – механизм взаимопонимания.

Работу с культурологической информацией, с фактами культуры необходимо начинать уже с начального этапа обучения русскому языку как иностранному. Для толкования данной информации, ее пояснения в виде семантизации можно использовать большое количество наглядной информации, но и не забывать об использовании русского языка для создания элементарных определений. При преподавании русского языка в иностранной аудитории нельзя ограничиваться лишь изучением нейтральной лексики и грамматических правил. Включение культурологической информации просто необходимо,

так как повышает интерес учащихся к русскому языку, способствует более глубокому и вдумчивому пониманию полученной на занятиях информации, ускоряет процесс аккультурации у иностранных учащихся в новой незнакомой среде, способствует диалогу культур.

Список литературы

1. Азимов, Э. Г. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков) [Текст] / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – СПб., 1999.
2. Акишина, А. А. Учимся учить: Для преподавателей русского языка как иностранного [Текст] / А. А. Акишина, О. Е. Каган. – М., 2004.
3. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М. М. Бахтин. – М., 1972.
4. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. – М., 1986.
5. Борисова, Е. Г. Лингвистические основы РКИ (педагогическая грамматика русского языка): учеб. пособие [Текст] / Е. Г. Борисова, А. Н. Латышева. – М., 2003.
6. Верещагин, Е. М. Язык и культура [Текст] / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М., 1990.
7. Вострякова, Ю. В. Проблемы познания в диалоговом пространстве современной культуры [Текст] / Ю. В. Вострякова // Философско-методологические проблемы науки и техники. – Самара, 1998. – С. 78–81.
8. Никитин, В. От диалога конфессий к диалогу культур [Текст]

List of Literature

1. Azimov, Je. G. Slovar' metodicheskikh terminov (teorija i praktika prepodavanija jazykov) [Tekst] / Je. G. Azimov, A. N. Wukin. – SPb., 1999.
2. Akishina, A. A. Uchimsja učit': Dlja prepodavatelej russkogo jazyka kak inostrannogo [Tekst] / A. A. Akishina, O. E. Kagan. – M., 2004.
3. Bahtin, M. M. Problemy pojetiki Dostoevskogo [Tekst] / M. M. Bahtin. – M., 1972.
4. Bahtin, M. M. Jestetika slovesnogo tvorcestva [Tekst] / M. M. Bahtin. – M., 1986.
5. Borisova, E. G. Lingvisticheskie osnovy RKI (pedagogicheskaja grammatika russkogo jazyka): ucheb. posobie [Tekst] / E. G. Borisova, A. N. Latysheva. – M., 2003.
6. Verewagin, E. M. Jazyk i kul'tura [Tekst] / E. M. Verewagin, V. G. Kostomarov. – M., 1990.
7. Vostrjakova, Ju. V. Problemy poznanija v dialogovom prostranstve sovremennoj kul'tury [Tekst] / Ju. V. Vostrjakova // Filosofsko-metodologicheskie problemy nauki i tehnik. – Samara, 1998. – S. 78–81.
8. Nikitin, V. Ot dialoga konfessij k dialogu kul'tur [Tekst] / V. Ni-

- / В. Никитин // Русская мысль. – Париж, 2000.
9. Пассов, Е. И. Диалог культур: социальный и образовательный аспекты (статья вторая) [Текст] / Е. И. Пассов // Мир русского слова. – 2001. – №2.
10. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному [Текст] / Под ред. А.Н. Щукина. – М., 2003.
11. Прохоров, Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев [Текст] / Ю. Е. Прохоров. – М., 1996
12. Сайко, Э. В. О природе и пространстве «действия» диалога [Текст] / Э. В. Сайко // Социокультурное пространство диалога. – М., 1999. – С. 9–32.
13. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000.
14. Томахин, Г. Д. Проблематика сопоставительного лингвострановедения [Текст] / Г. Д. Томахин, Б. Н. Фомин // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. – М., 1986.
15. Щукин, А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие для вузов [Текст] / А. Н. Щукин. – М., 2003.
- kitin // Russkaja mysl'. – Parizh, 2000.
9. Passov, E. I. Dialog kul'tur: social'nyj i obrazovatel'nyj aspekty (stat'ja vtoraja) [Tekst] / E. I. Passov // Mir russkogo slova. – 2001. – №2.
10. Praktičeskaja metodika obučenija russkomu jazyku kak inostrannomu [Tekst] / Pod red. A.N. Wukina. – M., 2003.
11. Prohorov, Ju. E. Nacional'nye sociokul'tunye stereotipy rečevogo obwenija i ih rol' v obučenii russkomu jazyku inostrancev [Tekst] / Ju. E. Prohorov. – M., 1996
12. Sajko, Je. V. O prirode i prostanstve «dejstvija» dialoga [Tekst] / Je. V. Sajko // Sociokul'turnoe prostranstvo dialoga. – M., 1999. – S. 9–32.
13. Ter-Minasova, S. G. Jazyk i mezhkul'turnaja komunikacija [Tekst] / S. G. Ter-Minasova. – M.: Slovo, 2000.
14. Tomahin, G. D. Problematika sopostavitel'nogo lingvostranovedenija [Tekst] / G. D. Tomahin, B. N. Fomin // Nauchnye tradicii i novye napravlenija v prepodavanii russkogo jazyka i literatury. – M., 1986.
15. Wukin, A. N. Metodika prepodavanija russkogo jazyka kak inostrannogo: ucheb. posobie dlja vuzov [Tekst] / A. N. Wukin. – M., 2003.

**СТАТУС СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЭЛЕМЕНТА -NET-
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Е. В. Сачкова

В данной статье описываются неологизмы английского языка с элементом –net-, рассматривается его языковой статус, определяются его характеристики как полуаффикса и выделяется прагматический компонент в его значении.

Ключевые слова: полуаффикс, прагматический компонент, прагматическая сема, частотность, продуктивность, ситуационная вариативность, стратификационная вариативность

В современном мире английский язык, несомненно, является основным языком компьютерных и информационных технологий. Таким образом, не вызывает удивления, что в его словарном фонде выделяется довольно большой корпус слов, содержащих в своем составе компонент –net– и относящихся к сфере компьютерных технологий и информационных сетей.

Элемент -net- образовался от слова net – сеть, паутина, которое в 1970-е в результате метонимии получило значение «компьютерная сеть», и network – взаимосвязанная цепочка, группа людей, организаций, сообществ, работающих вместе. До середины 1990-х эти слова использовались исключительно в компьютерной среде. В середине 1990-х в связи с ростом популярности сетевых компьютеров и появлением свободного доступа к компьютерным сетям эти слова, а затем и слова с -net- как составляющим компонентом стали широко употребляться. Элемент -net- как компонент слова потерял часть семантического значения самостоятельных слов net и network и приобрел широкое значение «относящийся к компьютерным сетям».

Элемент -net, переосмысленный на основе слова network, стал использоваться в качестве второго компонента слов, обозначающих названия различных компьютерных сетей, как местных, так и глобальных. Первый компонент, как правило, указывает или называет владельца сети: ARPANET – локальная сеть, созданная в 1969г. американским министерством обороны для Advanced Research Projects Agency, где первый компонент – аббревиатура от Advanced

Research Projects Agency. В начале 1980-х появилась глобальная сеть INTERNET, т.е. внешняя сеть, где первый компонент INTER указывает на ее доступность для всех пользователей по всему миру. Для обозначения внутренних сетей отдельных фирм и компаний используется слово Intranet, т.е. внутренняя сеть. Часто в названии сети указывается на сферу деятельности ее владельцев: JANET (the 'Joint Academic Network') – сеть для научных и исследовательских институтов в Великобритании и BITNET ('Because It's Time Network') – сеть, соединяющая более 2000 научных и исследовательских организаций по всему миру в основном через электронную почту. PeaceNet, EcoNet и GreenNet – сети, принадлежащие экологическим организациям. Sneakernet – шуточный термин для переноса данных с одного компьютера на другой не через сеть, а используя дискету, флеш-карту или внешний накопитель, образовался путем слияния sneaker – слово из американского английского со значением «кроссовки или кеды» и -net.

Элемент net-, выделившийся из слова «net» – сеть, паутина, активно участвует в словообразовании в качестве первого элемента слова и указывает на отнесенность объекта, выраженного вторым элементом, к различным аспектам компьютерных технологий. Рассмотренные ниже слова в основном принадлежат к жаргону компьютерщиков. Как отмечает Т. Шортис, язык может служить как показатель социального статуса человека, его индивидуальной и групповой идентификации [1. С. 50]. При этом необходимо различать технический жаргон, содержащий точные термины и социальный жаргон, который раскрывает принадлежность к какой-либо профессиональной группе. Так как на сегодняшний день информационные технологии одна из наиболее активно развивающихся сфер человеческой деятельности, то она требует и новых слов для вновь появившихся понятий и предметов. Часто новые слова намеренно используются для демонстрации принадлежности человека к профессиональной группе и исключения из коммуникации человека, к такой группе не принадлежащего.

Работа в компьютерной сети получила название “to surf the net” или netsurfing, и, соответственно, пользователь сети может называться netsurfer. Также Интернет пользователь может называться net.user, а наиболее увлеченные пользователи – Net-aholics.

Интернет, как виртуальное сообщество, породил и свою собственную культуру net culture, и свой собственный язык – Net language или,

как он чаще называется в сети *net lingo*. Он состоит из сленга и жаргона компьютерщиков, терминов Интернета, акронимов (*Net acronyms*) и эмотиконов (небольших картинок, отражающих основные эмоции человека). Появился и неформальный свод правил поведения, которых должен придерживаться пользователь в сети – *netiquette*. Слово образовалось в результате контаминации из *net* и *etiquette*. Любое нарушение этих правил получило название *net.abuse*, а люди и компании, пытающиеся контролировать поведение других пользователей, стали уничижительно называться *net.cops* и *net.police*.

Приведенные выше слова являются характерными только для жаргона компьютерных сетей, они построены по аналогии с использованием точки в качестве разделителя в программировании, адресах электронной почты и названиях сетевых групп. Эти слова принадлежат к жаргону постоянных пользователей *Internet*. Что касается правил их написания, то они могут писаться раздельно, через дефис или точку или слитно. Такой разброс в написании говорит о том, что процесс стандартизации их в соответствии с правилами английского языка только начался.

Что касается статуса элемента *–net–* в языке, то можно с уверенностью сказать, что этот элемент соответствует характеристикам полуаффиксов, выделенным В. Рязановым. [2. С. 93] Элемент демонстрирует высокую частотность использования и продуктивность (более 40 единиц неологизмов из различных словарей новых слов, периодических изданий и интернет сайтов), легко сочетается с основами различного происхождения и имеет более широкое отвлеченное значение, нежели самостоятельное слово.

Прагматический компонент в значении элемента *–net–* состоит в следующем, все слова с этим элементом ограничены по линии ситуационной вариативности рамками сферы компьютерных сетей. Слова с элементом *–net–* в качестве второго компонента относятся к официальной или нейтральной ситуации общения и принадлежат к научно-публицистическому стилю. Большинство этих слов, обозначающие мультимедийные и компьютерные технологии, пришло из сферы образования. [1. С. 48] Кроме того, данные слова имеют прагматические семы образования (чаще всего высшее образование) и социального статуса (средний класс) и в силу того, что названия большинства сетей, кроме, возможно, *Internet*, известно лишь узкому кругу специалистов, то сему профессии, т.е. ограничение по линии стратификационной вариативности.

Слова с элементом *net-* в качестве первого компонента в основном принадлежат к техническому жаргону компьютерщиков. Эти слова, как отмечает Т.Шортис [1. С. 57], содержат прагматическую сему нейтральной или неформальной тональности ситуации и прагматически маркированы по линии стратификационной вариативности принадлежностью к компьютерной субкультуре, что в свою очередь предполагает наличие еще одной прагматической семы образования (техническое образование) и, как показал опрос информантов, возраста (данные слова не известны людям старшего поколения и редко употребляются людьми среднего возраста). Также эти слова прагматически ограничены в своем употреблении рамками Интернет-сайтов.

Список литературы

1. Shortis, T. The Language of ICT [Текст] / Т. Shortis. – Lnd. & N.Y., 2000. – 116 p.
2. Рязанов, В. Ю. Особенности синхронных связей словосложения и аффиксации в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / В. Ю. Рязанов. – М., 2000, 281 с.

List of Literature

1. Shortis, T. The Language of ICT [Tekst] / T. Shortis. – Lnd. & N.Y., 2000. – 116 p.
2. Rjazanov, V. Ju. Osobennosti sinhronnyh svjazej slovoslozhenija i affiksacii v sovremennom anglijskom jazyke: diss. ... kand. filol. nauk [Tekst] / V. Ju. Rjazanov. – M., 2000, 281 s.

ABSTRACTS

Abramova E. V. To the Question about the Content of Back Phonemes in the Dutch Language

This paper is devoted to arguable issues of back phonemes of modern Dutch language, the description of specific features of back phonemes by Russian researchers as well as by foreign linguists.

Keywords: phonology, comparative analyses, back consonants.

Valko O. V., Timofeeva A. I. Actualization of Frame 'work' in American President's discourse

The article is devoted to cognitive semantics of the lexical units representing the frame WORK. The frame structure contains prototypical meaning and individualizing (discriminating) characteristics, including a number of slots. The article focuses on the peculiarities of frame actualization in B. Obama's weekly addresses to the nation, which reveal the frame's relevance for the American President's discourse, low variability of its representatives and stable association between work concept and a job / post in general.

Keywords: cognitive semantics, frame, frame actualization, prototype, prototypical meaning, discourse.

Dyakova T. V. Tracing as a Means of Translation of Politically Correct Words and Expressions

The article is devoted to one of the most wide-spread methods of translation of the words with no direct equivalents in other languages as tracing. The article also covers the advantages as well as disadvantages of this method.

Keywords: political correctness, culture-specific vocabulary, tracing.

Ivanova A. M. Hypotaxis of the Verbal Constructions in the Chuvash Language

The article continues the studying of morphosyntax problems in the Chuvash language. The functionality of the verbal constructions and hypotaxis are considered in the given article. Special attention paid to the structure and grammatical forms of the main and dependent components.

Keywords: combination of words, verb, verbal constructions, hypotaxis, the Chuvash language.

Kapinova E. S. Inclusion of Non-verbal Communicative Means in the System of Russian Language Teaching to the Students of Colleges of Tourism

Mastering such means of nonverbal communication as the facial expression in the sphere of foreign tourism by students at Colleges of Tourism demands mastering the forms of their facial expression, common in a given culture as well as understanding individual emotional display of those tourists who are served by our graduates. The degree of emotional expressiveness is one of the major factors in the organization of interpersonal relations. It is one of a particular importance when servicing foreign visitors.

Keywords: mastering, nonverbal, communications, expression, degree, foreign, tourism, interpersonal relations, Russian language, training.

Kozhanova V. E. Irony and Self-Irony in the Novel “Bridget Jones’ Diary” by H. Fielding

The article is devoted to the research into the main types of irony and self-irony realization on all linguistic levels. There were also considered peculiarities of their use in the novel by H. Fielding “Bridget Jones’s Diary”.

Keywords: irony, self-irony, linguistic levels.

Konstantinova A. A. Towards the Cognitive-Discursive Aspects of Paremias: the Function of Discourse Structure Organization

One of the urgent tasks for the modern paremiology is to study cognitive-discursive aspects of proverbs and sayings functioning. The present article deals with the function of discourse structure organization performed by Anglo-American paremias in the media and public speaking discourse.

Keywords: Anglo-American paremias, cognitive-discursive function, discourse, medical TV series, commencement speech.

Korotkova O. A. Linguocultural Peculiarities of English Pubs’ Names

The article analyzes the group of English oykodonyms (proper names of buildings) presented by the Great Britain pubs’ names. It reveals the basic lexic and semantic groups which are in the foundation of pubs nomination. Also it points out the cultural information which is hidden in those names.

Keywords: urbanonyms, oykodonyms, pubs.

Lebedeva O. G. Ways of Neologisms Translation

This article is focused on such translating methods as a transliteration, tracing, descriptive translation, but also touches upon the role of «fashionable words and phrases» in modern language and ways of their translation.

Keywords: neologism, ways of translation, linguoculturology.

Leonard Danglli. Aspects of meaning as part of synonymy

As almost all definitions of synonymy consider meaning as the basis of the synonymy relation, this paper pays special attention to the most important aspects of meaning, which have given rise to various debates among scholars. I will deal with the various approaches to the definition of meaning and its dimensions, as well as endeavor to find the “meaning” of meaning which “is everywhere, in our thoughts, in our words, in our actions, in the world. Wherever we turn, it is there” [Campbell 2002:1]. The paper also focuses on the relation between the various dimensions of meaning, such as reference, function, denotation or connotation, and synonymy. The definition of the latter requires a careful analysis of all the components of meaning.

Keywords: meaning, reference, function, denotation, connotation, synonymy.

Lee Er Yun. Synbols of Content and Form of Vocal-Poetic Work (by the Example of the Song “Wind of Ancientry” by Van Dee, Lyrics by Lu Yu)

This article presents the analysis of the song “The wind of antiquity” composed by Wang Di, lyrics by Lu You. The verse “A Hairpin” is notable for its accurately standard length, short phrases, compressed rhythm and straight form. This vocal and poetical piece is deep in conceptual content, which comes out during the performance. It represents basic symbols of Chinese culture both in its content and form. Such kind of songs contain not only the centuries-old history of Chinese civilization, but also offer an incentive for further comprehension of the world of literature and music.

Keywords: symbol, content, form, vocal and poetical piece of work, song, Wang Di, Lu Yu, ancient Chinese culture.

Molchanova O. E. Method of Dramatization as a Means of Formation of Creative Professional Methodic Competence of Would-be Foreign Language Teacher in Primary School

The article is devoted to modern ways of preparing future primary school English teachers who will be able to work at a school using drama techniques in general, and dramatization in particular. This method has by all means a lot of advantages in comparison with traditional methods of teaching, as it allows to create the kind of communication as close to the real one as possible.

Keywords: creative professional-methodic competence, active methods of teaching, dramatization, actors' training, teaching breathing.

Nurullina A. G. Concepts 'God', 'Devil', 'Heaven', 'Soul' in the Religious World View

The article presents results of the analysis of concepts "God", "Heaven/Sky", "Devil", "Soul" which are transferred by means of phraseological units. Also contemplate religious worldview, the symbolic notation which are key points in modern culture.

Keywords: concept, linguo-culture, worldview, symbol.

Petrova A. S. Dialogue of Cultures at the Lessons of Russian as a Foreign Language

In this article attention is paid to the notion "dialogue of cultures", what it consists of. Methodology of teaching Russian as a foreign language often uses this notion, because during practical part students from all over the world get acquainted not only with a new language but also with a unique culture, and in this situation dialogue of cultures is inevitable.

Keywords: dialogue of cultures, intercultural communication, Russian as a foreign language, methodology of teaching.

Potseluyeva N. V., Fedulenkova T. N. Contrastive analysis of zoomorphic phraseology in English, Russian and Kazakh

The paper is dedicated to contrastive analysis of English, Russian and Kazakh phraseological units (PUs) based on metaphor, which is considered to be one of the most frequent types of semantic transformation of the genetic prototype of idioms and other phraseological units. The paper is targeted at finding out general and specific features of the PUs under study.

Keywords: phraseological units, contrastive analysis, genetic prototype, semantic transformation, metaphor.

Sachkova E. V. Status of Word-Building Element –Net- in Modern English Language

The article deals with the English neologisms, which are formed with the help of the word-building element –net-. The element is defined as a semi-affix. Its characteristics and the pragmatic component of its meaning are described.

Keywords: semi affix, pragmatic component, pragmatic sema, frequency, productivity, situational variety, stratificational variety.

Solomina V. V. Notional Dichotomy own-alien and Its Notional Representation (on the Material of Russian Fiction Texts)

The article represents the meaning of the conceptual notions “own-alien” in the context of the emigrant prose. The work is concentrated on the fact that the notional dichotomy “own-alien” is a complex multidimensional mental formation which reflects the ways of interpretation of the reality and is based on the double actualization of the ambivalent component “own” in comparison with its ambivalent component “alien”. There are two strategies of the emigrants’ lingual behavior and core components of their lingual picture of the world.

Keywords: conceptual notions “own-alien”, the emigration, the lingual picture of the world, the categorization of own and alien.

Sheiko A. M. Propositional Semantic realization of Value Characteristics of Phenomenon ‘time’ in English Linguoculture

The article covers the category of evaluation described within lexical and functional stylistic means. The author describes propositions portraying the phenomenon of time in the English linguoculture.

Keywords: time, lingual time, linguoculture, proposition, axiology, evaluation.

Shtykova N. V. Pragmatics of Evaluation in the Newspaper Dialogic Text (on Materials of Cherepovets City Newspaper “Rech”)

The article gives the analysis of the emotional evaluation component as a part of the pragmatic meaning of the word. The author analyses the means of forming the evaluation meaning of lexical units in the structure of the dialogic genre texts.

Keywords: pragmatic meaning, dialogic genre, interview, question-answer talk, discussion, emotional evaluation.

Shumilo T. V. Non-articulated Utterances as a Means of Emotional and Emotive Expression

This article analyzes the use of emotive utterances in Russian language. The author distinguishes between such concepts as “emotionality” and “emotiveness”. Inarticulate utterances are specialized units that can give an appropriate emotional tone to any statement. This article also states that the abundance of emotive inarticulate utterances in Russian language gives the evidence of emotionality and expressivity of Russian.

Keywords: emotions, emotionality, emotiveness, inarticulate utterances, expressiveness, speech.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова Евгения Викторовна – кандидат филологических наук
доцент кафедры английского языка Санкт-петербургского государственного инженерно-экономического университета.

193232, Санкт-Петербург, ул. Крыленко 45-1-239.

janex@mail.ru

Валько Ольга Владимировна – кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии № 1 Кемеровского государственного университета.

650000, Кемерово, Томская 5 А – 85.

olgav2001@rambler.ru

Дьякова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук,
доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода Волгоградского государственного

400087, Волгоград, ул. Невская, 7А – 2.

tatyana_dyakova@yahoo.com

Иванова Алена Михайловна – кандидат филологических наук,
доцент кафедры чувашского языкознания и востоковедения Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, ученый секретарь диссертационного совета Д 212.301.03.

428020, Чебоксары, ул. Строителей, д. 9, кв. 26.

amivano@rambler.ru

Капинова Елизавета Самойловна – доцент, доктор по педагогике,
директор Департамента по языковому обучению Университета им. проф. д-ра Асена Златарова. Департамент по языковому обучению, гор. Бургас, Болгария.

08811, Болгария, г. Бургас, к/с Меден Рудник, бл.4, вх.3, ап.15.

lizabella@mail.ru

Кожанова Валерия Евгеньевна – студентка 2 курса английского отделения института иностранных языков Волгоградского государственного педагогического университета

400040, Волгоград, ул. Штеменко, 66-10.

lera33777@mail.ru

Константинова Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Кубанского государственного технологического университета.

350012 г. Краснодар, ул. Красных Партизан, 4/3, 120.
constanna@mail.ru

Короткова Ольга Александровна – магистрант Челябинского государственного университета, лаборант КЛиМК РБИУ,
454000, Челябинск, ул.40-лет-Победы, д.36А-206.
olga89.mur@mail.ru

Лебедева Ольга Геннадьевна – доцент Южно-Российского государственного технического университета.
346410 Ростовская обл., Новочеркасск, ул. Атаманская 60-а кв. 24.
olgaleb4@ Rambler.ru

Ли Эр Юн – аспирант кафедры истории музыки Белорусской государственной академии музыки.
220002, Беларусь, Минск, ул. Киселева, д. 62, комн. 928.
lieryong@yandex.ru

Молчанова Ольга Евгеньевна – старший преподаватель кафедры английского языка факультета иностранных языков Калужского государственного университета им.К.Э. Циолковского.
248018, Калуга, ул.Хрустальная , д.8, кв.52.
olmol2010@yandex.ru

Нуруллина Айгуль Гумеровна – аспирантка Казанского (Приволжского) федерального университета в г. Набережные Челны.
Набережные Челны, пр. Московский, д.144. 52/21-32кв.
pushisticfsb@mail.ru

Петрова Анна Сергеевна – аспирантка кафедры межкультурной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
197183 г. Санкт-Петербург, ул. Савушкина, д. 17, кв. 47.
sihaja@yandex.ru

Поцелуева Наталья Васильевна – аспирант Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова; старший преподаватель кафедры иностранной филологии Павлодарского государственного университета им.С. Торайгырова.

Казахстан, г. Павлодар, ул. Ак. Бектурова 52/1-33.
Potnatal321568@mail.ru

Сачкова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексики английского языка Московского педагогического государственного университета.

109377, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 4, кв. 28.
november29@yandex.ru

Соломина Виктория Владимировна – студент-исследователь Волгоградского государственного педагогического университета

403654, Волгоградская область, Ольховский район, с. Липовка, ул.Ленина д56
vsolomina@rambler.ru

Тимофеева Ангелина Игоревна – выпускница Кемеровского государственного университета

650000, Кемерово, Томская 5 А – 85.
Alyusha89@yandex.ru

Федуленкова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии Северодвинского филиала Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

164500, Северодвинск, Архангельской области, пр. Ленина, д. 16/1, кв. 100.
taniafed@atnet.ru

Шейко Анастасия Михайловна – ассистент, аспирант кафедры теории и практики перевода Волгоградского государственного университета.

400005, Волгоград, ул. Глазкова, 23-158.
Anastasia_sheyko@mail.ru

Штыкова Надежда Викторовна – аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Череповецкого государственного университета; старший преподаватель Череповецкого военного инженерного института радиоэлектроники.

162612, Череповец, ул. Гоголя 18-46.

Nadyshka-2204@rambler.ru

Шумило Татьяна Витальевна – преподаватель кафедры иностранных языков №1 Гродненского государственного университета имени Я. Купалы (Беларусь).

230029, Беларусь, Гродно, ул. Горького 62-12.

angelica-20@mail.ru.

Leonard Danglli – a full-time lecturer of the English Department at the Faculty of Foreign Languages, University of Tirana, Albania.

Rr.Babe Rexha, Lgj. Nr. 7, Banesa nr. 56, Tirane, Shqiperi.

leonard_albania@yahoo.com

ГОУВПО «Челябинский государственный университет»
Вузовская академическая лаборатория межкультурных коммуникаций
Издательство «Энциклопедия»

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги!

Каждый второй месяц, начиная с января, выходит очередной номер научного журнала «**Lingua-mobilis**», в структуру которого входят следующие разделы:

1. Язык художественной литературы
2. Языкознание
3. Язык средств массовой информации
4. Язык политики
5. Лингвистика и перевод
6. Методика преподавания языка и литературы

Материалы для публикации принимаются в электронном виде по адресу: 454084, г.Челябинск, пр.Победы 162-в, лаборатория межкультурных коммуникаций. Или e-mail: lingua-mobilis@rambler.ru Также просим указывать сведения об авторе: фамилию, имя, отчество (полностью), место работы, должность, ученую степень и звание, адрес, телефон, e-mail. **К заявке необходимо прикладывать аннотации статьи на русском и английском языке (не более 500 знаков), а также ключевые слова.**

Оплату за публикацию (100 р. за страницу) необходимо присылать сразу после получения подтверждения о принятии Ваших материалов к публикации, там же будут указаны реквизиты для электронного перевода. Авторские экземпляры научного журнала «**Lingua-mobilis**» рассылаются бесплатно.

Требования к оформлению:

- Материалы подаются в виде статей объемом от 4 до 20 стр. (в формате RTF, Times New Roman, кегль 14, через 1,5 инт., поля - 2 см).
- Ссылки на литературу даются внутри текста статьи в скобках: [1. С. 32] или в виде концевых примечаний.
- Список литературы помещается после статьи под заголовком «Список литературы» и оформляется в соответствии с правилами библиографического описания.

ISSN 1998-1546.

С июня 2008 г. электронная версия журнала «**Lingua mobilis**» доступна в РИНЦ (на сайте www.elibrary.ru)

С уважением, редакция!